

Сопоставительные исследования 2009

**Воронеж
2009**

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным
языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

**Сопоставительные
исследования
2009**

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2009**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2009 – Воронеж: Истоки, 2009. – 200 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является шестым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Истоки», 2009

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина, И.А. Стернин

Параметрический метод в сопоставительных исследованиях

Широкое распространение сопоставительных и контрастивных исследований языков в настоящее время обусловлено многими причинами — интересом к межкультурной коммуникации, сознанию и менталитету народов, картине мира, отражаемой в языке, и другими обстоятельствами, делающими сопоставительные и контрастивные исследования актуальными и востребованными.

Мы разграничиваем *контрастивные* и *сопоставительные* исследования: если контрастивные исследования предполагают сопоставление отдельных единиц одного языка со всеми возможными соответствиями этой единицы в другом языке, то при сопоставительном исследовании предметом сопоставления являются одноименные языковые подсистемы разных языков (Контрастивная лексикология 2006, Стернин 2007). При этом отметим, что термин «сопоставительные исследования» может употребляться (и употребляется в названии данной статьи) в качестве **интегрального**, объединяющего в себе и собственно сопоставительные, и контрастивные исследования.

Как контрастивные, так и сопоставительные исследования позволяют выявить различные аспекты национальной специфики сравниваемых языков. Контрастивный анализ лексем ориентирован на семные различия сравниваемых единиц и использует, прежде всего, теоретический аппарат семной семасиологии, которая предполагает описание значений языковых единиц как упорядоченной совокупности сем. Отметим, что семная семасиология — теоретическое достижение структурной семасиологии XX века, открывшей членимость значения на компоненты (Ельмслев, Скаличка). В дальнейшем были разработаны **методы семного анализа**: метод оппозитивного компонентного анализа (Гуденаф и Лаунсбери), экспериментального выявления сем (Бендикс), метод выявления сем из словарных дефиниций, метод логического анализа структуры значения, ассоциативный метод выявления сем и др.

В настоящее время семная структура значения представляется как упорядоченная совокупность сем разных типов, объединяемая в несколько более крупных макрокомпонентов — денотативный, коннотативный, функциональный. Задача контрастивного описания семантики заключается в выявлении национально специфических различий в семном составе сравниваемых единиц по всем видам отмеченных сем: денотативным, коннотативным, функциональным.

Однако национальная специфика семантики не сводится исключительно к семным несовпадениям отдельных единиц. Она может проявляться в разной степени развитости полисемии единиц одноименных групп лексики в разных языках, разной системной организации лексико-семантических парадигм, разной наполненности одноименных парадигм в разных языках, разной стилистической и эмоциональной окрашенности единиц сравниваемых групп, разным количестве

синонимов и антонимов в одноименных группировках разных языков и т.д. Перечисленные, а также и многие другие виды проявления национальной специфики семантики выявляются посредством сопоставительных исследований при помощи семемного анализа (см. Копыленко, Попова 1989).

В связи с обширностью фиксируемых национально-специфических черт, выявляемых при контрастивных и сопоставительных исследованиях, возникает проблема единообразного описания национально-специфических различий разных языков, чтобы можно было сопоставлять результаты исследований на материале разных языков и делать выводы об уровне и степени проявления национальной специфики каждого отдельного языка на фоне остальных.

Это привело нас к формулированию **параметрического метода** описания национальной специфики языков, суть которого заключается в разработке формализованных параметров описания национальной специфики языков в разных аспектах. Каждый такой параметр выражается в виде соответствующего индекса (численного показателя), сопоставление одноименных индексов в разных языках свидетельствует о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

В наших работах, а также в работах, выполненных под нашим руководством, предложен и использован целый набор формализованных параметров для сопоставительных и контрастивных исследований. Обзор большинства из них представлен в предыдущем выпуске «Сопоставительных исследований», вышедшем в начале 2008 г. (см. Стернина 2008). Однако разработка параметрического подхода продолжается, и за последнее время был предложен еще целый ряд новых параметров для выявления национальной специфики семантики.

В частности, был предложен ряд параметров для контрастивного изучения фразеологии. Так, Л.И. Зиминой (Зиминой 2007) при изучении фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках были введены и использованы следующие индексы:

- *индекс семантико-образной эквивалентности* (отношение числа немецких фразеологизмов, имеющих семантико-образные эквиваленты в русском языке, к общему числу немецких фразеологизмов)
- *индекс семантической эквивалентности* (отношение числа немецких фразеологизмов, имеющих семантические эквиваленты в русском языке, к общему числу немецких фразеологизмов)
- *индекс семантико-образной национальной специфики* (отношение числа немецких фразеологизмов с семантико-образной национальной спецификой к общему числу немецких фразеологизмов)
- *индекс семантической национальной специфики* (отношение числа немецких фразеологизмов с семантической национальной спецификой к общему числу немецких фразеологизмов)
- *индекс фразеологической безэквивалентности* (отношение числа безэквивалентных немецких фразеологизмов к общему числу немецких фразеологизмов)

На основе вышеперечисленных индексов Л.И. Зимина определяет *обобщенный индекс национальной специфики семантики* исследуемых фразеологических единиц, который вычисляется как сумма индексов фразеологической безэквивалентности, семантической национальной специфики

и семантико-образной национальной специфики. Для проанализированной группы фразеологических единиц этот индекс оказался равным 0,93. На основании данного показателя автором сделан вывод, что проанализированные немецкие фразеологизмы с наименованиями частей лица обладают высоким уровнем национальной специфики относительно русских соответствий.

Еще одним индексом, введенным в последнее время для контрастивных исследований, является предложенный Л.В. Лукиной *интегральный индекс идентичности лексем* – среднее арифметическое использованных ранее индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности (Лукина 2008).

Ряд формализованных параметров, представленных в виде индексов, был введен для сопоставительного описания концептов и когнитивных смыслов. Так, Д.А. Селищевой были введены в лингвистический обиход и использованы индексы лексикализации и фразеологизации концепта, под которыми понимается отношение количества репрезентирующих концепт соответственно лексических или фразеологических единиц к общему числу единиц, репрезентирующих данный концепт, а также индексы лексической, фразеологической и лексико-фразеологической объективации когнитивных смыслов, под которыми понимается отношение когнитивных смыслов, представленных соответственно исключительно лексемами, исключительно фразеологизмами, или как лексемами, так и фразеологизмами к общему числу выделенных когнитивных смыслов в данном языке. (Об использовании этих параметров в конкретном лингвистическом анализе см. статью Д.А. Селищевой в данном сборнике.)

Среди других формализованных параметров для сопоставительных исследований, введенных в лингвистический обиход в последнее время, отметим предложенные Л.А. Барановой *индекс денотативной представленности семем*, под которым понимается отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в группе, и *индекс коннотативной представленности семем* – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в группе (пример использования этих параметров см. в статье Л.А. Барановой в данном сборнике), введенные С.В. Колтаковой *индекс однозначности лексем группы* – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы и *индекс пересечения разноименных групп* – отношение количества лексем, которые одновременно входят в состав обеих сопоставляемых групп, к общему количеству лексем конкретной группы (Колтакова 2008), предложенный Н.В. Прощенковой *индекс лакуарности*, под которым понимается отношение количества выявленных лакун к общему числу единиц языка сопоставления. (Прощенкова 2008), а также разработанный Н.А. Портнихиной *индекс продуктивности семантического признака*, под которым мы понимаем отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от данной лексемы (Портнихина 2008).

В целом на данный момент введены в лингвистический обиход и активно используются для семантического анализа 23 параметра для сопоставительных исследований и 18 параметров для контрастивных.

Отметим, что параметрический метод сопоставительного описания языков уже на данном этапе его применения позволяет сделать обоснованные выводы о степени выраженности национальной специфики отдельных лексических группировок в разных языках в соответствии с предложенными в рамках этого метода шкалами оценки степени проявления национальной специфики (см. Колтакова 2008, а также статью С.В. Колтаковой и М.А. Стерниной в данном сборнике). С помощью параметрического метода удалось разработать основанную на объективных цифровых показателях методику определения ближайших, близких и дальних соответствий в языке сопоставления при контрастивном исследовании и создать типологию межъязыковых соответствий (см. Лукина 2008).

Выявление и использование формализованных параметров сопоставления позволяют по-новому подойти и к проблеме семантической типологии языков, которая в период интенсивного развития типологических исследований в прошлом веке была признана малосодержательной и не получила развития. Представляется, что сопоставление языков с помощью параметрического метода позволит в будущем выделить определенные семантические типы языков.

Литература

1. Зимина Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Контрастивная лексикология и лексикография /под ред. И.А. Стернина и Т.А.Чубур. – Воронеж, 2006.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
5. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
6. Портнихина Н.А. Сравнительный анализ семантического развития лексем *rain* и *дождь* в русском и английском языках / Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. – С. 48-53.
7. Проценкова Н.В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках (на материале существительных русского и украинского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
8. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
9. Стернина М.А. О новых направлениях в развитии сопоставительных исследований/ Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. - С. 3-10.

С.В. Колтакова, М.А. Стернина

К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок

В рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы предложена и апробирована система формализованных параметров сопоставления языковых

подсистем разных языков. Формализованный параметр представляет собой аспект сравнения лексических группировок, для которого «вычисляется соответствующий формальный индекс, который является показателем степени проявления специфики той или иной языковой подсистемы по определенному параметру» (Стернин, Стернина 2007, с. 9). Система формализованных параметров позволяет дать качественным национально-специфическим различиям количественное выражение, что делает сопоставительное описание лексических группировок более четким, объективным и обоснованным.

Последовательное использование комплекса формализованных параметров применительно к лексическим группировкам разных языков позволяет определить степень проявления национальной специфики группировки в целом. Проиллюстрируем данное положение на примере тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках.

В качестве параметров для сопоставления степени проявления национальной специфики данных лексических группировок были выбраны следующие:

Номинативная плотность – количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004, с. 111) (вычисляется в абсолютных числах).

Индекс полисемантичности – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004, с. 34) (вычисляется в абсолютных числах).

Индекс однозначности лексем группы – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (Колтакова 2008, с. 38) (вычисляется в процентах).

Индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой - Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с. 38) (вычисляется в процентах).

Индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с. 38) (вычисляется в процентах).

Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38) (вычисляется в процентах)

Индекс принадлежности к исследуемой тематической группе – отношение общего количества развиваемых лексемами данной подгруппы/ группы семем с семей тематической группы к общему количеству семем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004, с. 34) (вычисляется в процентах).

Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы – отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы (Чернова 2006, с. 38) (вычисляется в процентах).

Индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы группы – отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной

структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Вострикова 2006, с. 38) (вычисляется в процентах).

Индекс пересечения разноименных групп – отношение количества лексем, которые одновременно входят в состав обеих сопоставляемых групп, к общему количеству лексем конкретной группы (Колтакова 2008, с. 38) (вычисляется в процентах).

Национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные**.

Для параметров, чьи индексы представлены процентами, степень проявления национальной специфики равняется численной разнице между показателями индексов сопоставляемых групп в разных языках. Если расхождения между показателями индексов составляют более 10%, то данные национально-специфические различия можно квалифицировать как **существенные**. Если расхождения варьируются от 5 до 10 %, то мы имеем дело с **заметными** различиями. Если разница между показателями индексов составляет от 1 до 5%, то национально-специфические различия рассматриваются нами как **видимые**, если разница менее 1% – различия **несущественные**.

Шкала оценки степени проявления национальной представленным специфики тематических групп по параметрам, выраженным в процентах, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Численная разница между показателями индексов	Характер национально-специфических различий
> 10%	<i>существенные</i>
5 – 10 %	<i>заметные</i>
1 – 5%	<i>видимые</i>
< 1%	<i>несущественные</i>

Для параметров, представленных абсолютными цифрами (а таких параметров два – номинативная плотность и индекс полисемантической), степень проявления национальной специфики вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп, то есть определяется относительная номинативная плотность (термин Т.А. Чубур – Чубур 2005, с. 10) и относительный индекс полисемантической (термин Колтаковой – Колтакова 2008, с.165). Если полученные цифры варьируются от 1,0 до 1,1, то данные различия квалифицируются как **несущественные**, если эти цифры попадают в промежуток от 1,1 до 1,2, то национально-специфические различия являются **видимыми**. Если данные показатели колеблются от 1,2 до 1,3, то различия можно охарактеризовать как **заметные**. Если указанная цифра оказывается больше 1,3, степень проявления национальной специфики считается **существенной**.

Шкала оценки степени проявления национальной специфики тематических групп по параметрам, выраженным в абсолютных числах, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Отношение абсолютных показателей	Характер национально-специфических различий
1,0 – 1,1	<i>несущественные</i>
1,1 – 1,2	<i>видимые</i>
1,2 – 1,3	<i>заметные</i>
> 1,3	<i>существенные</i>

Использование предложенных шкал оценки степени проявления национальной специфики к тематической группе «Труд» в русском и английском языках показало, что **существенные** национально-специфические различия выявлены по таким четырем параметрам, как *индекс однозначности лексем группы* – разница между показателями данного индекса для групп «Труд» в русском и английском языках составляет 15,7%; *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* – расхождения между показателями данного индекса русской и английской групп составляют 11,58%; *индекс лексико-семантической замкнутости группы* – показатели данных индексов русской и английской групп различаются на 17,27%; а также *индекс полисемантической* – относительный индекс полисемантической для изучаемых групп составляет 1,33. **Заметные** расхождения зарегистрированы по трем параметрам: *индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* – разница между данными индексами английской и русской групп составляет 5,3%; *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* – разница между показателями данных индексов составляет 6,4%; *индекс принадлежности к группе* – расхождения в показателях данных индексов русской и английской групп равны 9,67%. **Видимые** расхождения зафиксированы по одному параметру – *индексу пересечения групп* (разница между этими индексами в русском и английском языках составляет 1,4%), **Несущественные** расхождения наблюдаются по двум параметрам (*номинативная плотность* – индекс относительной номинативной плотности тематической группы «Труд» в русском языке относительно английского языка составляет величину 1,07 и *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы* – разница между данными индексами английской и русской групп составляет 0,56%).

Для тематических групп «Отдых» в русском и английском языках **существенные** национально-специфические различия выявлены по шести параметрам (*номинативная плотность* – индекс относительной номинативной плотности тематической группы «Отдых» в английском языке относительно русского языка составляет 1,4; *индекс полисемантической* – показатель относительного индекса полисемантической для изучаемых групп также составляет 1,4; *индекс однозначности лексем группы* – разница между данными индексами русской и английской групп составляет 17,59%; *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* – данные показатели для русской и английской групп «Отдых» отличаются на 10,08%; *индекс лексико-семантической замкнутости группы* – расхождения в показателях данных индексов русской и английской групп составляют 16,89%; *индекс*

принадлежности к группе – данные индексы русской и английской групп различаются на 14,27%). **Заметные** расхождения отмечены по одному параметру – *индексу первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (разница между показателями данных индексов русской и английской групп составляет 6,81%). **Видимые** расхождения зафиксированы по двум параметрам (*индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* – разница между соответствующими индексами английской и русской групп составляет 3,28%; *индекс пересечения групп* – разница между двумя показателями этого индекса равна 2,03%). **Несущественные** расхождения отмечены по одному параметру – *индексу внутригрупповой структурно-семантической связности группы* (разница между показателями соответствующих индексов в английском и русском языках составляет 0,84%).

Сопоставление показателей степени проявления национальной специфики по всем рассмотренным параметрам по предложенной шкале дает возможность сделать общий вывод о выраженности национальной специфики той или иной лексической группировки. Так, если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные** и **заметные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную**. В то же время, если наблюдается преобладание **видимых** и **несущественных** расхождений, то национальная специфика характеризуется как **неярко выраженная**.

Поскольку в сравниваемых тематических группах «Труд» и «Отдых» преобладают *существенные* и *заметные* национально-специфические расхождения, можно сделать вывод, что данные группы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику. При этом отметим, что общее количество зафиксированных *существенных* и *заметных* национально-специфических различий как между английской и русской группами «Труд», так и между английской и русской группами «Отдых» одинаково и равно семи, что позволяет говорить о том, что сравниваемые тематические группы демонстрируют приблизительно одинаковую степень проявления национальной специфики.

Исследование, выполненное на материале двух крупных сопоставимых тематических групп русского и английского языков, подтвердило возможность определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам, а также возможность определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом с помощью предложенных шкал. Таким образом, можно утверждать, что на настоящем этапе развития сопоставительных исследований степень проявления национальной специфики лексических группировок может быть объективно описана и оценена.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– М.: ГНОЗИС, 2004..
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.

4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
5. Стернин И.А., Стернина М.А. О развитии сопоставительных исследований и формализации результатов сопоставления/ Сопоставительные исследования. – Воронеж: 2007, с.3-11.
6. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
7. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2005.
8. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

А.А. Махонина

Об уровнях и ступенях лакунарности

При сопоставлении систем различных языков часто отмечаются несходства в семантико-функциональной эквивалентности сравниваемых единиц. Крайним случаем этих несовпадений являются лакуны. Межъязыковая лексическая лакуна – это некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления.

Поскольку проблема лакунарности представляет большой интерес для лингвистического анализа, многие ученые уделяют особое внимание разработке классификаций межъязыковых лакун. На настоящий момент существует целый ряд таких классификаций, представляющих несомненный интерес (В.Л. Муравьев, А.П. Бабушкин, Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, Астрид Эртельт-Фиит, Е.А. Эйнуллаева). Отметим, однако, что все они основаны на широких внеязыковых принципах и, как правило, базируются на разных основаниях.

На основе проведенного исследования русско-английских субстантивных лакун нами была предложена единая типология лексических лакун, которая охватывает все без исключения межъязыковые лакуны и основывается на едином принципе. Основанием для такой типологии лакун служит причина лакунарности, то есть причина, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной является отсутствие в исследуемом языке либо соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку. Соответственно выделяются две большие группы лакун: обобщающие и конкретизирующие.

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке (в нашем случае – русском) соответствующего обобщения, например, *что-либо, починенное на скорую руку* – ср. *carp*, *нечто хрупкое, легкое или преходящее* – ср. *wisp*, *то, что упало или падает каплями (дождь, стекающий жир и т.п.)* – ср. *droppings*. **Конкретизирующие** лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённым признакам, например, *лошадь, которая может быть куплена после скачек* – ср. *claimer*, *твердый грунт, по которому можно пройти через*

топкое болото – ср. *hard*, *человек в возрасте между 70 и 79 годами* – ср. *septuagenarian*.

Следует отметить, что во многих случаях можно наблюдать отсутствие в исследуемом языке конкретизации или обобщения не по одному, а одновременно по нескольким признакам. Это свидетельствует о существовании нескольких **уровней лакунарности**: лакуны первого уровня демонстрируют отсутствие обобщения или конкретизации по одному признаку, лакуны второго уровня – по двум признакам, лакуны третьего уровня – по трем признакам и т.д. Отметим при этом, что для определения наличия уровней лакунарности требуется первоначально выделить слово или устойчивое словосочетание в фоновом языке, номинирующее понятие, которое подвергается обобщению или конкретизации.

Так, например, в лакуне *событие, происходящее раз в 4 года* – ср. *quadrennial* конкретизируемым понятием является *событие*. Рассматриваемая лакуна является лакуной первого уровня, так как отсутствует конкретизация по одному признаку – по периодичности.

Лакуна *пестрая расцветка кошки или другого животного, сочетающая три цвета (обычно черные и красновато-коричневые пятна на белом фоне)* – ср. *calico* свидетельствует об отсутствии конкретизации понятия *расцветка* по признаку принадлежности и по признаку цвета и является лакуной второго уровня.

Лакуна *активист политической партии, который «прикрепляется» к определенному району для обеспечения явки на выборы сторонников партии, для чего он порой подвозит избирателей к участку, обеспечивает нянь на время отсутствия родителей в день выборов и т.д.* – ср. *амер. committeeman* является лакуной третьего уровня, так как отсутствует конкретизация понятия *активист* по трем признакам: принадлежности, образу действия и цели.

Лакуна *резкое изменение в распределении голосов избирателей в пользу одной из политических партий, ведущее к убедительной победе одного из кандидатов* – ср. *landslide* является лакуной четвертого уровня, потому что отсутствует конкретизация понятия *изменение* по четырем признакам: по признаку внезапности (*резкое*), по месту приложения действия (*в распределении голосов избирателей*), по направленности действия (*в пользу одной из политических партий*), по результату (*ведущее к убедительной победе одного из кандидатов*).

Лакуна *краткая издательская аннотация рекламного характера на обложке или суперобложке, часто составленная из выдержек, взятых из рецензий* – ср. *blurb* является лакуной пятого уровня, поскольку наблюдается отсутствие конкретизации понятия *аннотация* по пяти признакам – длине, принадлежности, содержанию, месту и составу.

Таким образом, у конкретизирующих лакун выделяется пять уровней лакунарности.

Обобщающие лакуны, как показывает наше исследование, имеют три уровня лакунарности. Так, например, *предмет, лежащий поверх другого предмета* – ср. *riders* является лакуной первого уровня, поскольку отсутствует обобщение только по одному признаку – признаку места. Лакуна *что-л. уродливое, громоздкое, неприятное для глаза* – ср. *blot* является обобщающей лакуной второго уровня, так как отсутствует обобщение по двум признакам – отрицательной оценке и размеру. Лакуна *нечто грандиозное, дорогое и*

бесполезное – ср. white elephant является лакуной третьего уровня, так как отсутствует обобщение по трем признакам: по признаку размера, по признаку стоимости и по признаку ценности.

Исследование показало также возможность выделения нескольких **ступеней лакунарности**. Это явление, по нашим наблюдениям, присуще только конкретизирующим лакунам. Если конкретизируется только родовое понятие, то мы имеем дело с лакунами первой ступени. Такими лакунами являются, например: *расстояние, в пределах которого слышен оклик* – ср. hail, *водитель, идущий впритык к другому автомобилю* – ср. tailgater, *солдат, вернувшийся в свою часть после госпиталя* – ср. returnee (конкретизируемыми родовыми понятиями здесь являются соответственно *расстояние, водитель и солдат*).

В том случае, когда, помимо родового понятия, конкретизируется одно из видовых понятий, отмечается наличие второй ступени лакунарности. Так, *неделя особо суровых испытаний для студента, вступающего в студенческое братство* – ср. hellweek, является лакуной второй ступени, поскольку, помимо конкретизации родового понятия *неделя*, имеет место также конкретизация видового понятия (*студента*) по цели (*вступающего в студенческое братство*). Подобными же лакунами второй ступени являются: *список товаров, не облагаемых пошлиной* – ср. free list, *запрещение использовать пищевые добавки или иные вещества, обладающие канцерогенными свойствами* – ср. амер. delancy clause, *моторная лодка с каютой, оборудованной для проживания на борту* – ср. амер. cabin cruiser.

Отметим также возможность сосуществования у конкретизирующих лакун одновременно и уровней, и ступеней лакунарности. Так, например, в лакуне *время на радио утром и вечером, когда передачи слушает наибольшее количество людей, направляющихся в своих автомобилях на работу или с работы домой* – ср. амер. drivetime наблюдается отсутствие конкретизации родового понятия *время* по двум признакам: по признаку места (*на радио*) и времени (*утром и вечером, когда передачи слушает наибольшее количество людей*), а также конкретизация видового понятия (*людей*) по осуществлению действия (*направляющихся в своих автомобилях на работу или с работы домой*). Приведем еще примеры таких случаев: *мешок из черного пластика на застёжке-молнии, в который укладывается труп, увозимый в морг с места происшествия или выносимый с поля боя* – ср. амер. body bag, *джипы пограничной охраны США на границе с Мексикой с помощью которых задерживают мексиканцев, пытающихся нелегально перейти границу* – ср. амер. war wagon.

Наличие у конкретизирующих лакун как уровней, так и ступеней лакунарности, а также возможность их сосуществования в одной конкретизирующей русско-английской лакуне, равно как и существенное преобладание конкретизирующих лакун над обобщающими (по нашим данным из общего объема более 7000 субстантивных лакун в русском языке, только 227 являются обобщающими) свидетельствует о большей склонности английского языкового сознания к конкретизации номинации. Уровни и ступени лакунарности, таким образом, могут являться определенного рода показателем особенностей лексической номинации.

К вопросу о типологической классификации русско-английских адъективных лакун

В настоящее время, в период повышенного интереса к проблемам межкультурной коммуникации, лексическая безэквивалентность и лакунарность все больше привлекают внимание исследователей. На данный период существует множество классификаций межъязыковых лакун, основанных на различных принципах. Особый интерес представляет типологическая классификация, предложенная А.А. Махониной (Махонина, 2006) и основанная на причине лакуарности, то есть на причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Согласно данной типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие. Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующего обобщения, конкретизирующие – на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённым признакам.

Как показало наше исследование, проведенное на материале адъективных лакун, полученных методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна, отмеченная типология, разработанная для субстантивных лакун, применима и к адъективным лакунам, среди которых также можно выделить как конкретизирующие, так и обобщающие лакуны.

В качестве примера конкретизирующих лакун приведем следующие: *направленный, направляющийся к земле* – ср. *earthward* (конкретизация по направлению), *находящийся вне движущегося космического корабля* – ср. *extravehicular* (конкретизация по положению в пространстве), *имеющий берег или пляж* – ср. *beached* (конкретизация по наличию (обладанию)), *легко забывающийся* – ср. *forgettable* (конкретизация по степени проявления признака), *жадно впитывающий, стремящийся приобрести* – ср. *acquisitive* (конкретизация по интенсивности действия), *происходящий после наступления брака* – ср. *postnuptial* (конкретизация по времени совершения действия), *происходящий раз в два года* – ср. *biennial* (конкретизация по периодичности), *выделяющий бальзам* – ср. *balsamiferous* (конкретизация по свойствам), *питающийся личинками, пожирающий личинки* – ср. *larvivorous* (конкретизация по способу питания), *обесцвеченный под сединой* – ср. *frosted* (конкретизация по признакам внешности), *охотящийся на мышей* – ср. *mousina* (конкретизация по месту приложения действия), *умеющий рассказывать анекдоты* – ср. *anecdotic* (конкретизация по умениям), *распространенный в определенном полушарии (о видах животных и растений)* – ср. *diatomic* (конкретизация по месту обитания), *носящий шотландскую юбку* – ср. *kilted* (конкретизация по манере одеваться), *одетый в плащ, накидку, пелерину* – ср. *caped* (конкретизация по надетой одежде), *помешанный на путешествиях* – ср. *locomotive* (конкретизация по предпочтениям), *достойный любви* – ср. *lovelorthy* (конкретизация по оценке окружающих), *поддающийся убеждению* – ср. *convincible* (конкретизация по возможности осуществления действия), *находящийся в подавленном состоянии* – ср. *dyspeptic* (конкретизация по состоянию), *подобающий почтенной женщине* –

ср. *matronly* (конкретизация по поведению), *занимающийся в университетском колледже* – ср. *internal* (конкретизация по месту обучения), *страдающий куриной слепотой* – ср. *mooneyed* (конкретизация по состоянию здоровья), *похожий на бабушку* – ср. *grandmotherly* (конкретизация по сходству), *имеющий форму бутылки* – ср. *bottled* (конкретизация по форме), *написанный только на одном языке* – ср. *monoglot* (конкретизация по способу написания), *относящийся к среднему медицинскому персоналу* – ср. *paramedical* (конкретизация по принадлежности).

В качестве примера обобщающих лакун приведем следующие: *находящийся или происходящий на улице, вне дома* – ср. *outside* (обобщение по месту совершения действия), *длинный и мягкий (о траве и т. п.)* – ср. *lank* (обобщение по качествам), *не снимающийся в кино или не работающий на телевидении (об актере)* – ср. *offscreen* (обобщение по месту работы), *собирающий, предсказывающий, передающий легенды, сказания и т. д.* – ср. *legendary* (обобщение по месту приложения действия).

Также как и в субстантивных лакунах, количество конкретизирующих адъективных лакун существенно превышает количество обобщающих лакун. Обращает на себя внимание тот факт, что направление конкретизации и направление обобщения у конкретизирующих и обобщающих лакун совпадают только в одном случае, а именно – по месту приложения действия.

Отметим, что наш материал дал возможность выделить в обоих отмеченных типах лакун одинаковые подтипы. Так, среди конкретизирующих адъективных лакун нами были отмечены эксплицитно и имплицитно конкретизирующие лакуны, а среди обобщающих лакун – эксплицитно и имплицитно обобщающие лакуны. Под эксплицитно конкретизирующими лакунами мы понимаем такие, у которых конкретизируемое слово присутствует в словарной дефиниции. Например, *обутый в деревянные сапоги* – ср. *pattened*. В данном случае конкретизируемое слово **обутый** эксплицитно присутствует в словарной дефиниции. Под имплицитно-конкретизирующими лакунами понимаются такие, у которых конкретизируемое слово не присутствует в словарной дефиниции, а подразумевается имплицитно и может быть понято исходя из денотативных семем лексем, входящих в словарное определение. Например, *в возрасте 10-12 лет* – ср. *preteen*. В данном случае имплицитно подразумевается конкретизируемое слово **находящийся в возрасте 10-12 лет**.

Что касается обобщающих лакун, то под эксплицитно-обобщающими мы понимаем такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции. Например, *находящийся или происходящий в стенах или в пределах города, дома, колледжа* – ср. *intramural*. В данном случае обобщение **находящийся или происходящий** эксплицитно присутствует в словарной дефиниции. Под имплицитно-обобщающими лакунами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение. Например, *с голыми руками* – ср. *barehanded*. В данном случае имплицитно подразумевается обобщение **действующий, сражающийся, идущий, работающий, находящийся**.

Таким образом, проведенное исследование русско-английских адъективных лакун позволило выделить у каждого из двух типов лакун (обобщающих и конкретизирующих) эксплицитные и имплицитные подтипы, в зависимости от

того, явно или неявно представлены обобщение или конкретизация в словарных дефинициях соответствующих лакун.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакуарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2006.

Раздел 2. Сопоставительные исследования в области лексики

О. В. Суханова

Тематическая классификация русско-английских глагольных лакун

Одной из существенных черт современного мультикультурного общества является постоянное взаимодействие языков и культур, но в ходе этого процесса люди не всегда могут правильно понять друг друга и причина тому – расхождение культур. Поэтому не случайно в настоящее время процесс межкультурной коммуникации вызывает высокий интерес и вопросы, связанные с ним, продолжают привлекать внимание лингвистов. Особый интерес вызывают безэквивалентные единицы и межъязыковые лакуны. Исследователи приводят различные классификации лакун по разным основаниям. В частности, А.А. Махонина предлагает тематическую классификацию русско-английских субстантивных лакун, основанную на традиционном подходе к тематической классификации лексики (Махонина 2006).

Поскольку для межкультурной коммуникации особый интерес представляет именно тематическая классификация лексики, в том числе и безэквивалентной, представляется интересным провести тематическую классификацию русско-английских лакун другой частеречной отнесенности, в частности – глагольных. Отметим, что под лакунами мы понимаем единицы, не имеющие в другом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания (см. Махонина, Стернина 2006, с.3).

Для проведения настоящего исследования из Нового большого англо-русского словаря под общим руководством Ю. Д. Апресяна методом сплошной выборки было извлечено 5467 английских глагольных безэквивалентных лексем. При описании данных тематических групп используется введенное А. А. Махониной понятие *номинативная непредставленность*, под которой понимается количество лакунарных смыслов, отмеченных в конкретной тематической группе, описывающей определённую сферу действительности (Махонина, 2006, с.78).

Отметим, что тематическая классификация безэквивалентных единиц представляет известную трудность, так как в ряде случаев одна и та же лексема может быть отнесена к нескольким тематическим группам, поскольку большинство сфер жизни человека перекрещивается. Например, *лишать права*

отправления церковной службы – ср. inhibit может быть отнесено и к тематической группе глаголов, характеризующих социально-экономическую деятельность человека, и к тематической группе глаголов, характеризующих различные действия человека.

Проведенная тематическая классификация позволила выделить следующие 14 тематических групп, которые приводятся в порядке убывания их номинативной непредставленности:

1) Глаголы, характеризующие различные действия человека. Данная группа включает 613 лакун. В качестве примера приведём следующие: *тихо и проникновенно, с чувством исполнять (популярные) песенки перед микрофоном* – ср. stoop, *застёгивать на крючок или крючки* – hook, *устраиваться на ночлег* – ср. roost, *действовать быстро* – ср. snap, *играть в азартные игры, особ. в орлянку* – ср. gaff.

2) Глаголы, характеризующие трудовую деятельность человека. Данная группа включает 544 лакуны: *подковывать лошадь на шипы* – ср. roughen, *усердно, старательно, напряжённо работать* – ср. lucubrate, *перепроверять по разным источникам* – ср. crosscheck и др.

3) Глаголы, характеризующие движение и перемещение. Данная группа включает 283 лакуны. Например: *делать резкий поворот (назад; в зигзаге)* – ср. амер. разг. zag, *стремительно и легко двигаться (обыкн. слегка касаясь чего – либо, небрежно задевая кого-либо)* – ср. brush, *передвигаться колонной* – ср. file, *перевозить на санях* – ср. bob, *двигаться извиваясь* – ср. squirm.

4) Глаголы, характеризующие изменение состояния, качества. Данная группа включает 166 лакун: *придавать плотский характер* – ср. encarnalize, *превращать в леди, научить хорошим манерам* – ср. шутол. ladyfy, *придавать форму арки* – ср. arch, *привести в спокойное состояние* – ср. recollect и др.

5) Глаголы, характеризующие характер и поведение человека. Данная группа включает 155 лакун. Например: *уделять внимание, быть внимательным* – ср. attend, *терпеливо добиваться* – ср. coax, *бережно обращаться* – ср. nurse, *быть оптимистом, иметь оптимистический взгляд на жизнь* – ср. optimize.

6) Глаголы, характеризующие здоровье и самочувствие. Данная группа включает 109 лакун. В качестве примера следующие: *лечиться на водах, ездить на воды* – ср. spa, *тяжело дышать* – ср. heave, *испытывать жажду, хотеть пить* – ср. thirst, *соблюдать диету, сидеть на диете* – ср. diete, *наносить глубокую рану* – ср. gash.

7) Глаголы, характеризующие флору и фауну. Данная группа включает 104 лакуны: *пышно расти, цвести (о растениях)* – ср. succeed, *завиваться в кочан (о капусте, салате и т. п.)* – ср. heart, *залечь на зимнюю спячку* – ср. амер. разг. den up, *искать дичь (о собаках)* – ср. guest, *бить копытом* – ср. paw и др.

8) Глаголы, характеризующие участие в различных видах деятельности. Данная группа включает 94 лакуны. Например: *быть королевой* – ср. queen, *работать лудильщиком* – ср. tinker, *быть отцом, производить на свет* – ср. книжн. beget, *быть хозяйкой, принимать гостей* – ср. hostess.

9) Глаголы, характеризующие социально-экономическую деятельность человека. Данная группа включает 66 лакун: *лишать водительских прав* – ср. ground, *сдавать внаём, давать на прокат* – ср. hack, *передавать в ведение местных властей* – ср. provincialize, *возвращать переплаченную сумму* – ср. rebate и др.

10) Глаголы, характеризующие положение в пространстве. Данная группа включает 46 лакун. Приведём следующие примеры: *находиться в загоне (о скоте)* – ср. *lair*, *размещать в шахматном порядке* – ср. *chequer*, *располагать в виде таблиц* – ср. *tab*, *заключать в капсулу* – ср. *encapsule*.

11) Глаголы, характеризующие рельеф, природные явления и погоду. Данная группа включает 41 лакуну. Например: *дуть в северном направлении (о ветре)* – ср. *norther*, *резко идти под уклон* – ср. *delve*, *выступать из берегов (о реке и т. п.)* – ср. *flood*, *освободиться от льда или снега в результате таяния* – ср. *thaw*.

12) Глаголы, характеризующие отдельные предметы и объекты. Данная группа включает 31 лакуну: *ниспадать (красивыми) складками* – ср. *drape*, *иметь определённое количество вёсел (о лодке)* – ср. *row* и др.

13) Глаголы, характеризующие отношение полов. Данная группа включает 26 лакун. В качестве примера приведём следующие: *вступать в брак (о родственниках)* – ср. *intermarry*, *вести беспорядочную половую жизнь* – ср. *swing*, *уйти от мужа (к сожителю)* – ср. *elope*.

14) Глаголы, характеризующие каузативную деятельность. Данная группа включает 19 лакун. Например: *вызывать денежные затруднения* – ср. *embarrass*, *вызывать трепет* – ср. *thrill*.

Необходимо отметить, что каждая из приведённых выше тематических групп имеет сложную разветвлённую структуру, в них выделяются подгруппы, минигруппы, микрогруппы и микроподгруппы.

В заключение отметим, что предлагаемая тематическая классификация русско-английских глагольных лакун позволяет судить о распространении явления лакунарности в различных тематических сферах, об универсальности данного явления и способствует выявлению национально-культурных различий русского и английского языков.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2006.
2. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо - русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. Воронеж, «Истоки», 2006.

Л.А. Баранова

Национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках

Национальная специфика семантики вызывает в последнее время неизменный интерес исследователей. В данной статье нами была предпринята попытка исследовать национальную специфику семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках.

Материалом исследования послужили частотный словарь русского языка С.А. Шарова и список частотных существительных британского национального корпуса, из которых были отобраны по 100 наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. Отобранные лексемы были поделены на группы в зависимости от объема семантемы – количества образующих

семантему семем, по типологии, предложенной М.А. Стерниной (Стернина 1999, с. 42):

- моносемемные – содержащие одну семему;
- малосемемные – включающие от двух до пяти семем;
- многосемемные – содержащие от шести до десяти семем;
- гиперсемемные – насчитывающие десять – двадцать семем;
- сверхгиперсемемные – содержащие свыше двадцати семем

В русском языке группа малосемемных субстантивных лексем оказалась наиболее многочисленной и включает 45 лексем, в английском языке это третья по численности группа, включающая 12 лексем.

При рассмотрении состава малосемемных субстантивных лексем в русском языке представилось возможным выделить несколько семантических подгрупп, которые мы расположили в порядке убывания количества представленных в них лексем:

- *наименования людей* – девушка, друг, жена, женщина, мальчик, мужчина, народ, парень, ребенок, ребята, солдат, сын;
- *наименования промежутков времени* – вечер, год, месяц, минута, начало, неделя, утро;
- *наименования категорий физиологии* – взгляд, глаз, нога, палец, плечо, спина;
- *наименования помещений и их частей* – дверь, квартира, комната, окно, пол, стена;
- *наименования философских категорий* – бог, война, правда, случай, смерть;
- *наименования местностей* – город, страна, улица;
- *наименования речемыслительной деятельности* – вопрос, разговор;
- *наименования природных объектов и явлений* – лес, небо;
- *наименования предметов быта* – книга;
- *наименования экономических категорий* – деньги.

В группе малосемемных лексем в английском языке выделились следующие семантические подгруппы:

- *наименования философских категорий* – war, problem, process;
- *наименования людей* – family, mother;
- *наименования политических институтов* – police, council;
- *наименования промежутков времени* – month, week;
- *наименования помещений и их частей* – door;
- *наименования экономических категорий* – money;
- *наименование количества* – million.

Анализ одноименных семантических подгрупп наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках показал, что количество входящих в них лексем неодинаково. Для объективного сравнения численного состава одноименных подгрупп нами было введено понятие *номинативной доли*, под которой мы понимаем отношение численного состава отдельной подгруппы ко всему количеству исследованных единиц группы. Как показало исследование, номинативная доля подгруппы «*Наименования промежутков времени*» как в русском, так и в английском языке составила 17%, номинативная доля подгруппы «*Наименования помещений и их частей*» в русском языке составила 13%, а в английском – 8%, номинативная

доля подгруппы «*Наименования философских категорий*» в русском языке - 11%, в то время как в английском языке она составила 25%, номинативная доля подгруппы «*Наименования людей*» в русском языке составила 27%, в английском – 17%, номинативная доля подгруппы «*Наименования экономических категорий*» в русском языке составила 2%, в английском – 8%.

Отметим, что помимо одноименных семантических подгрупп, у наиболее частотных субстантивных семем русского и английского языков были выявлены и национально-специфичные подгруппы. Так, в русском языке были выделены 5 следующих подгрупп: «*Наименования категорий физиологии*», номинативная доля которой составляет 13%, «*Наименования речемыслительной деятельности*» с номинативной долей 4%, «*Наименования местностей и расстояний*» (номинативная доля - 7%), «*Наименования природных объектов и явлений*» и «*Наименования предметов быта*» с номинативной долей 4% и 2% соответственно.

В английском языке зафиксированы 2 национально-специфичные подгруппы: «*Наименования политических институтов и ветвей власти*» и «*Наименование количества*» с номинативной долей 17% и 8% соответственно.

Как было отмечено выше, в состав малосемемных лексем входят семантемы, содержащие от двух до пяти семем, при этом 16 % лексем от общего количества зафиксированных наиболее частотных малосемемных лексем русского языка являются двусемемными, 33% - трехсемемными, 20% - четырехсемемными, 31% - пятисемемными. В английском языке зафиксировано 8% трехсемемных семантем, 42% - четырехсемемных и 50% - пятисемемных.

Таким образом, в русском языке преобладают трехсемемные семантемы, в то время как в английском - пятисемемные.

В качестве примера отмеченных видов семантем приведем семантемы лексем «вечер» и «family».

Семантема лексемы «вечер» включает в себя 3 семемы – одну семему Д1 «часть суток, сменяющая день и переходящая в ночь» - *Завтра Филья поедет в академию, и вечером услышим об их планах (Д. Донцова)* и 2 семемы К1 «общественное собрание, встреча в это время» - *Среди других мероприятий — ретроспектива его фильмов, выставка акварелей местной изостудии, показ видеопрограммы, литературно-музыкальный вечер (ruscorpora)*, «встреча друзей, знакомых в вечернее время» - *Пришлось организовать вечер встречи с одноклассниками (О. Робски)*.

Семантема лексемы «family» включает в себя 5 семем: семему Д1 «семья, семейство» - *Make your home a more comfortable place to live in and change your lifestyle for you and your family (British natcorp)*, 2 семемы Д2 «семья», «семейство» (в мафии); гангстерский синдикат, орудующий в определённом районе» - *The Leone Family Mafia are one of the five Mafia families of "The Commission" in Liberty City (British natcorp)*, «группа хиппи, живущая коммуной» - *The Family is regarded variously as an amusing but harmless throwback to the hippie era (British natcorp)* и 2 семемы К1 «содружество» - *Family of Painters*, «коллектив, объединение».

Как показало проведенное исследование, рассматриваемые подгруппы наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем заметно отличаются **индексом полисемантичности** (термин Н.М. Шишкиной - Шишкина 2004, с. 34), под которым понимается отношение общего количества семем,

развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы. Как показали подсчеты, индекс полисемантической рассматриваемой группы в английском языке составляет – 4,4, что на 0,8 превышает индекс полисемантической соответствующей группы в русском языке, который составляет 3,6.

Для выявления национальной специфики семантики исследуемых подгрупп представилось целесообразным ввести два новых параметра – **индекс денотативной представленности семем**, под которым понимается отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в группе, а также **индекс конотативной представленности семем** – отношение количества конотативных семем к общему количеству семем в группе (оба индекса вычисляются в процентах). В русском языке индекс денотативной представленности семем оказался равным 30%, в английском – 42%, индекс конотативной представленности семем в русском языке составил 70%, в английском – 58%.

Проведенное исследование показало, что наиболее частотные малосемемные субстантивные лексемы русского и английского языков характеризуются национальной спецификой семантики. В семантемах рассматриваемых лексем русского языка превалирует конотативная номинация, в то время как в семантемах английского языка – денотативная. Деление исследованных групп на семантические подгруппы показало наличие в них как одинаковых подгрупп (таких подгрупп зафиксировано 5), так и национально-специфичных (5 подгрупп для русского языка и 2 – для английского). Отметим также, что номинативная доля одноименных семантических подгрупп, зафиксированных в русском и английском языках в большинстве случаев не совпадает – единственное совпадение отмечено лишь для подгруппы «*Наименования промежутков времени*». Представляется, что подобные количественные различия среди подгрупп наиболее частотных субстантивных лексем свидетельствуют о своеобразии картин мира носителей русского и английского языков.

Литература

1. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999
2. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

С.И. Деркач

Номинативная плотность лексем в смысловой сфере «Политика» в русском и английском языках

Тематическая группа «Политика» представляет собой важный участок действительности для носителей русского и английского языков. Именно поэтому исследование семантики и структурной организации лексики данной смысловой сферы имеет большое значение для сопоставительного описания языков и определения их национальной специфики.

Исследование было проведено на материале Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Большого англо-русского словаря под

редакцией И.Р. Гальперина, а также периодических изданий политической тематики. Оно показало, что наименования групп рассматриваемой смысловой сферы в русском и английском языках в основном совпадают. Однако, *номинативная плотность* (Карасик В.И., 2004, с. 11) единиц данной смысловой сферы существенно различается.

Так, в русском и в английском языках смысловая сфера «Политика» насчитывает 420 и 654 лексические единицы соответственно. В данной смысловой сфере были выделены следующие одноименные группы: «Общие наименования политических понятий», «Общественно-политические течения и идеологии», «Органы власти», «Выборы и выборные органы», «Партии и общественные объединения». Рассмотрим данные группы в порядке убывания их номинативной плотности:

I. Группа «Органы власти».

В английском языке эта группа насчитывает 357 лексических единиц и представлена семью подгруппами:

1. «Наименования органов государственной власти» (*Office* - ведомство, министерство; *embassy* – посольство и т.д.).
2. «Формы государственного устройства и правления» (*autocracy* – самодержавие, *republic* – республика и т.д.).
3. «Наименования лиц по отношению к власти» (*monarch* - монарх; *vice-president* – вице-президент и т.д.).
4. «Наименования государственных организаций и объединений» (*league* – лига, союз; *triarchy* – триумvirат и т.д.).
5. «Политическая деятельность органов власти »:
 - 1) «Политические действия, осуществляемые органами власти» (*internationalization* – интернационализация и т.д.).
 - 2) «Документы, издаваемые органами власти» (*bill* – билль; *charter* – хартия и т.д.).
6. «Структура и работа парламента» (*backbencher* – рядовой член Парламента; *chamber* – палата Парламента и т.д.).
7. «Символы власти» (*British Lion* – эмблема Великобритании и т.д.).

В русском языке группа «Органы власти» насчитывает 211 лексическую единицу и представлена следующими пятью подгруппами:

1. «Наименования органов государственной власти» (*дума*, министерство и т.д.).
2. «Формы государственного устройства и правления» (*диктатура*, демократия и т.д.).
3. «Наименования лиц по отношению к власти» (губернатор, госсоветник и т.д.).
4. «Наименования государственных организаций и объединений» (*триумvirат*, коалиция и т.д.).
5. «Политическая деятельность органов власти». Как и в английском языке, данная подгруппа представлена двумя мини-группами:
 - 1) «Политические действия, осуществляемые органами власти» (*приватизация*, реформа и т.д.).
 - 2) «Документы, издаваемые органами власти» (*декларация*, манифест и т.д.).

Отметим, что группа «Органы власти» в английском языке включает в свою структуру большее количество подгрупп, что обусловлено исторически

сложившейся политической системой, представленной с одной стороны, властью монарха, с другой стороны, двухпалатным парламентом. Таким образом, структура данной группы в русском и английском языках отличается в силу культурно-исторических особенностей двух стран.

II. Группа «Общественно-политические течения и идеологии» в обоих языках подразделяется на две подгруппы:

1.«Наименования общественно-политических течений и идеологий» (русс. яз. – *нацизм, анархизм*; англ. яз. – *Nazism, anarchism* и т.д.).

2.«Наименования лиц по общественно-политическим взглядам» (русс. яз. – *нацист, анархист*; англ. яз. – *nazi, anarchist* и т.д.).

Проведенное исследование показало, что объем данных тематических групп в русском и английском языках неодинаков. Так, в русском языке номинативная плотность группы составила 104 лексические единицы, что незначительно превышает соответствующий показатель в английском языке - 94.

III. Группа «Выборы. Выборные органы». В английском языке данная группа насчитывает 88 лексических единиц (*by-election – дополнительные выборы; suffrage – избирательное право* и т.д.), в русском языке – 27 лексических единиц (*баллотирование, электорат* и т.д.).

Следует отметить, что номинативная плотность данной группы в английском языке существенно превышает соответствующий показатель одноименной русской группы, что объясняется высокоразвитой системой выборов в странах Европы и, как следствие – развитой номинацией в этой сфере.

IV. Группа «Партии и общественные объединения». Номинативная плотность данной группы в английском языке равняется 58, что превышает соответствующий показатель в русском языке – 35 лексических единиц. Данная смысловая группа в обоих языках делится на следующие подгруппы:

1.«Партии, внутрипартийная структура» (англ. яз. – *tail – менее влиятельная часть партии*; русск. яз. – *блок, фракция* и т.д.).

2. «Деятельность партий и общественных объединений» (англ. яз. – *riot - мятеж, бунт, восстание, demonstration - демонстрация, манифестация*; русск. яз. – *революция, аболиционизм* и т.д.).

V. Группа «Общие наименования политических понятий». Номинативная плотность данной тематической группы в английском языке равна 33 лексическим единицам (*civicism – гражданственность; statehood – государственность* и т.д.), русская группа насчитывает 23 лексические единицы (*власть, гражданство* и т.д.).

Для объективного сравнения номинативной плотности исследованных групп в русском и английском языках представляется удобным использовать введенный Т.А. Чубур **индекс относительной номинативной плотности** (Чубур 2005, с. 10), который вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп, а также воспользоваться предложенной С.В. Колтаковой градацией оценки степени проявления национальной специфики семантики, согласно которой национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные** (Колтакова 2008, с. 17).

Наивысшая степень национально-специфических различий зафиксирована для групп «Выборы. Выборные органы» (индекс относительной номинативной

плотности – 3,3). Для групп «Органы власти» и «Партии и общественные объединения» индекс относительной номинативной плотности оказался равным 1,7; для группы «Общие наименования политических понятий» этот индекс равен 1,4; а для группы «Общественно-политические течения и идеологии» – 1,1. Таким образом, у четырех из пяти групп смысловой сферы «Политика» значения индекса относительной номинативной плотности оказались больше 1,3, что, согласно С.В. Колтаковой (там же) характеризует национально-специфические различия по номинативной плотности как **существенные**. Лишь в одной группе рассмотренной смысловой сферы значение индекса относительной номинативной плотности оказалось равным 1,1, что характеризует национально-специфические различия как **видимые** (там же).

В целом, проведенное исследование показало, что, несмотря на схожесть структур сравниваемых групп в русском и английском языках, номинативная плотность большинства подгрупп существенно отличается, что лишний раз свидетельствует о культурных и исторических особенностях развития политической системы стран и отношения к ней людей разных национальностей.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

И.Ю. Вострикова

Сопоставительный анализ микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» в русском и английском языках

Национальная специфика лексики в двух языках может быть выявлена в рамках сопоставительного анализа одноименных языковых микросистем (полей). Нами было исследовано проявление национальной специфики в лексико-семантическом поле (ЛСП) «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. Проанализированные лексические группировки в обоих языках имеют сложную, разветвленную структуру и состоят из целого ряда групп, подгрупп, мини групп, микрогрупп и микроподгрупп.

В качестве примера рассмотрим входящую в состав поля микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием». Так в русском языке данная микрогруппа включает 3 лексемы: **декорировать, отделять/отделать, украшать/украсить**. Лексема **декорировать** является однозначной, остальные демонстрируют полисемию. Помимо однозначной, еще одна лексема **украшать** входит в рассматриваемую микрогруппу по семеме Д1. Лексема **отделять**, вошедшая в данную микрогруппу по семеме Д2 «снабдить деталями в виде отделки» и по семеме Д1 «придавать заверченный вид» входит также в мини группу «Завершение трудовой деятельности» рассматриваемого ЛСП.

Для характеристики национальной специфики рассматриваемой группировки нами был применен метод, основанный на использовании формализованных параметров (индексов). В частности, мы использовали введенный Н.И. Черновой (Чернова 2006, с. 38) индекс структурно-семантической связности, под которым понимается отношение количества лексем структурной единицы поля, входящих разными семемами в другие структурные единицы поля, к общему количеству лексем данной структурной единицы. Для рассматриваемой микрогруппы этот индекс составил 33,33%.

Лексемы рассматриваемой микрогруппы глаголов в общей сложности развивают 9 семем, из которых четыре содержат сему трудовой деятельности. Таким образом, индекс принадлежности к полю, под которым понимается отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой поля к общему количеству семем данной структурной единицы (термин Н.М. Шишкиной – Шишкина 2004, с.34) равен 44,44%.

Еще одним индексом, использованным для характеристики национальной специфики рассматриваемой группировки, является введенный нами индекс лексико-семантической замкнутости – отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Вострикова 2006, с.7). Данный показатель для исследуемой микрогруппы оказался равным 33,33%.

В английском языке микрогруппа «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» включает 51 глагольную лексему. При этом 20 лексем (*attire* – «одевать, украшать», *bejewel* – «украшать драгоценными камнями», *drapery* – «украшать тканями», *prettify* – «украшать, придавать красивый вид», *sash* – «украшать лентой, шарфом» и др.) являются однозначными, остальные демонстрируют полисемию.

Отметим, что, помимо однозначных, еще 11 лексем (*decorate* – «украшать, декорировать», *embellish* – «украшать, разукрашивать», *tinsel* – «украшать блестками или мишурой» и др.) входят в рассматриваемую микрогруппу по семеме Д1, 13 лексем (*beset* – «украшать орнаментом», *pattern* – «украшать узором», *trim* – «украшать» и др.) вошли в нее по семеме Д2. Четыре лексемы (*deck* – «украшать, наряжать», *dress* – «украшать», *face* – «украшать, отделять платье», *tissue* – «украшать») входят в данную микрогруппу по семеме К1. Три лексемы (*emblaze*, *jewel* и *ornament*) входят в рассматриваемую микрогруппу по двум семемам. Так, лексема *jewel* входит в нее по семеме Д1 «украшать драгоценными камнями» и семеме К1 «украшать, расцвечивать».

В результате проведенного исследования установлено, что 24 лексемы (*braid*, *deck*, *diaper*, *dress*, *face*, *frill*, *fur*, *panel*, *pattern*, *sculpture*, *trim* и др.) по разным семемам входят, помимо данной, и в другие структурные единицы изучаемого поля. Так, лексема *tissue* по семеме К1 «украшать» входит в данную микрогруппу, а по семеме Д1 «ткать, вплетать серебряные и золотые нити» она входит в микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с текстильным производством».

Поскольку из 51 лексемы данной микрогруппы 24 входят разными семемами в разные структурные единицы поля, индекс структурно-семантической связности анализируемой микрогруппы составляет 47,06%.

В целом из 162 семем, которые развивают лексемы этой микрогруппы, 106 семем содержат сему трудовой деятельности. Следовательно, индекс принадлежности к полю данной микрогруппы равен 65,43%.

У 21 лексемы рассматриваемой микрогруппы все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы. Таким образом, индекс лексико-семантической замкнутости равен 41,18 %.

Для сравнения проявления национальной специфики микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» в русском и английском языках мы воспользуемся также термином *номинативная плотность* В.И. Карасика (Карасик, 2004, с.111), под которым понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу деятельности. Наше исследование показало, что номинативная плотность микрогруппы «Трудовая деятельность, связанная с текстильным производством» в русском языке (три лексемы) в 17 раз меньше соответствующего показателя в английском языке (51 лексема).

Отметим, что национальная специфика выявляется довольно ярко и в рамках трех упомянутых выше формализованных параметров:

- *индекс структурно-семантической связности* (33,33% в русском языке и 47,06% – в английском);
- *индекс принадлежности к полю* (44,44% в русском языке и 65,43% – в английском);
- *индекс лексико-семантической замкнутости* (33,33% в русском языке и 41,18% – в английском).

Таким образом, можно заключить, что в целом рассмотренные микрогруппы характеризуются яркой национальной спецификой.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
4. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Н.И. Чернова

Сопоставительный анализ наименований зданий и помещений для учреждений, связанных с соблюдением законности, в русском и английском языках

Общеизвестно, что сопоставительные исследования лексики, отражающей материально-бытовые аспекты жизни народов, представляют особый интерес для лингвистов и переводчиков. Это объясняется тем, что данная лексика ярче всего отражает национальные особенности языкового членения действительности, и осознание этого факта имеет важное значение для выполнения качественного перевода. Предметом нашего рассмотрения стала

минигруппа «Здания и помещения для учреждений, связанных с соблюдением законности» тематической группы наименований зданий и помещений в русском и английском языках.

Рассматриваемая минигруппа в русском языке включает 11 лексем: *арестантская* – помещение для временного содержания арестантов; *гауптвахта* – арестное помещение для военных; *изолятор* – помещение для временного одиночного заключения лиц, провинившихся в чем-либо; *каземат* – тюрьма, место заключения; *камера* – помещение для заключенных в тюрьме; *карцер* – помещение для временного одиночного заключения лиц, провинившихся в чем-либо; *каталажка* – тюрьма, место заключения; *обезьянник* – помещение для временного содержания правонарушителей; *прокуратура* – государственный орган, осуществляющий надзор за соблюдением законности, помещение такого органа; *суд* – государственный орган, разбирающий гражданские споры и уголовные дела, помещение, в котором находится такой орган; *тюрьма* – здание для содержания лиц, лишенных свободы.

Отметим, что из 11 лексем данной минигруппы семь входят в нее по семеме Д1 (см. Копыленко, Попова 1989), три (*изолятор, камера, каземат*) – по семеме Д2, а лексема *обезьянник* – по семеме К1. Интересно отметить, что ни один из словарей не фиксирует семему К1 «помещение для временного содержания правонарушителей» у лексемы *обезьянник*. Однако, исследование, проведенное на материале текстов художественных произведений современной русской литературы, показывает, наличие таких значений (*Я целую ночь просидел в обезьяннике по твоей вине* /Т.Устинова/).

Большинство лексем данной минигруппы однозначны, лишь лексемы *изолятор, камера, каземат, обезьянник, тюрьма* развивают полисемию.

В целом 11 лексем данной минигруппы развивают в своих семантемах 23 семемы. Таким образом, индекс полисемантической, под которым понимается отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (термин Н.М. Шишкиной – Шишкина 2004, с.34) равен 2,1. При этом сему рассматриваемой группы «здание, помещение» содержат 12 семем. Из этого следует, что индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой тематической группе лексики, под которым понимается отношение количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой тематической группы к общему количеству ее семем (термин Н.М. Шишкиной – там же) равен 52,22%.

Аналогичную минигруппу в английском языке составляют 35 лексем: *bar* – часть судебного помещения; *brig* – военная тюрьма; *camera* – кабинет судьи; *cell* – тюремная камера; *cellblock* – тюремный корпус; *chamber* – контора адвоката, кабинет судьи; *condemned cell* – камера смертников; *court* – здание суда; *courthouse* – здание суда; *court-room* – помещение для суда; *cutcherry* – здание суда; *day-room* – рабочее помещение для заключенных в тюрьме; *death-chamber* – комната в тюрьме, в которой приводят в исполнение смертный приговор; *death-row* – часть тюрьмы, где располагаются камеры смертников; *death house* – часть тюрьмы, где находятся камеры смертников и помещение, в котором приводятся в исполнение смертные приговоры; *dungeon* – тюрьма; *glass-house* – военная тюрьма; *guard-house* – гауптвахта; *guard-room* – гауптвахта; *halfway house* – помещение для бывших заключенных; *jail* – тюрьма; *jailhouse* – тюрьма; *judgment-hall* – здание суда; *judgment-seat* – здание суда;

law-office - контора адвоката; **lock-up** - маленькая тюрьма; **panopticon** - круглая тюрьма с помещениями для смотрителя в центре; **pen** - помещение для арестованных при полицейском участке; **penitentiary** - тюрьма; **police station** - здание полицейского участка; **presidio** - гауптвахта; **prison** - тюрьма; **station-house** - здание полицейского участка; **temple** - здание, где помещается общество адвокатов; **ward** - тюремная камера.

Внутри данной минигруппы представляется возможным выделить следующие микрогруппы:

- наименования зданий и помещений для заключенных (**brig, cell, cellblock, condemned cell, day-room, death-chamber, death-row, death house, dungeon, glass-house, guard-house, guard-room, halfway house, jail, jail-house, lock-up, panopticon, pen, penitentiary, presidio, prison, ward**);
- наименования судебных зданий и помещений (**bar, court, courthouse, court-room, cutchery, judgment-hall, judgment-seat**);
- наименования зданий и помещений для лиц, осуществляющих соблюдение законности (**camera, chamber, law-office, police station, station-house, temple**).

Отметим, что из 35 лексем данной минигруппы 21 входит в нее по семеме Д1 и 14 – по семеме Д2. Восемнадцать лексем данной минигруппы однозначны, остальные развивают полисемию.

В целом 35 лексем данной минигруппы развивают в своих семантемах 72 семемы. Таким образом, индекс полисемантической минигруппы равен 2,06. При этом 55 семем содержат сему рассматриваемой группы. Из этого следует, что индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой тематической группе лексики равен 76,39%.

Таким образом, при практически одинаковых индексах полисемантической (2,1 – в русском языке и 2,06 – в английском) индекс принадлежности английской минигруппы к исследуемой тематической группе лексики (76,39%) значительно превышает индекс принадлежности аналогичной минигруппы в русском языке (52,22%).

Обращает на себя внимание и тот факт, что английская минигруппа демонстрирует большую номинативную плотность (Карасик, 2004, с.111) по сравнению с русской – 35 и 11 лексем соответственно.

Исследование показало также более высокий индекс яркости (отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы – см. Чернова 2006) английской минигруппы по сравнению с русской – 7% и 3% соответственно. Представляется, что такие различия могут быть объяснены национальными особенностями языкового членения действительности носителями английского языка, связанными с наличием в Великобритании хорошо развитой пенитенциарной системы.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

4. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Н.М. Шишкина

Глаголы имитационной речевой деятельности в русском и английском языках

Глаголы речи занимают одно из центральных мест среди огромного разнообразия лексико-семантических групп глаголов, так как выделяются своей значимостью и частотностью употребления.

Материалом для данного исследования послужили глагольные лексемы имитационной речевой деятельности в русском и английском языках. В своем основном значении (семема Д1 – см. Копыленко, Попова 1989) эти лексемы входят в состав ЛСГ глаголов звучания и обозначают звуки, издаваемые предметами или различными живыми существами: домашними и дикими животными, птицами, пресмыкающимися и насекомыми. Для обозначения речи эти глаголы используются только в коннотативном значении.

В русском языке к рассматриваемым глаголам относятся 22 разговорные лексемы: *блеять/проблеять, брехать, ворковать, вякать/вякнуть, гавкать/прогавкать, журчать, каркать, лаять/пролаять, мекать/промекать, мурлыкать/промурлыкать, мычать/промычать, пищать/пискнуть, реветь, рычать/прорычать, рвать/рвать, скулить, стрекотать, трещать, фыркать/фыркнуть, чирикать, шипеть/прошипеть, щебетать/прощебетать*. Отметим, что в своем большинстве это двузначные лексемы, и только глаголы *реветь, трещать, шипеть* и *фыркать* имеют по три семемы.

Рассмотрим в качестве примера семантемы глаголов *рвать, щебетать, трещать* и *шипеть*.

Семантема глагола *рвать* имеет две семемы: Д1 «о животных: громко и отрывисто кричать, издавать рык» (*Тигр грозно рывает в клетке*) и К1 «грубо и зло кричать на кого-нибудь (прост.)» (- Ну что за народ! - опять горько затараторил Иван. - Ну ничего невозможно...- Ладно! - *рвкнула* дочь. - Спросить ничего нельзя!.. - Нельзя! - тоже *рвкнул* Иван /В.Шукшин/)

Глагол *щебетать* также содержит две семемы: Д1 «петь (о щеглах, ласточках и некоторых других птицах)» (*Она ласково и так часто-часто щебечет ему: ка-ка-ка-ка! Она приседает, чуть откинув крылья. /Г.Тропольский/*) и К1 «говорить быстро, без умолку (о детях, молодых женщинах) (разг.)» (*Один раз легли спать еще засветло, днем наморился я очень, и он – то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то примолчался /М.Шолохов/*).

Глагол *трещать*, как было отмечено выше, имеет три семемы: неречевые семемы¹ Д1 «образуя трещины, издавать треск» (*А его уже тянули за полы куртки, уже швы трещали, и надо было продержаться во что бы то ни стало, пока кассирша, бледная спирохета не обратит на него внимание /Е.Богданов/*) и Д2 «издавать непрерывный треск, шум» (*В деревне белели сады. Наверное, там опять трещали и цокали серые лесные мелкие птицы, трещали и цокали,*

¹ Под неречевой семемой понимается значение многозначного слова, не содержащее сему речи, под речевой – значение многозначного слова, содержащее сему речи. Под семой речи понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

прыгая с ветки на ветку и соря лепестками /О. Ермаков/), а также речевую семему К1 «говорить без умолку (разг.)» (*Я отпустил свидетельницу, старуху Ларину, и вызвал Татьяну. Ого, как она затреещала! Она была совершенно не похожа на пушкинскую Татьяну...*/В.Каверин/).

В семантеме глагола **шипеть** также выделяется три семемы: неречевая семема Д1 «издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука ‘ш’» (...*Дрова в топке, объятые пламенем, попискивали, потрескивали, шипели...*/Г.Семенов/); и две речевые семемы К1 – «говорить сдавленным от злости голосом (разг.)» (- *Тили-тили тесто, жених и невеста! - прошипела Тонька и показала язык* /В.Белов/) и «ворчать, браниться, выражая свое недовольство, злобу (разг.)» (*Ромиха тоже вся в беспокойстве, а Сенька дергает их за рукава, шипит: - Дуры, сотоны, стойте! Кому говорят, на месте сиди...*/В. Белов/).

Завершая описание подгруппы рассматриваемых глаголов, отметим, что общее количество семем, развиваемых этими 22 глаголами, равно 48, и только 23 из них является речевыми. Соответственно индекс принадлежности данной подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности (отношение общего количества речевых семем, развиваемых лексемами рассматриваемой подгруппы, к общему количеству семем этой подгруппы) составляет 47,92 %, индекс яркости (отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы – см. Чернова 2006) составляет 4,45 %, а индекс полисемантической (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами рассматриваемой подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы) равен 2,18.

В английском языке данную подгруппу глаголов представляют 14 лексических единиц. Это такие лексемы, как **bark** – рывкать, **chirp** – пищать, **chirrup** – щебетать, **coo** – ворковать, **growl** – рычать, ворчать, **hiss** – шипеть, **howl** – реветь, **purr** – мурлыкать, говорить мягким, успокаивающим тоном, **roar** – орать, рычать, **snarl** – рычать, ворчать, **squawk** – пронзительно кричать, **squeak** – пищать, **squeal** – пронзительно кричать, **thunder** – говорить громко, греметь.

Заметим, что все перечисленные выше лексемы являются двузначными или трехзначными и проявляют лексико-грамматическую полисемию (многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающую наличие как лексической, так и лексико-грамматической производности – см. Стернина 1999). В качестве примера приведем семантемы лексем **hiss** и **thunder**.

Так, лексема **hiss** имеет две семемы. Это выступающая в глагольном и субстантивном вариантах денотативная семема Д1 «шипеть/шипение – о животных» (*Nagaina (a snake – Н.Ш.) lifted up her head and hissed* /R.Kipling/ - *Нагайна (змея – Н.Ш.) подняла голову и прошипела; Darzee (a bird – Н.Ш.) and his wife only bent down in the nest without answering, for from the thick grass at the foot of the bush there came a low hiss – a terrible sound that made Rikki-tikki jump back almost two feet* /R.Kipling/ - *Не ответив, Дарзи (птичка – Н.Ш.) и его жена только спрятались в гнезде, потому что из зарослей у подножия куста послышалось негромкое шипение, ужасный звук, заставивший Рики-тики-тави отпрыгнуть назад почти на два фута*) и глагольная речевая семема К1 «шипеть о человеке» (*“Pompous old ass”, she hissed as she went down in the lift*

/S.Maugham/ - “Старый осел,” *проишпела* она, спускаясь в лифте).

Семантема лексемы **thunder** включает три семемы: две с лексико-грамматической вариантностью (многозначностью слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения – см. Стернина 1999) и одну с семой глагола.

Лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и существительного демонстрируют неречевые денотативные семемы. Это семема Д1 «греметь, гроыхать / гром» (*it thunders – гремим гром; a crash of thunder – удар грома*) и семема Д2 «грохотать / грохот» (*cannon thundered – грохотали пушки; the thunder of cannon – грохот канонады*).

Глагольной в семантеме анализируемой единицы является коннотативная семема К1 «говорить громко, греметь» (“Who,” he **thundered**, “is B.M.?” /V.Woolf/ - “Кто такой Б.М.?” - *кричал* (букв. *гремел*) он).

Завершая описание лексем, обозначающих имитационную речевую деятельность в английском языке, следует отметить, что общее количество семем, развиваемых 14 единицами рассматриваемой подгруппы, равно 37, при этом только 14 из них являются речевыми. Соответственно данному факту индекс принадлежности этой подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности составляет 37,84 %, индекс яркости – 3,58 %, а индекс полисемантической равен 2,64.

Таким образом, рассмотрение подгрупп глаголов имитационной речевой деятельности в русском и английском языках показало, что, помимо различий в номинативной плотности (Карасик 2004, с.111): в русском языке – 22 единицы, в английском – 14, которые, согласно предложенной С.В. Колтаковой шкале (Колтакова 2008, с.17), можно характеризовать как существенные, данные подгруппы демонстрируют существенные национальные различия также по индексу принадлежности к ЛСГ глаголов речевой деятельности (47,92 % - в русском и 37,84 % - в английском языке). Различия по индексу яркости данных подгрупп внутри ЛСГ глаголов речевой деятельности (4,45 % и 3,58 % соответственно) являются несущественными, а по индексу полисемантической (2,18 и 2,64) – заметными.

Применяя предложенную С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с.18) шкалу определения выраженности национальной специфики лексических группировок в целом, согласно которой при превалировании существенных и заметных национально-специфических расхождений национальная специфика признается ярко выраженной, мы можем констатировать, что именно таковой она и является в рассмотренных нами подгруппах. В пользу признания национальной специфики рассмотренных подгрупп русского и английского языков ярко выраженной свидетельствует также и тот факт, что такое явление, как лексико-грамматическая полисемия, зафиксировано только в одном из языков – английском.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.

4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка – Воронеж, 1999.
5. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

С.А.Моисеева, А.Л.Великанова

Национальная специфика ЛСГ *водное пространство* во французском и русском языках

В современных лингвистических работах особую значимость представляют исследования национальной специфики лексических единиц, которая устанавливается путём сопоставления значений слов в двух и более языках, в нашем случае в русском и французском. Объектом анализа данной статьи является лексико-семантическая группа (ЛСГ) *водное пространство естественного происхождения*, интерес к которой обусловлен тем, что эта лексика номинирует значительную часть гидросферы, водной оболочки Земли, столь важной для человеческого существования.

Из толковых и двуязычных словарей французского и русского языков путем сплошной выборки были выделены лексические единицы (ЛЕ), в структуре которых содержится сема *водное пространство естественного происхождения*. В данном исследовании сема понимается как минимальный компонент значения, отражающий отличительный признак обозначаемого словом предмета, явления, процесса и способный различать значения слов. При анализе денотативного компонента лексического значения слова выделяются интегральные семы, свойственные целым группам слов и относящие называемый предмет к какому-либо классу, а также дифференциальные семы, помогающие отличить значение данного слова от семантически близкого к нему (Стернин 2004, с. 7). Анализ материала показал, что лексика, вошедшая в ЛСГ *водное пространство*, представляет собой обширную по объему и разнообразную по составу тематическую группу, включающую несколько подгрупп. Самыми большими *водными пространствами* на Земле являются *океан* и *море*: fr. *océan* 'океан' и *mer* 'море'. Ядерными семами, присущими ЛЕ *océan* являются: *большая площадь*, *большой объём*, *большая глубина*, дифференциальная сема представлена признаком '*отсутствие чётких границ*'. У лексемы *mer* отмеченный дифференциальный признак является относительным, поскольку в зависимости от географического положения различаются моря внутренние, окраинные и межостровные (БЭС). Так, во французском языке для обозначения внутреннего моря существует лексема *méditerranée* (*les mers méditerranées* – '*внутренние моря*') (PR, с 1174). Это ЛЕ на фоне русского языка является безэквивалентной, а в русском языке – лакуной (Стернин 2007).

Семы *чёткие границы* и *внутреннее положение* свойственны единицам, обозначающим замкнутые водные пространства, они присутствуют в компонентном составе следующих французских ЛЕ: *lac*, *loch*, *bayou*, *poue*. Слову *lac* соответствует переводной эквивалент 'озеро'. Лексическая единица *loch* – заимствованное слово, используемое для номинации озёр в Шотландии, имеющих *вытянутую форму* и располагающихся в *углублениях долин*. Лексемы *bayou* и *poue* обозначают старицу, т.е. периодический затопляемый участок

земли, или участок реки, отделившийся от её прежнего русла. Единица *bayou*, также заимствованная из английского языка, используется для обозначения старицы в Луизиане (США).

К следующей подгруппе отнесены лексемы *baie*, *ria*, *lagon*, *lagune*. ЛЕ *lagune* в этой подгруппе носит обобщенный характер и переводится как 'лагуна', *lagon* обозначает приливную или атолловую лагуну, у лексемы *baie* отмечены два переводных русских соответствия: 'бухта' и 'залив' (НФРС, с. 92), ЛЕ *ria* в русском языке лакунарна и переводится перифразами 'длинная узкая бухта' или 'затопленная приморская долина', поскольку в дефиниции этой лексемы присутствует признак *удлинённая узкая форма*. Компонентный анализ лексики данной подгруппы показал, что присущими ей дифференциальными семами являются: характер замкнутости, положение, размер, форма и происхождение.

Лексемы *marais*, *marécage*, *maiche* и *sebk(h)a* объединены в отдельную подгруппу – с одной стороны, они могут быть рассмотрены как единицы номинирующие определённый вид *водного пространства*, а с другой – характеризуют местность как тот или иной тип суши. Лексема *marais* имеет более широкий объём значения и переводится как 'болото' и '*топь*'. Лексема *marécage* имеет дополнительные семы, обозначающие определённый вид ландшафта, включающий в себя болотистую местность со специфичной для неё растительностью. ЛЕ *maiche* номинирует болота в Луизиане, отличающиеся своим приморским положением. Особый интерес представляет лексема *sebk(h)a*, обозначающая определённый вид водоемов в Сахаре. Эта ЛЕ неоднозначна, в двуязычном французско-русском словаре (НФРС, с. 968) она переводится как *солёное озеро, болото*.

Следующая подгруппа лексики – *golfe*, *échancre*, *fjord* обозначает заливы, интегральные семы здесь *часть водоёма, наличие свободного водообмена*. Лексема *golfe* 'залив' имеет в этой подгруппе наиболее общую, нейтральную семантику и содержит сему *водное пространство, непосредственно сообщаемое с морем и с сушей*. Лексема *échancre* имеет дифференциальные семы *малый размер* и *полукруглая форма* и переводится на русский язык как 'небольшой полукруглый залив'. Отличительными семантическими компонентами ЛЕ *fjord* 'фьорд' являются: *узкая форма, большая глубина, наличие высоких крутых скалистых берегов, льдов*.

В исследуемой ЛСГ можно выделить несколько подгрупп, для которых интегральной семой является *наличие течения*, к ним относятся: проливы, реки, потоки, ручьи. Лексемы *détroit*, *pertuis*, *raz*, объединенные в отдельную подгруппу, на русский язык переводятся лексемой, 'пролив'. Наиболее общей по значению здесь является ЛЕ *détroit*. У лексем *pertuis* и *raz* выявляется общая дифференциальная сема *узкий пролив*, при этом лексема *pertuis* номинирует проливы на западных берегах Франции, а отличительными признаками ЛЕ *raz* является *большая масштабность* и *морское происхождение*.

Русская лексема *река* во французском языке имеет два переводных соответствия: *fleuve* и *rivière*, они дифференцируются в зависимости от местоположения, полноводности и скорости течения. Лексема *fleuve* обозначает реку, *впадающую в море*, здесь также выделяются семы *большой объём, полноводность, скорость течения*. Лексеме *rivière* свойственны следующие семы: *впадает в другую реку, менее полноводна, имеет меньшую*

скорость течения. Переводным соответствием лексемы *riviérette* в русском языке является слово *речушка* с дифференциальными семами *медленное течение* и *малый размер*. Французские лексемы *défluent*, *marigot*, *affluent*, обозначающие приток, рукав реки, различаются между собой следующим образом: *affluent* можно рассматривать в качестве разновидности *rivière*, с основным дифференциальным признаком относительной *автономности* по сравнению с *défluent* и *marigot*, обозначающими рукав реки, ответвление её русла. ЛЕ *marigot* национальна специфична, ее векторные соответствия – *болотистый рукав реки*, *приливной канал*, *затопляемое болото*. К рассматриваемой минигруппе относятся также единицы *rigole*, *estuaire*, *résurgence*. Принадлежность этих лексем к подгруппе, объединяющей номинации рек, можно считать условной, т.к. они обозначают объекты, являющиеся лишь частью реки или ее специфическими характеристиками: лексема *rigole*, например, переводится как узкое место, но имеет характерный признак – наличие определённых видов рыб в этой части течения; *estuaire* – устье, во французском языке используется для номинации лимана, залива с извилистыми высокими берегами, т.е. эту лексему можно отнести к подгруппе, обозначающей заливы; *résurgence* – выход подземных вод на поверхность, место разгрузки подземной реки.

В следующую подгруппу входят лексемы *torrent*, *gardon*, *gave*, переводным соответствием которых являются ЛЕ ‘горный поток’, ‘горная река’. Основным дифференциальным признаком этих ЛЕ будет *большая скорость течения*. Отметим, что *gardon* номинирует горный поток в Севеннах, а *gave* – в Пиренеях.

К номинациям водных пространств относятся также единицы, обозначающие ручьи: *ru*, *ruisseau*, *ruisselet*, *ravine*. Обобщающим словом этой подгруппы является ЛЕ *ruisseau*, она в полной мере включает в себя все характеристики, свойственные русской лексеме ‘ручей’. Семантически близкими ей являются синонимичные лексемы *ru* и *ruisselet*, обозначающие малые ручейки. ЛЕ *ravine* имеет векторные соответствия *ручей* и *водоминона*.

Анализ лексики, входящей во французском и русском языках в лексико-семантическую группу *водное пространство естественного происхождения*, позволил сделать следующие выводы:

- в составе исследуемой ЛСГ в обоих языках были выделены несколько лексических подгрупп: номинации самых больших водных пространств, номинации ограниченных водных пространств – озёр, бухт, номинации болот, номинации заливов, номинации проливов, номинации рек и частей рек, номинации горных потоков, номинации ручьёв.

- во французской ЛСГ *водные пространства* при сравнении с русской наблюдается большая номинативная плотность (Карасик 2004), что связано с различными факторами: внутренними языковыми процессами, географическим положением Франции, а также внешними влияниями, результатом которых являются заимствования.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. - Воронеж, 2004.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методы исследования. – М., 2007.

Словари

1. PR - Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. – P.: Le Robert, 1992.
2. БЭС – Большой энциклопедический словарь – М., 1997.
3. НФРС – Новый французско-русский словарь/В.Г. Гак, К.А. Ганшина, – 10-е изд. – М.: Рус. яз. - Медиа, 2005.

С.А. Маник

Сопоставительный анализ общественно-политической терминологии русского и английского языков (на примере событий в Индии в декабре 2008 г.)

Общественно-политическая терминология вызывает особый интерес лингвистов, поскольку отражает жизненно важные для общества проблемы: общественные конфликты и противоречия, этнические разногласия, войны и теракты, политические «битвы» за голоса избирателей и власть, социально-экономические вопросы и т.д.

Анализируя англо- и русскоязычную прессу, приходишь к выводу, что довольно часто при наименовании и описании одного и того же события общественно-политической жизни в англоязычных и русскоязычных СМИ используются близкие по семантике, но отличные по ряду признаков лексические единицы, что осложняет процесс межкультурной коммуникации и взаимопонимания, а также процесс перевода с одного языка на другой. Семантические отличия могут быть мало заметны на первый взгляд, но очевидны для представителей каждого из обществ.

Проанализируем лексемы английского и русского языков, использовавшиеся для обозначения участников последних трагических событий в Индии, когда было захвачено несколько гостиниц и погибло большое количество людей. В выпусках новостей, газетах и журналах для обозначения нападавших в английском языке использовались слова *gunman*, *attacker*, *terrorist*, в русском языке – *боевик*, *радикал* и *террорист*.

Современные словари английского языка регистрируют следующие значения слова **gunman**:

1. *a man armed with a gun; especially: a professional killer* (Merriam-Webster on Line)
2. *a person armed or expert in the use of a gun, esp. one ready to use a gun unlawfully* (Random House Unabridged Dictionary) – подчеркивается незаконность использования оружия
3. *a man armed with a gun, especially an armed criminal or a professional killer; ...an armed gangster or hired* (American Heritage Dictionary of the English Language) – подчеркивается преступность действий
4. *men a man who uses a gun to commit a crime or terrorist act* (US Military Dictionary) – приравниваются понятия «преступление» и «террористический акт»

Таким образом, *gunman* – это «вооруженный оружием человек, умело обращающийся с ним с преступной целью».

Значение слова **terrorist** описывается следующим образом:

1. *a person, usually a member of a group, who uses or advocates terrorism* (Merriam-Webster on Line)
2. *an agent or partisan of the revolutionary tribunal during the Reign of Terror in France* (Random House Unabridged Dictionary)
3. *a radical who employs terror as a political weapon; usually organizes with other terrorists in small cells; often uses religion as a cover for terrorist activities* (WordNet) – подчеркивается политическая окраска явления и организованный характер
4. *...anyone who uses terror as a weapon in a political struggle, frequently in an attempt to coerce a more powerful opponent, such as a government* (Wiktionary, a Free Dictionary) – подчеркивается политическая окраска
5. *somebody using violence for political purposes: somebody who uses violence, especially bombing, kidnapping, and assassination, to intimidate others, often for political purposes* (Hyperdictionary.com) – подчеркивается террор, страх, насилие как оружие в политической борьбе

Следовательно, *terrorist* – «человек, использующий террор, страх и насилие для политической борьбы».

Составители современных словарей английского языка предлагают дают толкование слова **attacker** через соответствующий глагол: *someone who attacks* (WordNet, Wiktionary). Поэтому будем отталкиваться от дефиниции глагола **attack** и определим значение **attacker** как «человек, нападающий физически или в переносном смысле, заранее запланировавший эту агрессию».

Перейдем к рассмотрению русских лексем, использовавшихся в СМИ при описании терактов в Индии.

Слово **боевик** имеет следующие определения в словарях русского языка:

1. член вооруженной террористической – обычно националистической – группировки (Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф.Ефремовой).
2. член вооруженного формирования, действующего в интересах каких-либо групп общества, политических группировок (Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова)

Таким образом, **боевик** – «член вооруженной террористической группировки».

У слова **террорист** в словарях зафиксированы следующие значения:

1. участник и/или сторонник актов индивидуального террора (Толковый словарь Ушакова, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова).
2. участник террористических актов (Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой).

Следовательно, **террорист** – «участник террористических актов».

Слово **радикал** имеет в словарях русского языка следующее лексикографическое описание:

1. перен. Сторонник крайних, решительных действий, мероприятий, взглядов (книжн.) (Толковый словарь Ушакова)
2. приверженец радикализма; член партии, отстаивающей принципы радикализма (Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф.Ефремовой).
3. сторонник крайних взглядов, решительных действий (Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф.Ефремовой, Толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова).

Таким образом, **радикал** – «сторонник крайних взглядов и решительных мер».

На основе сопоставительного анализа дефиниций слов *gunman*, *terrorist* и *боевик*, *террорист* можно сделать вывод, что в обоих языках в равной степени адекватно отражается агрессивная сторона терактов. Однако в английском и русском языках в значениях слов выделяются разные признаки одного и того же явления: у лексической единицы *террорист* в толковых словарях русского языка не зарегистрировано значения политической борьбы (в отличие от английского эквивалента), русское слово *боевик* не несет, в отличие от английского *gunman*, семантики преступности.

Что касается слов *радикал* и *attacker*, то их, на наш взгляд, невозможно сопоставить семантически, поскольку они имеют разные значения. Следует отметить при этом, что английское *attacker* имеет более нейтральную окраску, нежели русское слово *радикал*.

Данная информация, безусловно, важна для изучающих язык, поэтому представляется целесообразным ее включение в переводные словари общественно-политической лексики.

Н.В. Костенко

Общие и национально-специфические особенности обозначения линейного перемещения (на материале русского и английского языков)

Предметом нашего исследования являются разные способы обозначения пространственных отношений в языке. Понятие пространства имеет фундаментальное значение в жизни человека, так как пространственные отношения, отражающие координацию объектов, являются одной из первых реалий бытия, которая воспринимается и осознается человеком.

Пространство выступает предметом философских размышлений, является объектом логической, физической, художественной интерпретации и оценки. Неслучайно пространство не только подробно членится «языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим непространственным сферам» (Гак 2000, с. 127). Однако следует признать, что до сих пор языковая презентация понятия пространства не нашла достаточного описания в лингвистике, тем более в сопоставительных исследованиях. Вместе с тем сопоставительный анализ способов обозначения пространственной картины мира выявляет национальную специфику в восприятии и отражении данной области объективной реальности, что имеет значительный практический интерес для изучающих иностранные языки.

В настоящей статье предпринята попытка выявить и описать общие и отличительные черты в обозначении линейного перемещения, соотносимого с движением из центра пространственной координации к периферии, на материале двух неблизкородственных языков – русского и английского. Объект исследования составила лексико-семантическая группа с общим значением «начало перемещения нескольких субъектов или объектов из одной точки, где они находятся вместе, в разные стороны». Данная ЛСГ представлена русскими глаголами *разбежаться*, *разлететься*, *разъехаться*, *расползтись*, *развести*, *разогнать*, *рассредоточить* и т.п. и английскими глаголами *to strew*, *to straggle*, *to scatter*, *to disperse*, *to send out*, *to set out* и т.п.

Данная совокупность глаголов дифференцируется по двум интегральным семам: релевантность для субъекта (характеристика действия, направленного на субъект) и релевантность для объекта (характеристика действия, направленного на объект действия). К первым относятся такие единицы, как *разъехаться, растечься, рассеяться; to straggle, to fly away* и другие. Как правило, эти глаголы являются самодостаточными и не имеют комплементарных отношений к объекту. В группу «объектных» глаголов входят: *расставить, раскатить, развести, разогнать; to scatter, to take round, to throw away* и другие.

Отметим, что в английском языке имеются глаголы, которые могут совмещать в себе оба компонента. Например, *to scatter, to disperse*. Ср.: **The clouds dispersed as quickly as they had gathered. The police used tear gas to disperse the crowd.**

Исследуемая ЛСГ представляет собой объёмную группировку, которая подразделяется на ряд подгрупп. Основанием для выделения подгрупп служит наличие общих семантических признаков в семантике её конституентов. Применение комбинаторной методики компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа позволило выделить основные компоненты значения данной ЛСГ. Ими являются родовые семантические признаки «направление движения» и «способ действия». В сопоставляемых языках есть определенные различия в их выражении.

Семантический признак «направление движения» эксплицитно выражен во всех русских глаголах семантикой приставки **раз- (рас-)**. Прямое значение приставки **раз- (рас-)** – «перемещение из одной точки в разные стороны» – реализуется с глаголами перемещения в контекстах, описывающих конкретное физическое движение. Как правило, если движение самостоятельное, однонаправленные глаголы имеют постфикс – **ся**. Например, *Дети разбежались по двору*. Предлога с таким же значением, который поддерживал бы значение приставки, нет. Однако отмечается регулярная сочетаемость с формой «по + дат. падеж существительных»: *разойтись по домам, расползтись по норам* и т. д. (Волохина, Попова 1993, с. 92).

В английском языке направление движения выражено в большинстве английских глаголов. Оно может выражаться самим глаголом (*to scatter, to strew*), наречием (*round, about*), предлогами (*out*). Что касается образований, типа *to send out, to fly away, to crawl away* отметим, что в языке аналитического строя, каким является английский, могут существовать словообразовательные морфемы, однотипные с суффиксами или префиксами, но отличающимися от них своей позицией относительно корня. Характеризуясь лишь формальной раздельнооформленностью при структурно-семантической цельности, данные аналитические образования по своей семантике приближаются к универбам. Вслед за рядом учёных (Богородицкий 1953; Балли 1955; Окунев 1978) мы трактуем данные единицы как аналитические слова, второй компонент которых является отделяемой морфемой типа приставки, несущей свою сему.

Как показывает анализ, английский язык проявляет тенденцию к конкретизации направления движения. Например, глагольные единицы *to spread out, to send out* актуализируют признак «оказаться вне». Для семантики русских глаголов этот аспект направления действия не является характерным.

Представленность родового семантического признака «способ действия» в значении единиц группы сопоставляемых языков тоже неодинакова. Данная категория образует многослойный ряд аспектов, характеризующих движение в

зависимости от природы движущегося субъекта/объекта, степени его участия в движении, характера движения и т.д. Родовой семантический признак «способ действия» реализуется в составе следующих семантических признаков:

Семантический признак «способ передвижения» выявляется в русском языке лексическим противопоставлением *разбежаться* – *разлететься* – *раскатиться* – *расползтись* – *растечься*. При этом могут актуализироваться дополнительные признаки: «среда перемещения» (*разбежаться* – двигаться по земле; *разлететься* – двигаться в воздухе), «самостоятельное перемещение субъекта с помощью ног» (*разойтись*, *разбежаться*, *разнести*), либо «перемещение при помощи каких-либо средств передвижения» (*разъехаться*, *развести*).

Семантический признак «интенсивность действия» имплицитно «наводится» семантикой корня глагола. Ср.: *разбежаться* – бегом направиться в разные стороны, т.е. быстро; *разбрестись* – бредя, разойтись в разные стороны, т.е. тихо, медленно.

Семантический признак «преодоление препятствия при выполнении движения» обнаруживается в оппозиции «разойтись в разные стороны – разойтись в разные стороны с трудом». Этот признак входит в семантику глагола *разбрестись*.

В английском языке отмеченные выше аспекты действия не оказались актуальными, не вычленились из общего фона действительности в языковом сознании и не воплотились в универсальную форму.

Межъязыковое сопоставление показывает, что только два признака, соотносимых с сопутствующими особенностями протекания действия, а именно «степень распространения действия» и «упорядоченность / неупорядоченность действия» оказываются лингвистически отмеченными в обоих языках. Семантический признак «степень распространения действия» представлен дифференциальной семой «на большом расстоянии», которая отмечена в семантике русских глаголов *рассеяться*, *рассредоточиться* и английских глаголов *to spread*, *to spread out*, *to disperse*. Например, *Дивизия рассредоточилась на заданной территории. The soldiers rapidly dispersed and vanished into the woods.*

Семантический признак «упорядоченность / неупорядоченность действия» выявляется в оппозиции русских глаголов *рассредоточиться* – *рассеяться*. Сема «упорядоченность действия» входит в семантику глагола *рассредоточиться* – разместиться небольшими частями на большом пространстве по заранее разработанному плану. Английский язык не имеет специальных лексем для материализации этой семы. Сема «неупорядоченность действия» актуализируется семантикой глагола *рассеяться* – в беспорядке разойтись, разбежаться в разные стороны. Аналогичная сема присутствует в семантике английских глаголов *to straggle*, *to strew*, *to scatter*. Ср.: *to straggle* – to move, grow or spread out in an irregular or untidy way.

В заключение рассмотрения семантических признаков, соотносимых со способом действия, отметим значительную семантическую дифференцированность русской подгруппы. Данный параметр действия оказался более детально разработанным в русском языке. При этом в отдельных лексемах может иметь место одновременное выражение нескольких аспектов. Лексическая «несоизмеримость» как раз характерна, прежде всего, для слов с достаточно сложным значением: чем сложнее значение, чем больше разных идей

оно в себе соединяет, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется своеобразной, и данное значение не будет иметь однословного выражения в другом языке.

Для исследуемой ЛСГ лингвистически релевантными оказываются не только направление и способ действия, но также и некоторые детерминаторы действия. Мы определяем их как относительные семантические признаки, так как они характеризуют данное действие по его отношению к другому действию. Проведенное наблюдение позволяет выделить на русском материале детерминаторы «целевая установка субъекта», временной детерминатор и количественный детерминатор.

Детерминатор «целевая установка субъекта» конкретизируется семой «отойдя в разные стороны, освободить место для прохода, проезда» в составе глагольной лексемы *раступиться*. В английском языке этот признак не находит особого словесного выражения и часто обозначается описательно. Ср.: *Толпа раступилась*. – *The crowd parted*.

Временной детерминатор «не в одно время» входит в семемы глаголов *разъехаться* – уехать в разные стороны, в разное время; *растаскать* – унести по частям, в разное время. В английском переводе обнаружены эквиваленты *to depart, to leave; to pull/drag asunder*. Этот семантический ряд свидетельствует о том, что в английском языке нет специальных средств для обозначения данного детерминатора. Ср.: *Гости скоро разъехались*. ...*soon the guests departed*. *Сараи растаскали по брёвнышку*. – *it was pulled asunder*.

Количественный детерминатор «о многих» входит в семемы русских глаголов *разбежаться и разбрестись*. В английском языке дифференциальная сема русских глаголов не получает обозначения.

Таким образом, проведённый анализ показал неадекватность выражения родовых семантических признаков «направление движения», «способ действия» и некоторых детерминаторов действия в денотативном компоненте лексического значения английских и русских средств. Межъязыковое сопоставление способов реализации указанных семантических признаков в параллельных ЛСГ позволило выявить как сходство, так и различие в отражении ситуации одного денотативного фокуса. В целом, одинаково отражая пространственную категорию «перемещение от центра пространственной координации в разные стороны», английский и русский языки фиксируют в ней некоторые различительные черты. Сравнение показало, что для семантики английских единиц более характерным является выражение направления движения, а для русских глаголов – способа действия.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков. – М., 1953.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж, 1993.
4. Гак В.Г. Пространство вне пространства / Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С.127-134.
5. Окунев В.М. Образования типа Carry OUT и их производные в различных функциональных стилях современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1978.

Семантика цветообозначений в коми и немецком языке

Лингвистический интерес к цветообозначениям естественен и связан с восприятием человеком окружающего мира. Цвет в разных языках отражается по-разному, поэтому сопоставительное изучение цветообозначений, особенно в языках, принадлежащих к разным языковым семьям, особенно интересно. В настоящем исследовании мы сопоставляем семантику цветообозначений в немецком языке, принадлежащем к германской группе индоевропейской семьи и языку коми, относящемся к финно-угорской группе уральской семьи.

Что касается основного набора цветов, в немецком языке их насчитывается 8 (**rot** - красный, **gelb** - желтый, **grün** - зеленый, **blau** - голубой, **weiß** - белый, **grau** - серый, **schwarz** - черный, **braun** - коричневый), в коми языке – 6 (**еджыд** - белый, **гöрд** - красный, **сьöд** - чёрный, **лöз** - синий, **виж** - желтый, **тырунвиж** - зелёный). Остальные оттеночные цветообозначения занимают периферийное положение.

По своему морфологическому составу цветообозначения подразделяются как в коми, так и на немецком языке на непроезводные, произведенные и сложные. Группу непроезводных цветообозначений составляют основные цветообозначения. Произведенные цветообозначения образуются при помощи суффиксов, при этом следует отметить, что в коми языке, относящемся к агглюнативно-флективному типу, существует большое количество произведенных суффиксов: **-ов**, **-оват**, **-гов**, **-ник**, **-ыник**, **-индзи**, **-ындзи** и т.д. (**вижов** - желтоватый, **вижоват** - с желтизной, **еджгов** - беловатый, **сьöдыник** - черноватенький, **рудындзи** - сероватый).

Сложных цветообразований в коми языке очень много, они состоят из двух слов (**кольквиж** - желтый, как желток яйца; **кельылöз** – голубой, бледно-синий; **югыдвиж** - ярко-желтый; **сасьöд** - очень черный) и обозначают самые разные оттенки цвета. Определяющим компонентом сложных цветообозначений являются слова с денотативным признаком светлости: **кельыл** – бледный, светлый; **югыл** – светлый; **яр** – яркий; **дон** – чистый, прозрачный.

В составе некоторых слов с денотативным признаком светлости в коми языке встречается форманта **катш**: **катшасин** - ромашка; буквально – белый глаз; **катшакольк** – гриб-дождевик, буквально – белое яйцо; **катшашыдöс** – град, буквально – белая крупа.

Для усиления интенсивности цвета в коми языке употребляются также некоторые существительные: **сiм** - ржа, **са** – сажа, **сир** - смола, **вир** - кровь, **йöв** – молоко, **лым** – снег; например, **сасьöд** вой - темная, как сажа, ночь; **сэтöрсьöд** синьяс – глаза, черные, как смородина.

В немецком языке тоже есть обширная группа существительных, придающих оттеночное значение цветообозначению: **rabenschwarz** - черный, как ворон; **schneeweiß** - белый, как снег; **krebsrot** - красный как рак.

Следует отметить, что в коми языке усиливающим моментом цветообозначения является повтор, чего нет в немецком языке: **гöрд - гöрд** - очень красный, **еджыд - еджыд** - очень белый. Интересно явление, когда соединяются два цветообозначения и первое усиливает значение второго: **веж еджыд** – белый-белый.

Отметим, что цветообозначения могут употребляться не только в прямом значении (цвет), но и в переносном. Посмотрим это на примере развития

значений лексемы **сьöd** – черный:

- «грязный»: **сьöd ва** – мутная вода, **сьöd удж** - грязная, тяжелая работа.
- «тяжелый, трудный»: **«сьöd ар»**, тяжёлый год.
- «неграмотный»: **сьöd пи** - неграмотный сын.
- «негативная черта характера человека»: **сьöd сьöлöма** – плохой, злой; **сьöd вира** – умеющий сглазить, дурной; **сьöd мöвп** – черные, недобрые мысли.
- «очень много, тьма»: **гöрд үсьöма пувйыс** - брусники уродилось полным-полно; **йöзыс сьöd** – народу тьма.

Данная лексема встречается во множестве фразеологизмов: **сьöd босьтны** - привыкнуть, **сьöдсö воштавны**, прикидываться глупцом, скрывать свои нехорошие поступки, замечать следы; **сьодас уджавны** – работать без перспектив; **сьодас дольны** – болтать впустую; **пель сьöдмöдны** - надоедать болтовней, буквально - уши чернить.

Развитие семантики цветообозначения в немецком языке можно продемонстрировать на примере слова **«grün»** - зелёный:

- «неспелый, незрелый»: **Grünes Holz** (сырые дрова), **grüne Äpfel** (неспелые яблоки).
- «свежий» (в кулинарии): **grüne Heringe** (свежая сельдь), **grüner Markt** (рынок, где продается свежая зелень).
- *ирон.* «молодой, неопытный»: **grüner Junge** (молокосос, желторотый)
- «партия зеленых»: **«grün wählen»** (выбрать «зеленых»)

Значения, развиваемые цветообозначениями, можно объединить в ряд семантических групп. Первая группа включает в себя характеристики психологического и эмоционального состояния человека: **гöрд вира** – здоровый, буквально с красной кровью; **сьöd вира** – с недобрым, дурным глазом, способным сглазить; **дöз вез кодь** – истощенный, худющий, буквально, как синяя нить паутины. Эта группа в коми языке не очень большая, в немецком языке она значительно шире: **er ist ganz weiß im Gesicht** - он бледен, как полотно; **sich grün und gelb ärgern** - приходить в ярость, быть вне себя; **weiße Mäuse sehen** – видеть зеленых чертиков; быть вдребезги пьяным; **sich schwarz ärgern** - сильно рассердиться; **roten Kopf bekommen** - покраснеть, смутиться. Сюда же можно отнести цветообозначения, употребляющиеся в переносном смысле и характеризующие человека, его поступки: **ein schwarzes Herz** – злое сердце, **eine schwarze Seele** – подлая душа, **Schwarzmacher** брюзга, ворчун; **Schwarzseher** – пессимист; **grüner Bengel** – озорник; **Blaubart** - соблазнитель.

К этой же группе можно отнести и ряд фразеологизмов: **j-m nicht das Schwarze unter dem Nagel gönnen** - во всем завидовать кому-то; **keinen roten Heller wert sein** - гроша ломаного не стоит; **sich grün machen** - много мнить о себе; **j-m etwas über den grünen Klee loben** - чрезмерно хвалить кого-либо; **j-m blau anlaufen lassen** - обманывать, надуть кого-либо.

Вторая группа содержит цветообозначения, помогающие описать внешность человека. В коми языке это **сьöd морт** - брюнет, **гöрд юрсиа**- рыжий, **еджыд юрсиа** – блондин, **веж юрси**- светло-золотистые волосы.

Третья группа представляет собой названия растений, плодов, деревьев, животных. В коми языке это **гöрд ур** – летняя, рыжая белка, **гöрд синма кельчи** – красноглазая плотва, **еджыд бобув** – бабочка-белянка, **гöрд гоб** – красноголовик, подосиновик, **еджыд гоб** – белый гриб. В немецком языке – **Rotdorn** – боярышник, **Braunfisch** – морская свинка, **Rothirsch** – олень

благородный, **Weißbeiche** – дуб белый, **Rotkohl** – краснокочанная капуста.

Четвертую группу составляют наименования людей по профессии (на основе метонимического переноса части на целое цвет одежды соотносится с лицом определенной профессии). Например, **Wießkittel** – каменщик-штукатур, **Schwarzkittel** – духовное лицо, **die Weißen Mäuse** – *шутл.* дорожные полицейские, носящие белые плащи, **die weißen Staatsmäuse** – *шутл.* полицейский эскорт важных иностранных гостей, **der gelbe Flitzer** – служащий почты ФРГ, доставляющий телеграммы на мотоцикле. Отметим, что подобные цветообозначения в коми языке не обнаружены.

Пятая, относительно небольшая группа объединяет наименования различных заболеваний. В немецком языке существуют: **grüner Star** – глаукома, – **grauer Star** катаракта, **blauer Husten** – коклюш, **Weißblutigkeit** – белокровие, **Rotlauf** – краснуха, **Weißsucht** – альбинизм, в коми языке есть **вежӧт шог** – желтуха, **виж висьӧм** (желтая болезнь).

Существенной особенностью цветообозначений в коми языке является то, что они широко употребляются для характеристики состояния природы, природных явлений, леса, воды. Для коми «зеленый лес» – это **яг, парма**. Вместе с дополняющими эпитетами, мы имеем **веж яг** – золотой, солнечный лес, **лӧз яг** – еловый лес, буквально, синий лес, **гӧрд вӧр** – сосновый, буквально, красный лес.

У носителей языка коми три цвета занимают пальму первенства. Это **еджыд** – белый, **гӧрд** – красный, **сьӧд** – черный. С белым цветом у коми связано понятие **свое, родное**. Некоторым предметам белого цвета (соль, мука, сахар) приписывали магические свойства. Красный цвет занимает особое место в цветовых классификациях культур всех народов. Красный ассоциируется с понятием «красивый, лучший, здоровый»: красной нитью перевязывали запястье ребенка от сглаза, в избе существовал **«гӧрд пельӧс»** – красный угол. **Сьӧд** – черный маркирует иной, потусторонний мир, поэтому святочные ряженые, изображающие существа иного мира, мажут лица сажей, одеваются в черное.

В коми фольклоре основные цвета – это красный, желтый, синий. Зеленый не наделяется каким-то особым значением, и только в конце 20-го века расширяет свое семантическое поле. Значительное влияние на изменение семантики зеленого цвета в представлениях коми оказали цветовые представления русских, и это отразилось в выборе и популярном толковании триколора флага республики Коми: синий верх – небо, зеленый центр – лес, белый низ – снег.

В целом, анализ семантики цветообозначений показывает, что они широко употребляются как в коми языке, так и в немецком – в прямом и переносном значениях.

С.В. Дмитриева, Л.Б. Тулина

О некоторых особенностях цветообозначений в английском и французском языках

Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Предметом исследования данной статьи являются цветообозначения английского и французского языков, различные точки зрения на их основные цвета, происхождение отдельных цветовых номинаций, их классификация и способы образования.

В английском и французском языках, как и во всех остальных, выделяют основные цвета. Берлин и Кей основными цветоименованиями в английском языке считают следующие: **white** (белый), **black** (черный), **red** (красный), **green** (зеленый), **yellow** (желтый), **blue** (синий), **brown** (коричневый), **purple** (фиолетовый), **pink** (розовый), **orange** (оранжевый), **gray** (серый). Утверждая это, они исходят из четырех критериев: 1) основное цветоименование должно быть неприменованным и не должно относиться к сложным словам; 2) его значение не должно быть уже значения другого цветоименования, указывающего на какой-либо близкий оттенок; 3) оно должно обладать широкой сочетаемостью; 4) должно быть «психологически выделенным», значимым для носителей данного языка (цит. по Фрумкина 1984, с.20).

Некоторые авторы (Bidu-Vranceanu 1976, с.7) фундаментальными называют следующие цвета во французском языке: **jaune** (желтый), **rouge** (красный), **bleu** (синий), **vert** (зеленый), **blanc** (белый), **noir** (черный), **gris** (серый), **brun** (коричневый). Главным критерием объединения их в группу основных является их семантическая неделимость в отличие от **orange** (оранжевый), **violet** (фиолетовый), **rose** (розовый), которые не только служат цветоименованиями, но и называют непосредственно предмет.

Среди основных цветов во французском языке, можно выделить небольшую группу ядерных – наиболее распространенных и употребительных в данном языке. К таким прилагательным относятся следующие: **noire, blanc, rouge, jaune, bleu, vert**. Интересно отметить, что в разные периоды развития французского языка менялись понятия основных, ядерных цветов. Если проследить историю их формирования, то можно увидеть, что в ряде случаев происходило вытеснение одних цветов другими. Так, например, в XI веке в ядро входило сразу два равноправных наименования красного цвета – абсолютные синонимы **rouge, vermeil**, тогда как синий цвет не был представлен в ядре совсем. Лишь в XVI веке уточняются языковые характеристики прилагательных **bleu, vermeil**. Значение последнего специализируется, этот термин употребляется как сугубо поэтический и выходит из состава ядра поля, благодаря чему преодолевается цветовой «дуализм».

Существенным в исследовании цветовых номинаций является вопрос о времени появления и происхождения цветовых прилагательных. Считается, что первые цветоименования в английском языке появились в 900 году: **black, green, white, red, snowwhite** (белоснежный), **yellow, grey**. Дата появления остальных: **blue, brown, orange** – 1152 год. В XVI веке появляются **rosy, smoky, iron grey**.

Французский исторический словарь приводит данные о происхождении цветовых прилагательных **gris, blanc**, вошедших в употребление в XI веке. Интересно отметить, что прилагательное **gris** употреблялось в 1140 году как существительное и обозначало мех белки, названной позже *petit-gris*, затем – как прилагательное в разговоре о бороде и только потом – как цвет одежды. **Blanc** также как и **brun** восходит к названиям лошадиных мастей. **Bleu** появилось в XIII веке, причем, первоначально имело значение «**pale, blanchâtre или livide**». Лишь в среднефранцузский период уточняется хроматическое значение данного прилагательного. В XVIII и XIX вв. появляются цветообозначения от названий экзотических плодов: **citron** – лимонный, **pistache** – фисташковый (англ. и фр.). В XX в., с развитием науки и техники, появляются следующие цветовые

номинации: **airforce blue** – грязно-синий, **petrol-blue** – керосинный (англ.); **infra-rouge** – инфракрасный, **ultra-violet** – ультрафиолетовый (фр.).

Впечатление, производимое цветом, связано с фактурой поверхности предмета. Чернота материи отличается от черноты кожи или шерсти. Поэтому в английском и во французском языках, как и в других, есть специальные прилагательные обозначающие только или преимущественно: 1) масть лошадей: саврасый – **bay, fox, kaffa** (англ.), **louvet** (фр.); буланый – **sorrel, walnut** (англ.), **isabelle** (фр.); каурый – **alesan, cedar** (англ.), **alezan, marron** (фр.); гнедой – **chocolate, chestnut** (англ.), **bai, brun** (фр.); мухортый – **yellowish** (англ.), **bai à chanfrein jaune** (фр.) 2) цвет ткани: маренго – **marengo, graphite** (англ.), **marengo, gris souris** (фр.) 3) цвет волос человека: русый – **fawny, flax** (англ.), **châtain-clair** (фр.); рыжий – **red, ginger, roux** (англ.), **roux** (фр.); седой – **grizzly** (англ.), **gris clair** (фр.); белокурый – **fair, flax** (англ.), **blond** (фр.); пепельно-серый – **grizzly, French grey** (англ.), **gris cendré** (фр.) 4) цвет кожи: смуглый – **tan, caramel, dusky** (англ.), **basané, bronzé** (фр.) 5) цвет лица: румяный – **blush rose, auroral, softred** (англ.), **cramoisi, vermeil** (фр.); мучнистый – **flour white, alabaster** (англ.), **craie, blanc de farineux** (фр.) 6) цвет глаз: карие – **brown, arab, kaffa** (англ.), **marron, noisette** (фр.).

Цветовые номинации могут быть классифицированы по морфологическому принципу: 1) простые слова: **violet** – фиолетовый (англ. и фр.); 2) слова с модификаторами: **pale red** (англ.), **rouge clair** (фр.) – светло-красный; **deep purple** – темно-фиолетовый (англ.), **bleu profond** – насыщенный синий (фр.); 3) двусоставные прилагательные модели «цвет + цвет»: **red yellow** – красно-желтый (англ.), **vert-de-gris** – серо-зеленый (фр.); 4) словосочетания модели «цвета...»: **colour of sunshine on sand** – цвет солнечного сияния на песке (англ.), **couleur de l'oeuf de cane** – цвет утиного яйца (фр.).

Отметим, что пополнение и обновление цветообозначений в рассматриваемых языках происходит в результате заимствований. Большинство французских цветовых прилагательных вошли в состав активного словаря английского языка. Такие прилагательные как **violet, turquoise, mauve, beige, bordeaux** встречаются очень часто, другие же – крайне редко: **pois cassé=green, rouge foncé=rubby, coquille d'oeuf=cream, gris Louis XVI=grey**. Что касается французского языка, то даже некоторые основные цвета: **blanc, bleu, brun, gris** заимствованы им из германских наречий.

По современным представлениям, число оттенков цвета, различаемых человеком – десятки или даже сотни тысяч. В английском и французском языках оттенки цветовых ощущений обозначаются очень подробно. В качестве примера возьмем синонимический ряд прилагательного «красный» в английском языке: **fire red, poppy red, rosewood, Yndian red, crimson, blood red, cherry red, old rose, wine red, claret, mulberry red, dark cherry, ruby, Turkey red, scarlet, down pink, raspberry red, tomato red, flash red...** (Василевич 1987, с.24).

Во французском языке можно привести пример многочисленных оттенков «зеленого»: **vert foncé, vert vif, vert tendre, vert amande, vert épinard, olive, pistache, vert pomme, vert céladon, vert absinthe, vert bouteille, vert wagon, vert jade, vert émeraude...**

Если в речи возникает необходимость в наименовании каких-то особых оттенков, то в этом случае цвет предмета обозначается метафорически. Однако, метафорические обозначения, принятые в одном языке, нелегко воспроизводятся

в других, так как не всегда понятно, какой именно оттенок имеется в виду: например, непонятно, как перевести **viking-coloured eyes** – цвет глаз викингов (англ.). Также непонятно, как перевести с французского языка такие оттенки коричневого, как **ventre de biche** – букв. живот лани, **queue de vache** – букв. коровий хвост.

Постоянное появление новых цветообозначений в современном английском и французском языках стимулируется торговлей и рекламой. Нельзя не признать, что вызванное коммерческими соображениями словотворчество открыло оригинальные способы обозначения оттенков и изменило, расширило значение многих других слов, не связывавшихся ранее с цветом. По возможности используются броские, эмоционально насыщенные слова: **young pink** – юный розовый, **pink whisper** – розовый шепот, **merry cherry** – веселая вишня, **apricot dazzle** – абрикосовая ослепительность (англ.).

В списке предлагаемых покупателям колгот можно встретить совершенно далекие от цветообозначений слова: **péché** – грех, **nuit d'amour** – ночь любви, **ivresse** – восторг, **désenchantement** – разочарование, **comme d'habitude** – как всегда, **evanescence** – исчезновение (Pastoureau 1992, с.25). Как показывает практика, слова, для которых рекламная функция – основная, становятся все более употребительными. Они не называют конкретный цвет, а лишь привлекают внимание. Однако удачными такие термины будут только в том случае, если они имеют с называемым цветом определенную ассоциативную связь. Исследования психолингвистов показали, что ассоциативное поле слова самым тесным образом связано с культурно-исторической традицией данного народа. Наличие устойчивых ассоциаций позволяет очень умело использовать название цвета в рекламе товара. Игнорирование ассоциативных законов, напротив, делает название малоэффективным. Отметим, что список таких новых цветообозначений остается открытым, так как фантазия сочинителей рекламы безгранична.

Интересно и то, что само слово **couleur** сегодня может использоваться в разных контекстах и обозначать слишком многое. Его можно встретить вместо таких слов как **art, peinture, lumière, tableaux, musique, voix...** Например, вместо названия выставки «**L'oeuvre de Matisse**», можно увидеть афишу «**Les couleurs de Matisse**», на концерте более не слушают голос той или иной певицы, зато можно услышать «**sa couleur vocal**», по радио передают не метеосводку, а «**couleurs du temps**»... Такие выражения более современны и привлекают внимание окружающих.

Подводя итог, отметим, что цветообозначения играют большую роль в английском и французском языках. Существует ряд универсальных черт в развитии их систем цветообозначений. Однако нельзя не согласиться с тем, что «цвет – это культурный феномен, который развивается и определяется по-разному в зависимости от эпохи, общества и цивилизации» (Pastoureau 1992, с. 12).

Литература

1. Bidu-Vranceanu, Angela. Systématique des noms de couleurs. – Paris, 1976.
2. Pastoureau, M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. – Paris, 1992.
3. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М., 1987.

4. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. (Аспекты психолингвистического анализа). – М., 1984.

Е.Ю. Мягкова, Е.А. Таныгина

О некоторых особенностях употребления прилагательных *blue* и *синий* в английском и русском языках

В жизни любого человека цвет является неотъемлемой частью окружающего мира. Неслучайно проблема цвета издавна привлекает внимание исследователей, связывая множество ветвей и отраслей знаний, обсуждаясь с самых разных точек зрения, в частности, с позиций биологии, физиологии, психологии и других наук. Цвет содержит в себе уникальную информацию об окружающей человека природе и традициях народа. Важную роль при исследовании цвета и цветовой символики играет исторический и культурный опыт человека, накладывающий свой отпечаток на использование цветолексики в переносном значении. Рассмотрим подробнее некоторые особенности использования цветообозначений синего цвета в английском и русском языках.

Синий цвет символизирует бесконечность, вечность, преданность, истину, веру, чистоту, целомудрие, духовную и интеллектуальную жизнь – ассоциации, которые возникли во многих древних культурах и выражают общую мысль, что синий цвет неба – наиболее спокойный и наименее «материальный» из всех цветов. Деву Марию и Христа часто изображают одетыми в синее. Синий цвет – атрибут многих богов: Амона в Древнем Египте, греческого Зевса и римского Юпитера. По традиции, в Европе синий цвет символизирует верность, милосердие и мудрость.

Подобное отношение к синему цвету может быть связано с этимологией данного цветообозначения. В английском языке оно появляется только в среднеанглийский период. Согласно данным этимологического словаря (Ayto 1993), прилагательное *blue* непосредственно произошло от индоевропейского корня **bhlēwos*, изначально служившего для обозначения желтого цвета. Именно от этого корня также произошли латинское слово *flāvus* (желтый), от которого впоследствии образуется английские *flavin* (желтая краска), *white* (белый), *pale* (бледный) и *livid* (мертвенно-бледный, серовато-синий) (древнескандинавское *blá 'livid'*), греческое *phalós* (белый). В этот же период в английском языке существовала похожая форма *blow*, не сохранившаяся до настоящего времени. В результате современное английское обозначение синего цвета было заимствовано из древнефранцузского (*bleu*). Данное слово происходит от общероманского **blāvus*, которое, в свою очередь, связано с прагерманским **blāwaz*, источником немецкого *blau 'blue'* (Ayto 1993). Было соответствующее слово и в старославянском языке – *плавъ*. Однако дальше судьба этого слова в славянских языках сложилась по-разному. В болгарском (*плав*), сербо-хорватском (*плав*), словенском (*plav*) оно обрело значение 'голубой', как и во многих других индоевропейских языках. А вот церковно-славянское прилагательное *плавый* в русском языке стало обозначать 'светлый, светло-желтый'. По тому же пути пошли польский (*plowy*), чешский и словацкий (*plavý*) языки, где, кроме значения 'блеклый, светло-желтый', слово получило значение 'буланый', стало названием масти животных (Фасмер 2004).

Согласно словарю М. Фасмера (там же), русское слово *синий* является общеславянским и восходит к древне-индоевропейскому *śuāmás* 'темный, черный'. Возможно, именно поэтому на ранней стадии развития русского языка не различались понятия *черный* и *синий*. По словам Н.Б. Бахилиной (Бахилина 1975), в древнерусских литературных памятниках есть примеры обозначения прилагательным *синий* черного цвета. Она также отмечает наличие сравнения данного слова с сажей. По мнению А.П. Василевича (Василевич 2005), в литературе XI в. во многих случаях *синий* еще передает значение просто темного цвета и имеет довольно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления). Примерно в том же значении употреблялись слова *зекрый* (цвет глаз и цвет камня) и *сизый* (цвет оперения птиц), но впоследствии основным оказалось слово *синий*, которое стало сочетаться с любыми предметами. Прилагательное *зекрый* исчезло, а *сизый* приняло более конкретный оттенок.

В истории русской бытовой культуры синий цвет занимает особое место. Исследование фольклорных памятников показывает, что синий цвет обычно наделялся магическими свойствами, так как он был связан с водой, которая, по словам Т.Е. Никулиной, считалась местом, где таятся злые, враждебные человеку силы (Никулина 1988), связанным со смертью и загробным миром. Именно поэтому синий цвет встречается в траурных народных костюмах. С синим цветом связано множество обрядов и суеверий. Исследование Н.Б. Бахилиной показало, что в памятниках древнерусской культуры часто употребляется слово *синец*, обозначающее 'беса', 'дьявола' и любое лицо, причастное к адским силам (Бахилина 1975).

Известно, что прямое название вещей неприятных, тем более связанных с мистическим злом, всегда было табуированным. По словам А.П. Василевича, именно это бессознательное предубеждение привело к тому, что название *синий* предпочитали сохранять в иноязычном звучании и написании (особенно в модных журналах первой половины XIX века): *блэраймондовый*, *bleu Mexico*, *Lavalier*, *bleu mouche*, *bleu faïence*, *Leman*, *bleu suédois*. Во второй половине XIX столетия среди читателей журналов осталось меньше лиц, владеющих французским языком. В итоге часть этих слов исчезли, другие русифицировались, например *электрик* – 'ярко-синий' (Василевич 2003).

Говоря о синем цвете, нельзя не учесть и характер красителя, используемого для его получения. В России синий цвет получали из растения синиль. В Европе использовались различные местные красители, но уже в средние века на рынки Европы стал поступать дорогой, но качественный индиго. Античные авторы имели о нём смутное представление, поэтому вокруг него возник ореол мистики. По легенде индиго извлекалось из рыбы алузен, мифического существа, вобравшего в себя все краски моря, которое выходит из его глубин раз в 70 лет. Защищая интересы традиционного местного синего красителя, власти Германии в 1777 году издали указ, объявляющий индиго «дьявольской краской». Каждому, кто пользовался этим «соблазном сатаны», предрекалась геенна огненная (Супрун, Филановский 1990). А так как Германия исторически была основным поставщиком новых технологий и товаров с Запада в Россию, конкурентная борьба между индиго и традиционными красителями, осложненная церковным проклятием, добавляла отрицательных эмоций в отношении русских к синему цвету.

Итак, по самым разным причинам синий цвет у русских в течение долгого времени сохранял в целом отрицательную коннотацию. Однако сказанное относится только к темно-синему цвету. Светлый оттенок синего цвета, напротив, был весьма распространен, в том числе, составляя основу праздничной простонародной одежды (наряду с красным).

В английском языке цветообозначение *blue* также метафорически употребляется с отрицательной коннотацией. Исследование этимологических словарей английского языка (Skeat 1995, Ayto 1993, Onions 1996) показывает, что, начиная с 1550 года, в семантической структуре прилагательного *blue* выделяется значение 'испуганный, подавленный, унылый, грустный' (от последнего происходит название жанра музыки), что, скорее всего, связано с психологией восприятия синего цвета, который по своему физиологическому воздействию является угнетающим цветом, понижающим кровяное давление, пульс и ритм дыхания, успокаивающим и расслабляющим. С 1840 *blue* приобретает значение 'непристойный, скабрёзный, пошлый', а в американском сленге используется для описания человека, находящегося под действием алкоголя или наркотиков.

Таким образом, история обозначений синего цвета в английском и русском языках достаточно сложна. Это отразилось в наличии меньшего по сравнению с другими цветами количества прилагательных, используемых для описания его оттенков. Так, микрополе красного цвета в английском языке насчитывает, согласно тезаурусу Питера Роже, 36 лексем, зеленого – 19, черного – 18, желтого – 26, коричневого – 27, в то время как микрополе синего – лишь 14 прилагательных (Roget 1981). В русском языке можно выделить, согласно работе Н.Б. Бахилиной, 21 название оттенков красного цвета, 12 – коричневого, 10 – фиолетового и только 9 названий оттенков синего цвета (Бахилина 1975).

Литература

1. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке.– М.: «Наука», 1975.
2. Василевич, А.П., Кузнецова, С.Н., Мищенко, С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М., 2005 г.
3. Никулина, Т.Е. Прилагательное «синий» в языке русских волшебных сказок (по сборникам и записям XIX в. // История слова в текстах и словарях. – Ставрополь, 1988. – С.113 – 123.
4. Супрун А., Филановский Г. Почему мы так одеты– М., 1990.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. – М.: Астрель, 2004.
6. Ayto John. Dictionary of Word Origins – Arcade Publishing, New York, 1993.
7. Onions – The Oxford Dictionary of English Etymology / Edited by C.T. Onions with the assistance of G.W.S.Friedrichsen and R.W.Burchfield. – OUP, 1996.
8. Roget – Every man's Thesaurus of English Words and Phrases / Revised from Peter Roget by D.C.Browning. – Sphere Books Ltd, 1981.
9. Skeat Walter W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Wordsworth Editions Ltd, 1995.

Сравнительный анализ семантического развития лексем *молния* и *lightning* в русском и английском языках

Семантема лексемы *молния* включает пять семем: семему Д1² «мощный искровой разряд атмосферного электричества в небе» (*Вот пробилась из-за тучи Синей молнии струя – Тютчев*), три семемы Д2 «вид особо срочной телеграммы» (*По дороге мы зашли на почту, и я послал молнию Лизе. – Гладков*), «вид экстренной газеты, освещающей важные и злободневные вопросы» (*На стенах нового корпуса у нас вывешивали «молнии»... – Быков*) и «вид быстро задерживающейся застежки» (*[Жаклина] принесла рубашку и как раз ту, которая ему нравилась больше других – темно-гранатовую с молнией. – Попов*), семему К1 «яркий блеск глаз в состоянии гнева».

Семантическими признаками, релевантными для развития семантемы, являются: *скорость природного явления* (семемы Д2 «вид особо срочной телеграммы», «вид экстренной газеты, освещающей важные и злободневные вопросы», «вид быстро задерживающейся застежки»), *свет от природного явления* (семема К1 «яркий блеск глаз в состоянии гнева»).

Лексема *молния* является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего восемь лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, являются: *природное явление* (*молниевый* – с участием молнии, *молниеподобный* – похожий на молнию, *молнийный* – являющийся молнией), *защита от природного явления* (*молниеотвод* – приспособление для защиты от молнии), *скорость природного явления* (*молниеносный* – быстрый, *молниеносно* – быстро, *молниировать* – подавать экстренное сообщение), *форма природного явления* (*молниевидный* – по форме напоминающий молнию).

Лексема *молния* входит в состав двух фразеологических единиц. Семантическими признаками, лежащими в основе фразеологического переноса, являются: *скорость природного явления* (со *скоростью молнии* – быстро), *неблагоприятные последствия действия природного явления* (*метать громы и молнии* – резко осуждать).

Проведенный анализ показал, что наиболее когнитивно – релевантными семантическими признаками лексемы *молния* в русском языке являются следующие, которые мы перечисляем в порядке убывания их продуктивности:

- *Скорость природного явления* – данный семантический признак лег в основу трех переносов значения в семантеме, является мотивирующим признаком трех словообразовательных единиц и основой фразеологического переноса для одной ФЕ;
- *Природное явление* – данный семантический признак является мотивирующим признаком трех словообразовательных единиц;
- *Свет от природного явления* – данный семантический признак лег в основу одного переноса значения в семантеме;

² Для описания семантем используется типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (см. Копыленко, Попова 1989, с.31-32), позволяющая определить тип семантической производности.

- **Защита от природного явления** – данный семантический признак является мотивирующим признаком одной словообразовательной единицы;
- **Форма природного явления** - данный семантический признак является мотивирующим признаком одной словообразовательной единицы;
- **Неблагоприятные последствия действия природного явления** – данный семантический признак является основой фразеологического переноса для одной ФЕ.

Для более объективной оценки важности того или иного семантического признака для носителей конкретного языка представилось целесообразным воспользоваться введенным нами *индексом продуктивности семантического признака*, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от данной лексемы.

Индексы продуктивности вышеперечисленных семантических признаков следующие: *скорость природного явления* (50%), *природное явление* (22%), *свет от природного явления* (7%), *защита от природного явления* (7%), *форма природного явления* (7%), *неблагоприятные последствия действия природного явления* (7%).

Обращает на себя внимание тот факт, что семантический признак *скорость природного явления* релевантен как для развития значений в семантеме, как для развития словообразовательного гнезда, так и для фразеологического переноса, в то время как семантический признак *свет от природного явления* релевантен только для переноса значений в семантеме, семантические признаки *природное явление*, *форма природного явления*, *защита от природного явления* релевантны только для развития словообразовательного гнезда, а семантический признак *неблагоприятные последствия действия природного явления* релевантен только для фразеологического переноса.

Семантема лексемы *lightning* в английском языке включает четыре семемы: семему D1n³ «искровой разряд атмосферного электричества в небе» (*Lightning flashed in the sky, and there was a loud crash of thunder. – Молния сверкнула в небе, и раздался сильный раскат грома раскат грома. – Hardy, T and West, Claire.*), семему D2 n «искровая вспышка, разряд электричества» (*I was sure that my machine could use electricity from lightning... Я был уверен, что моя машина могла работать от искровой вспышки... – Frankenstein*), две семемы K1adj «молниеносный, мгновенный» (*1982 kept going at a lightning pace. – 1982 год шел молниеносным темпом – New Scientist*) и «экстренный, имеющий большую срочность».

Семантическими признаками, лежащими в основе развития семантемы, являются *природное явление* (семема D2n «искровая вспышка, разряд электричества»), *скорость природного явления* (семемы K1adj «экстренный, имеющий большую срочность», «молниеносный, мгновенный»).

Лексема *lightning* является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего восемь лексем. Семантическими признаками, релевантными

³ Обозначается лексико-грамматическая полисемия (подробнее об этом см. Стернина 1999).

для развития словообразовательного гнезда, являются: *защита от природного явления* (**lightning-arrester** – молниеотвод, **lightning conductor** – молниеотвод, **lightning rod** – молниеотвод, **lightning-proof** – защищенный от удара молнии), *скорость природного явления* (**lightning gap** – искровой промежуток, **lightning-like** – молниеносный, **lightning-pains** – стреляющие боли), *свет от природного явления* (**lightning bug** – мотылек).

Лексема **lightning** входит в состав шести фразеологических единиц. Семантическими признаками, лежащими в основе фразеологического переноса, являются следующие: *скорость природного явления* (**like lightning** – со скоростью молнии, **to be as quick as lightning** – быть очень быстрым, **to move like greased lightning** – двигаться молниеносно, происходить мгновенно), *быстротечность/ краткосрочность природного явления* (**a lightning before death** – веселье перед смертью), *неблагоприятные последствия действия природного явления* (**thunder and lightning** – (метать) громы и молнии, **lightning never strikes twice (in the same place)** – молния никогда не ударяет по одному и тому же месту дважды).

Проведенный анализ показал, что наиболее когнитивно-релевантными семантическими признаками лексемы **lightning** в английском языке являются следующие, которые мы перечисляем в порядке убывания их продуктивности:

- *Скорость природного явления* - данный семантический признак лег в основу двух переносов значения в семанте, является мотивирующим признаком трех словообразовательных единиц и основой фразеологического переноса для трех ФЕ;
- *Защита от природного явления* - данный семантический признак является мотивирующим признаком четырех словообразовательных единиц;
- *Неблагоприятные последствия действия природного явления* - данный семантический признак является основой фразеологического переноса для двух ФЕ;
- *Природное явление* - данный семантический признак лег в основу одного переноса значения в семанте;
- *Свет от природного явления* - данный семантический признак является мотивирующим признаком одной словообразовательной единицы;
- *Быстротечность/краткосрочность природного явления* - данный семантический признак является основой фразеологического переноса для одной ФЕ.

Индексы продуктивности вышеперечисленных семантических признаков следующие: *скорость природного явления* (47%), *защита от природного явления* (23%), *неблагоприятные последствия действия природного явления* (12%), *природное явление* (6%), *свет от природного явления* (6%), *быстротечность/краткосрочность природного явления* (6%).

Исследование показало, что семантический признак *скорость природного явления* релевантен и для развития значений в семанте, и для развития словообразовательного гнезда, и для фразеологического переноса, в то время как семантический признак *природное явление* релевантен только для переноса значений в семанте, семантические признаки *свет от природного явления*, *защита от природного явления* релевантны только для развития

словообразовательного гнезда, а семантические признаки *быстротечность/ краткосрочность природного явления, неблагоприятные последствия действия природного явления* релевантны только для фразеологического переноса.

Сравнение семантических признаков развития лексем *молния* и *lightning* показало наличие следующих общих признаков, релевантных для семантического развития обеих лексем: *скорость природного явления, свет от природного явления, природное явление, защита от природного явления, неблагоприятные последствия действия природного явления*. Отметим при этом, что индексы продуктивности семантических признаков *свет от природного явления* и *скорость природного явления* в русском и английском языках практически совпадают. Так, индекс продуктивности семантического признака *свет от природного явления* в русском языке – 7%, в английском – 6%; индекс продуктивности семантического признака *скорость природного явления* в русском языке – 50%, в английском языке – 47%. Индексы продуктивности остальных семантических признаков в обоих языках существенно разнятся. Так, индекс продуктивности семантического признака *природное явление* в русском языке – 22%, в английском – в три с половиной раза ниже – 6%; индекс продуктивности семантического признака *защита от природного явления* в русском языке – 7%, в английском – в три раза выше – 23%, индекс продуктивности семантического признака *неблагоприятные последствия действия природного явления* в русском языке – 7%, в английском – 12%.

Следует также отметить, что каждая лексема обладает и индивидуальными семантическими признаками, не характерными для развития значения другой лексемы. Так, для развития значения лексемы *молния* в русском языке характерен семантический признак *форма природного явления* (индекс продуктивности - 7%), а для развития значения лексемы *lightning* в английском языке – семантический признак *быстротечность/ краткосрочность природного явления* (индекс продуктивности - 6%).

Проведенное исследование подтверждает наличие национальных особенностей семантического развития рассмотренных лексем.

Литература:

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
2. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.

А.В. Книга

Национальная специфика лексемы *ураган* на фоне английских соответствий

Выявление национальной специфики семантики слова (выявление отличий по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения) - основная цель контрастивной лексикологии, которая представляет собой самостоятельный раздел лингвистики, имеющий свой собственный предмет описания - лексические и фразеологические сходства и различия одного языка относительно другого. Контрастивные исследования практически всегда тесно

связаны с задачами преподавания иностранных языков и обусловлены проблемами, связанными с явлениями интерференции в лингводидактике и переводе.

Определение национальной специфики является важным элементом контрастивного анализа, который представляет собой алгоритм, логическую последовательность действий исследователя (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 48-53).

Национальная специфика семантики слова обнаруживается в денотативном, коннотативном и структурно-языковом компонентах значения слова, а также в нескольких компонентах одновременно (там же, с. 47).

Нами был проведен контрастивный анализ лексемы *ураган* и ее английских соответствий – *storm, tempest, hurricane, cyclone, tornado, windstorm, whirlwind, typhoon, waterspout, twister, gale, snowstorm, blizzard, sandstorm, duster, dust devil*. По данным толковых словарей русского и английского языков были составлены унифицированные определения выделенных лексических единиц. Эти лексемы подвергались компонентному анализу – выделению дифференциальных и интегральных сем в значениях слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов (Стернин 2003, с. 10). В результате семемы русских и английских лексических единиц были представлены в виде набора конкретных сем. Каждой семе русского языка ставилась в соответствие та или иная сема иноязычного слова. В контрастивной паре выявлялись несовпадающие (национально-специфические) семы, которые отличают (дифференцируют) значение данного слова от семантически близкого к нему слова (Гак 1977, с. 34).

Контрастивный анализ лексемы «ураган» и ее межъязыковых соответствий показал, что в денотативном компоненте такие семы как «движение воздуха», «естественное», «сильное», «разрушительное», «быстрое» являются интегральными для всех выделенных лексических единиц. Компонентный анализ выявил дифференциальные семы лексемы «ураган» и ее межъязыковых соответствий: ураган (*продолжительное*) - *tornado* (*кратковременное*), ураган (*круговое*) - *gale* (*в горизонтальном направлении*), ураган (*на море*) - *tornado* (*над поверхностью земли*), ураган (*продолжительное*) - *twister* (*кратковременное*).

По характеру конкретного содержания семы делятся на постоянные, присущие объекту постоянно, и вероятностные, которые отражают признаки, присущие объекту не всегда, а лишь с той или иной степенью вероятности (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 32). Например, «*hurricane*» имеет следующий набор постоянных сем: «движение воздуха», «естественное», «сильное», «разрушительное», «быстрое», «круговое», «при пасмурной погоде», «в западной части Атлантического океана», «в западной части Тихого океана», «в тропических областях», а семы «обычно с сильным дождем», «обычно с громом», «обычно с молнией» являются вероятностными для данной лексемы.

Если в одном языке есть эндемичная сема, т.е. сема, зафиксированная только в одном из сравниваемых языков, то она фиксируется для соответствующего слова, а отсутствие семы в соответствующей единице второго языка сообщает, что данная сема в этом значении не представлена, например: ураган – *sandstorm* (*с песком*), ураган – *sandstorm* (*в пустыне*), ураган – *blizzard* (*со снегом*), ураган – *snowstorm* (*со снегом*), ураган – *whirlwind* (*вертикальное*), ураган

(*продолжительное*) – windstorm, ураган – waterspout (*образует воронку*), ураган – tornado (*локализованное*).

Что касается коннотативного компонента значения слова, то все рассмотренные лексемы являются неэмоциональными и неоценочными.

Функциональный макрокомпонент значения содержит информацию об особенностях функционирования единицы в речи. Он включает в себя такие типы микрокомпонентов как функционально-стилистический, функционально-социальный, функционально-темпоральный, функционально-территориальный, функционально-частотный (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 34). Контрастивное исследование показало, что существуют некоторые различия в данном компоненте значения. Например, ураган (*межстилевое*) - twister (*разговорное*), ураган (*общераспространенное*) - twister (*американское*), ураган (*современное*) - tempest (*устаревшее*), ураган (*межстилевое*) - tempest (*книжное*), ураган (*общераспространенное*) - duster (*американское*), ураган (*употребительное*) – tempest (*малоупотребительное*), ураган (*общенародное*) – cyclone (*научное*).

В целом исследование показало, что наиболее близкими соответствиями лексемы «ураган» являются следующие лексические единицы английского языка: hurricane, storm, tornado, windstorm, whirlwind, typhoon, относительно остальных соответствий данная лексема демонстрирует более яркую национальную специфику.

Результаты контрастивного описания могут быть непосредственно внедрены в практику преподавания, так как они представляют собой описание отличительных признаков конкретных пар языковых фактов в двух языках и могут быть использованы для дифференциальной семантизации лексики.

Литература

1. Гак В.Г. Сравнительная лексикология. – М., 1977.
2. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. – Воронеж, 2003.
3. Контрастивная лексикология и лексикография /Под. ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж, 2006.

Л.Г. Попова

Семантика русских номинаций «сундук» и «шкаф» в сопоставлении с аналогичными наименованиями в европейских языках

Сопоставительный анализ значений слов со значениями аналогичных наименований в родственных и не родственных языках помогает выявить как универсальные, так и национально специфические черты семантики. Целью данной статьи является сопоставление русских лексем «сундук» и «шкаф» с наименованиями аналогичных предметов в родственных русскому языку индоевропейских языках: славянских, немецком и французском, а также в венгерском языке, относящемся к финно-угорской группе уральской семьи.

В русском языке слово «сундук» считается заимствованием из арабского языка (в арабском языке это sandūq) и обозначает ящик с крышкой на петлях и с замком. Этот ящик обычно окован и на нем расположены скобы, он предназначен для хранения вещей.

Это слово встречается и в других славянских языках. Ср.: украинский – *сундук*, древнерусский – *сундукъ*. По своему происхождению данное заимствование родственно тюркскому *sundaḡ* «ящик, шкаф, коробка», кыпчакскому *sunduq*, *synduq*, чагатайскому (староузбекскому) – *sanduk*, курдскому, крымско-татарскому, казанско-татарскому, казахскому *sandyk* – «ящик». Источником данного слова, как отмечалось выше, является арабское слово *sandūq*.

В немецком языке этот предмет имеет два наименования: *der Koffer*, *die Truhe*. Первое слово свойственно средневерхненемецкому языку, оно пришло в него из французского языка через нидерландский язык. Во французском языке *coffre* – это ящик, сундук, чемодан. Вероятнее всего, это слово проникло во французский язык из позднего латинского языка, в котором *cophinus* – короб из ивы.

Другое немецкое наименование сундука *die Truhe*. Оно уже имело место в средневерхненемецком языке – *truhe*, *truche*, в древневерхненемецком языке это было *truha*, *trucha* с древнейшим значением – бочка, деревянное приспособление. А самым первым значением было – «изделие из дуба, вырезанное и разрисованное».

Во французском языке сундук так же, как и в немецком, обозначается двумя словами – *le coffre*, *la malle*. Этимология первого слова была рассмотрена выше. А этимология слова *la malle* такова: это чемодан для поездок. В 12 веке из французского языка это слово было заимствованно в немецкий язык, сравните в древневерхненемецком языке – *malaba* со значением «заплечный мешок к пальто».

В не родственном русскому языку венгерском языке для этого предмета мебели тоже существуют два наименования: *zárható*, *nady láda*. Первое слово состоит из двух слов, значение которых – замок, спина. А второе словосочетание обозначает большой ящик.

Проанализировав семантику наименований сундука в русском и в других языках, можно прийти к следующему выводу: в русском слове «сундук» сохраняется универсальная сема «деревянный ящик», которая просматривается в аналогичных наименованиях в родственных и в не родственных языках. Говорить о русской специфике в этом случае сложно, так как данная лексема не является чистым русским словом, это заимствование. Можно говорить лишь о том, что в русском языке подчеркивается оснащение такого ящика крышкой на петлях и наличие на ящике скоб.

Обратимся теперь к аналогичному анализу русского слова «шкаф». Это такой предмет мебели, который представляет собой род стоячего высокого ящика с дверцами для хранения вещей, книг и тому подобного. Шкаф в русском языке бывает книжным, платяным, стенным. Ранее в русском языке слово имело вид «*шкан*», в таком виде оно появилось под воздействием нововверхненемецкого *Schaff*, средневерхненемецкого *schaf*. А в нижненемецком языке в средние века это было словом *schap(p)* со значением «шкаф». Именно такое звучание отмечается во многих индоевропейских языках.

В немецком языке платяной шкаф – *der Kleiderschrank*, книжный шкаф – *der Bücherschrank*, несгораемый шкаф, сейф – *der Geldschrank*, стенной шкаф – *der Wandschrank*. В позднем средневерхненемецком слово *schrank* означало «решетчатое сооружение; закрытое помещение».

Во французском языке существуют номинации для обозначения разных

шкафов. Просто шкаф – *la armoire*, шкаф для посуды, буфет – *le buffet*, шкаф для бумаг – *le casier*, платяной шкаф – *la armoire*, *la garde-robe*, книжный шкаф – *la bibliothèque*, *aemoire à livres*, несгораемый шкаф – *le coffre-fort* (pl. *Coffres-forts*), стенной шкаф – *la placard*. Проанализируем этимологическую характеристику этих номинаций. *La armoire* со значением «шкаф» появилось во французском языке в 12 веке и имело следующий вид: *armaire*, *aumaire*. Такие формы можно еще встретить во французских диалектах. Само это слово пришло из латинского языка, где имело вид *armarium* с тем же значением.

Что касается другой номинации *le buffet*, то данное слово уже первоначально имело несколько значений: буфет, сервант, стол для подготовки посуды и еды для сервировки. Слово стало употребляться во французском языке с 11 века и означало домашнее приспособление из благородного мрамора или слоновой кости. В старофранцузском языке существовало слово *vin de bufet* – вино, стоящее постоянно на буфете или на сервировочном столе. Из этого слова позже появились и другие слова, типа *buffe-teur* – возник, который в пути пьет вино, *bufferer* – разбавленное водой вино.

Номинация *la garde-robe* – это по своей сути сложное слово. Проведем анализ его составных частей. *Garde* имело значения: хранение, вахтер. Появилось во французском языке в 10 веке и имело первоначальными такие значения: отметка, охрана, опека. По своему происхождению оно является заимствованием из франкского диалекта – *wardôn*, сравним древнесаксонское *wardôn* – забота при проявлении опеки, быть в курсе. *Robe* – это одежда. В 12 веке это слово появилось во французском языке в виде *raub*, пришедшем из франкского диалекта. Ср.: англосаксонское *reaf*, древневерхненемецкое *roub* – снаряжение, одежда.

Слово *bibliothèque* – библиотека – пришло во французский язык из латинского языка в 15 веке, где имело вид *bibliotheca* с аналогичным значением.

Placard – вложение, наложение, стенной шкаф, листок с объявлением. Слово утвердилось в языке как литературный вариант провинциального *placat* из *placa* – дощечка.

В венгерском языке шкаф – это *szekrény*, при этом *szek* – это стул, а *szekrekedés* – запор.

Сопоставление показывает, что в русском слове «шкаф» сохранилось универсальное значение того, что это предмет, который закрывается и обладает функцией хранения. Что касается многообразия названий для предназначений шкафа, то это также явление универсального характера, связанное с развитием человеческой цивилизации. Говорить о наличии специфических русских значений в этом слове сложно, так как его этимологическая характеристика показала, что оно по своей сути не является чисто русским словом, а заимствовано из немецкого языка.

А. К. Свистова

Русская лексема *тоска* и ее переводные немецкие соответствия

В текстах к русскому слову *тоска* обнаружено несколько переводных соответствий: *Sehnsucht*, *Sehnen*, *Heimweh*, *Wehmut*, *Schwermut*. Данные соответствия относятся к так называемым векторным соответствиям, когда одной единице языка А соответствует несколько единиц языка В. (Язык и нац. сознание, с.52 - 55). Слова,

способного объединить в своей семантике всё содержание значения слова *тоска*, нами в немецком языке не обнаружено. Русская лексема *тоска* и немецкие лексемы *Sehnsucht*, *Sehnen*, *Heimweh*, *Wehmut*, *Schwermut* обладают различным смысловым потенциалом:

ТОСКА	das Heimweh – тоска по родине, по дому
	die Schwermut – тоска (мрачное настроение, уныние)
	die Sehnsucht – тоска (страстное желание)
	das Sehnen – тоска (стремление)
	die Wehmut – тоска-печаль, грусть (о прошедшем, потерянном)

По отношению к русскому слову *тоска*, немецкие соответствия являются дифференцирующими, т.е. членят содержание русского слова на фрагменты.

В древнерусском языке значения слова *тоска* группируются вокруг признака «стеснение, давление, натиск»: синоним *тоски* – «туга = узость, стеснение, сдавливание». (Степанов 1997, с. 673)

Составителями немецких этимологических словарей (Paul 1992, Kluge 1975, Wahrig 1980) отмечено, что происхождение лексемы *Sehnen* не вполне ясно. Предположительно, *Sehnen* восходит к ahd. *senēn* > *schlaff, matt sein* < mhd. *senen*; urspr. *vielleicht* > *bekümmert sein*. Лексема *Sehnsucht* предположительно восходит к тому же корню, что и *Sehnen*, а употребительной становится благодаря немецким поэтам 17 века. Имя существительное *Heimweh* впервые зафиксировано в 1569 году в швейцарском варианте немецкого языка. Лексема *Heimweh* обозначала «заболевание, свойственное именно швейцарцам»: ср. «Heimweh = desiderium patriae... ‘uns Schweizeren besondere krankheit’». (Grimm 1887) До начала 19 века слово *Heimweh* функционирует исключительно как медицинский термин. Лексема *Schwermut* произошла от прилагательного *schweremütig*; в переводе Библии Лютером соответствующий смысл выражен именно прилагательным *schweremütig*, лексема *Schwermut* данное значение приобретает позже (Kluge 1975)

Существительное *Wehmut* образовано в 15 веке и соотносилось со значением «гнев», затем постепенно слово приобрело значение «тихая боль тоски (Paul 1992) Лексема *Wehmut* употреблялась также в узком значении «аффект, проявление аффекта», которое исчезло со временем. Слово *Wehmut* приобрело значение «волнение, взволнованность» и преобразовалось в «сострадание» (по отношению к близкому человеку - в «нежность»). В начале 17 века лексема *Wehmut* употреблялась в значении «глубокая, тайная печаль». Таким образом, *Wehmut* корреспондирует с понятием *Trauer* (скорбь) что отчетливо выражено в перечне ее значений: 1) любовная тоска; 2) особенный вид боли / страдания при прощании с умершим; 3) религиозная скорбь. (Grimm 1955)

В различных толковых словарях русского языка значение лексемы *тоска* описано как: 1) стеснение духа, томление души, мучительная грусть, душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь (Даль 2002); 2) душевная тревога, соединенная с грустью; уныние (Ожегов 1973); 3) сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой выражение такого состояния. (Ушаков 2000, Ефремова 2006, Лопатин 2002). Таким образом, словарные дефиниции отражают представление о тоске как о «тяжелом гнетущем чувстве тревоги и печали».

Немецкие толковые словари содержат следующие дефиниции лексемы *Sehnsucht*: 1) *inniges, schmerzliches Verlangen* [болезненная / жажда / потребность / непреодолимое желание] (Wahrig 1980); 2) *schmerzlich drängendes Verlangen nach der Gegenwart von jmdm., etw.* [мучительное непреодолимое / навязчивое желание присутствия кого-л., чего-л.]; 3) *der sehr starke Wunsch, dass j-d da wäre od. dass man etw. bekäme* [сильное желание, кого-л. видеть или что-л. получить] (Langenscheidt 2003); 4) *ein hoher grad eines heftigen und oft schmerzlichen verlangens nach etwas, besonders wenn man keine hoffnung hat das verlangte zu erlangen, oder wenn die erlangung ungewiss, noch entfernt ist* [высокая степень выраженности стремления к чему-л., особенно когда нет надежды, что желаемое будет достигнуто или возможность исполнения желания не вполне определена и соотносится лишь с отдаленным будущим]. (Grimm 1905)

Heimweh определяется как: 1) *Sehnsucht nach daheim, nach der Heimat nach dem Zuhause, den dort lebenden geliebten Menschen* [тоска по дому, по родине, по живущему там любимому родному человеку] (Wahrig 1980); 2) *sehnsüchtiger Wunsch, zu Hause, in der Heimat zu sein* [заветное / страстное желание быть дома, на родине] (Duden Bedeutungswörterbuch); 3) *große Sehnsucht nach der fernen Heimat od. einem dort wohnenden geliebten Menschen, bei dem man sich geborgen fühlte* [сильная тоска по далекой родине или живущему там любимому / родному человеку с которым ощущаешь себя в безопасности] (Duden 1993); 4) *wenn man weit weg von zu Hause ist, der starke Wunsch, nach Hause, in die Heimat zurückkehren* [когда находишься очень далеко от дома, сильное желание вернуться на родину] (Langenscheidt 2003)

Немецкие толковые словари дают такие определения лексемы *Schwermut*: 1) *anhaltende tiefe Niedergeschlagenheit, Melancholie* [продолжительная подавленность / удрученность, меланхолия] (Wahrig 1980, Handwörterbuch 1984); 2) *durch Niedergeschlagensein, düster-traurige Stimmung, innere Leere o. ä. gekennzeichnet, alle Tatkraft lähmender Zustand* [парализующее все жизненные силы состояние, характеризующееся подавленностью, угрюмо-печальным настроением, ощущением внутренней пустоты и т.д.] (Duden Bedeutungswörterbuch 1997, Duden Universalwörterbuch 2003); 3) *ein Zustand, in dem man traurig ist, dass man nichts mehr tun will* [состояние, в котором человек печален настолько, что ничего не хочется делать] (Langenscheidt 2003); 4) *schwere, gedrückte gemütsstimmung* [тяжелое настроение, характеризующееся подавленностью] (Grimm 1899).

Wehmut определяется как 1) *leichte Trauer, leichte Schmerz um Vergangenes, Verlorenes, Sehnsucht nach Vergangenem* [легкая печаль / боль о прошедшем / потерянном, о прошлом] (Wahrig 1980); 2) *leichte, verhaltene Trauer, leiser Schmerz (um etw. Vergangenes, Verlorenes)* [легкая неявная печаль, тихая боль о чем-л. прошедшем, потерянном, неповторимом, несбыточном] (Handwörterbuch 1984; Duden Bedeutungswörterbuch 1997; Duden Universalwörterbuch 2003); 3) *die entmuthigung des willens und das bewusstsein der kraftlosigkeit, die, wie sie das gefühl der wehmuth erregen, so auch die thränen hervorlocken* [ослабление воли и осознание беспомощности, навевающие чувство тоски и также вызывающие слезы] (Grimm 1887)

Как показал проведенный анализ, базовые представления о тоске в русском и немецком языках имеют ряд отличий, но и ряд сходств. Так, русская *тоска* отличается широким спектром передаваемых эмоций – от грусти и печали до

душевной пустоты и тревоги. Дефиниции немецких соответствий отражают такие компоненты тоски, как сильное переживание, сопровождающиеся стремление действовать (Sehnsucht, Sehnen, Heimweh); либо состояние, сопровождающееся оцепенением и подавленностью (Wehmut); либо внезапно возникшие недомогание или болезнь (Schwermut). Анализ этих соответствий, с одной стороны, позволяет более полно выявить содержание значения русского слова *тоска*, а с другой стороны, понять национальную специфику восприятия негативного эмоционального состояния человека русскими и немцами.

Литература

1. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
2. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В 4-х т. – М. 2002.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / В 3 т. – М. , 2006.
5. Лопатин В.В Русский толковый словарь. – М. , 2002.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. , 1973.
7. Толковый словарь русского языка / [под ред Д.Н. Ушакова] / В 4-х т. – М., 2000.
8. Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm. – Leipzig, 1887 (Bd.4), 1899 (Bd.9), 1905 (Bd 10), 1955 (Bd.14).
9. Duden Bedeutungswörterbuch der deutschen Sprache/ – Leipzig·Zürich, 1997.
10. Duden das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Leipzig·Zürich, 1993. (Bd. 3).
11. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Leipzig·Zürich, 2003..
12. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin, 1984.
13. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache – Berlin New York, 1975.
14. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache Neubearbeitung. – Berlin und München, 2003.
15. Paul H. Deutsches Wörterbuch . – Tübingen , 1992. 11
16. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch . – Neuausgabe, 1980.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области фразеологии

Л.Р. Сакаева

Спланхнонимический компонент во фразеологических единицах антропоцентрической направленности русского, английского, татарского и таджикского языков

Сопоставительное изучение фразеологии антропоцентрической направленности разносистемных языков представляется чрезвычайно важным, так как позволяет выявить как универсальные явления, в основе которых лежат общность человеческого мышления и наличие общих когнитивных структур в языковой картине мира, так и уникальные явления, обусловленные стереотипами народного сознания, отражающими представления русского, английского, татарского и таджикского народов об обрядах, традициях, своеобразии

окружающего мира. Используя названия частей тела в переносном значении – в сравнениях, метафорах, фразеологизмах, пословицах, люди стараются полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление от сказанного. Эти наименования относятся к основному словарному фонду, который складывается в течение многих тысячелетий и отражает не только знание носителей языка об окружающем мире, но и их представление о самих себе и о своём организме. По подсчётам В.П. Шубиной, соматическая фразеология составляет около 15% фразеологического фонда языка (Шубина 1977).

В зависимости от характера объекта номинации вся соматическая лексика распределяется по следующим пластам и их разрядам: сомонимическая лексика (служит для обозначения частей и областей человеческого тела), остеонимическая лексика (служит для номинации костей человеческого тела и их соединений), спланхнонимическая лексика (служит для наименования внутренних органов человеческого организма), ангионимическая лексика (служит для наименования кровеносной системы человеческого организма), сенсонимическая лексика (служит для обозначения органов чувств человеческого организма), а также лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма.

В рамках данной статьи мы остановимся на одной группе – фразеологических единицах (ФЕ) со спланхнонимическим компонентом (сердце, печень). Вслед за Ю.Ю.Авалиани, представившим классификацию фразеологизмов с компонентом “глаз”, “печень” (Авалиани 1979), нами выделены основные микросферы, определяющие дифференциацию значений в двух направлениях: позитивном (доброжелательность, дружба, любовь, забота, уважение и т.д.) и пейоративном (недоброжелательность, вражда, злоба, ненависть, гнев, презрение, отвращение и т.д.).

Компонент “сердце” – в русском, “heart” – в английском, “дил” – в таджикском, “йөрәк” – в татарском языках является одним из наиболее продуктивных соматических компонентов. Он входит в состав ФЕ, передающих различные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость, удивление, грусть, тоску, недоумение, презрение, ликование, веселье, радость, отсутствие способностей, стыд, смущение и др. Такие фразеологизмы обычно возникают в результате переосмысления метафорических словосочетаний, описывающих ощущение необычного физического состояния органа, какое-то нарушение ритма деятельности (чувство тяжести, сжатия, замирания: рус. «сердце сжимается/сжалось» – англ. «be eating one's heart out»; «one's heart aches» – тадж. «дил ба танг омад» – тат. «йөрәк сикерә»; рус. «сердце рвётся на части» – англ. «one's heart is breaking», англ. «smb. takes smth to heart» – тадж. «дил реш-реш мешавад». На основе представления о месте локализации «сердца» (внутреннее положение) сформулировалось метафорическое значение «средоточие внутреннего мира человека». В этом значении “сердце” тесно коррелирует с компонентом “душа”. В образной характеристике человека участвует и зоонимная фразеология: рус. «кошки скребут на душе/на сердце» – тат. «жанда мәчеләр улый» – тадж. «дилро гургон тала мекунанд»; рус. «мышь/мыши на сердце скребёт/скребут». Данные ФЕ отражают бытовые реалии народа, позволяют проследить ассоциативные связи, которые легли в основу сравнений.

Анализ словарного материала показал возможность выделения трёх позитивных микросфер с соматизмом “сердце”: 1. ФЕ, называющие положительные душевные качества человека: доброту, отзывчивость, великодушие: рус. «от всего сердца», «быть по сердцу», «золотое сердце», «большое сердце» – англ. «smb. has a heart of gold», «smb. has his heart in the right place» – тат. «алтын йөрәкле» – тадж. «дили соф»; англ. «smb’s heart is/lies in the right place» – тадж. «одами фарохдил»; «горячее сердце» – англ. «warm heart» – тат. «кайнар йөрәкле». 2. ФЕ, связанные с понятием «любовь», «дружба», «радость». Это обусловлено имеющимся у многих народов аллегорическим представлением о сердце как органе любви: «сердце взыграло», «сердце тает» – в русском языке, в английском – «it rejoiced one’s heart», «it cheered/rejoiced the cockles of one’s heart», в таджикском языке – «дил бохтан» (ба касе) (букв. «проиграть кому-либо сердце») в значении «влюбиться»; тат. «йөрәк эри», «йөрәк сикерә» в значении «сердце тает»; рус. «дама сердца» – англ. «a sweetheart»; рус. «отдавать сердце» – англ. «give one’s heart to smb.», «lose one’s heart» – тат. «йөрәк бирү», «йөрәк тапшыру» – тадж. «ба касе дил додан» и т.д. 3. ФЕ, обозначающие мыслительный процесс, рабочее состояние человека. Данная группа отмечена в английском языке: «to learn by heart» в значении «учить наизусть»; «to work one’s heart out» – «работать, вкладывая душу».

К пейоративным ФЕ с соматизмом “сердце” нами отнесено четыре микросферы: 1. ФЕ, называющие отрицательные душевные качества человека: жестокость, бессердечность: рус. «каменное сердце» – англ. «smb. has a hard heart/a heart of flint/of stone/stony heart» – тадж. «дили берахм» – тат. «таш йөрәк», «тимер йөрәк», «таш йөрәкле», «йөрәк таш сыман». 2. ФЕ, выражающие испуг, страх, неожиданную слабость, тревогу, плохое предчувствие: англ. «smb’s heart is in one’s mouth»; «to have one’s heart in one’s boots»; тадж. «дил тах рафт» в значении «сердце зашлось»; «дилро вахм зер кард», «дил аз хонааш баромад» в значении «сердце оторвалось»; рус. «сердце дрожит/трепещет как/словно овечий хвост» – тадж. «дилаш гум мезанад» – тат. «йөрәк калтырый», «йөрәк курка», «йөрәк сыкрый». 3. ФЕ, характеризующие обиду, досаду, ненависть, переживания, душевные муки: рус. «сердце сжимается» – тат. «йөрәк кысу»; тадж. «дилро гургон тала мекунанд» в значении «кошки скребут на душе/сердце». 4. ФЕ, выражающие печаль, беспокойство, грусть: рус. «сердце болит/щемит/ноет» – англ. «one’s heart aches/bleeds for smb.» – тадж. «аз дилу чон гам хурдан» – тат. «йөрәк сикерә»; рус. «сердце кровью обливается» – англ. «one’s heart is bleeding», «it makes/made one’s heart bleed» – тадж. «дил хун мешавад» – тат. «йөрәк кан белән түгелә», «йөрәкне кысу», «йөрәккә (кара) кан саву», «йөрәк ярсу».

В иранских языках важную роль во фразеобразовании единиц сферы душевных переживаний играет соматизм «печень», сочетаемость которого опирается на переносное значение слова: «волнующее переживание». Оно реализуется в ФЕ с такими глаголами как «гореть», «обливаться», которые способствуют созданию образно-символических единиц с ярко выраженным эмоционально-экспрессивным колоритом: тадж. «чигарат кабоб шуд» в значении «он сильно разволновался» (букв. «печень его стала жаркой»); «чигарам» в значении «мой дорогой, любимый» (букв. «моя печень»). Ю.Ю. Авалиани отмечает, что в таджикском языке в основе развития сложных слов от слова «печень» и их семантического развития лежат три переносных семы, из которых

только одна фиксируется словарями: а) сема «родной, близкий»: «чигарпора» (букв. «печень+часть», т.е. часть печени (души); «гушаи чигар» (букв. «уголок печени») – «дорогой», «единственный»; «дилу чигар» (букв. «сердце печень») в значении «ближайший», «всей душой»; б) сема «печальная, тоскующая душа»; в) третья сема реализуется в сочетаниях глаголов, развивая предыдущий мотив, переносит его в «любовные страдания, пыл» (Авалиани 1979). Это связано с тем, что вторым значением слова «чигарреш» является «томимый любовной страстью», «чигарсухта» – «страстно влюблённый». Что же касается русского языка, то слово «печень» играет незначительную роль как семантический центр ФЕ, встречаясь в единицах с негативным значением или же с иронической окраской: «всеми печёнками»; «сидеть в печёнках у кого»; «доходить/дойти аж до самых печёнок». Спецификой национальной картины англичан является использование компонента “селезенка” – “spleen”: «to vent one’s spleen upon smb.» в значении «сорвать злобу на ком-либо». В татарском языке данный соматизм не является продуктивным: «эченэ-бавырына керү» (букв. «войти внутрь печени») в значении «втираться/вкрадываться/влезать/входить в доверие»; «кара бавыр/бэгырь» (букв. «чёрная печень») в значении «злой как чёрт»; «таш бавыр/бэгырь» (букв. «каменная печень») – о бесчувственном, жестоком человеке; «олы бавыр/бэгырь» (букв. «большая, великая печень») – о высокомерном человеке.

Литература

1. Шубина В.П. Заметки о полевой организации семантической фразеологии в немецком языке // Функциональный синтаксис немецкого языка. – Челябинск, 1977. – С.86–87.
2. Авалиани Ю.Ю. Тексты лекций по компаративно-сопоставительной фразеологии иранских языков. – Самарканд, 1979.

О.Б. Абакумова

Сопоставительный анализ семантики и прагматики пословиц

В данной статье представлена попытка описания семантики и прагматики пословиц при помощи аппарата референциально-ролевой грамматики Р.Ван Валина и У.Фоли (Ван Валин и Фоли 1982), которая появилась в рамках американского функционализма и представляет его «умеренное» крыло. Исследователи этого направления считают грамматику отчасти автономной, а отчасти мотивированной функциями и уделяют внимание формализации.

Для современного функционализма очень важен принцип мотивации грамматики дискурсивными употреблением. Кроме принципа дискурсивной мотивации существует еще один способ объяснения – диахронический, который объясняет устройство модели происхождением из некоторой другой модели. Главная проблема функциональных объяснений, по мнению А.А. Кибрика и П.А. Плунгяна, состоит в следующем. Если форма Х объяснима функцией А, то почему не во всех языках функция А выражается формой Х? (Кибрик, Плунгян 2002, с.279). Наиболее распространенный ответ – «конкурирующие мотивации». Например, Хайман считает, что «произвольность грамматической структуры обусловлена в большинстве случаев иконизмом и экономией, которые конкурируют за выражение в рамках одной и той же языковой оси» (Haiman

1983:781).

В данной статье мы будем рассматривать пословицу как замкнутую предикативную единицу, знак ситуации, имеющую структуру предложения и прямой или переносный смысл и обладающую текстовыми характеристиками.

Референциально-ролевая грамматика (РРГ) представляет собой попытку дать ответ на вопрос о множественности соответствий между функциями и формами, а также о том, в силу чего побеждает та или иная мотивация. Р.Ван Валин и У.Фоли построили типологически ориентированную теорию, объясняющую многие языковые факты в разных языках. Основные компоненты РРГ: теория структуры клаузы, теория семантических ролей и лексических представлений, теория синтаксических отношений и падежа, а также теория сложного предложения (см. работы Р.Ван Валина, У.Фоли, Р.Ван Валина (младшего), Ла Поллы и др.).

В данной статье нас будет интересовать семантический и прагматический аспект описания синтаксиса предложения-высказывания, которые в РРГ связаны с понятием информационной структуры клаузы. Высказывание включает топик (информацию, входящую в прагматическую пресуппозицию говорящего) и фокус (информацию, добавляемую к пресуппозиции в данном высказывании). Фокус может быть узким и распространяться только на одну составляющую (напр., именную группу), а может быть широким, и в этом случае различаются предикатный и сентенциальный фокусы. Последователи Ван Валина применяют его теорию к описанию различных языковых явлений. Мы считаем возможным применить ее к описанию семантики и прагматики пословиц (с некоторыми модификациями в силу специфической природы пословиц) и продемонстрируем это на примере двух паремий, которые в русско-английских словарях считаются эквивалентными: *Truth lies at the bottom of a well* и *Ищи ветра в поле, а правду на дне моря*.

Главные понятия РРГ – макророли, Актор (actor) и Претерпевающий (undergoer) определяются с помощью сложной последовательной процедуры, первым шагом которой является классификация глаголов. Для каждого класса глаголов постулируется особая логическая структура, указывающая набор аргументов глагола. На основе классной принадлежности и логической структуры каждому глаголу приписываются семантические роли. Роли первого яруса – тематические отношения, роли второго яруса – семантические макророли. Макророли представляют собой интерфейс между тематическими отношениями и синтаксическими отношениями, не будучи идентичны ни тем, ни другим. РРГ не предполагает, что во всех языках есть синтаксические отношения, поэтому предлагает отказаться от традиционных понятий «подлежащее» и «дополнение» и вводит понятие ось синтаксической конструкции, т.е. ограниченную нейтрализацию семантических ролей, имеющую определенную синтаксическую функцию. Ван Валин различает прагматически зависимые синтаксические оси и прагматически независимые – семантические. К каждому слою клаузы могут применяться операторы, семантически модифицирующие элементы соответствующего слоя. Примеры операторов: вид, модальность, время, иллокутивная сила.

Сложность описания пословичных предложений-высказываний заключается в том, что в пословицах с переносным смыслом выделяются два когнитивных уровня: уровень внутренней формы и уровень обобщенной ситуации (см.

Иванова 2006), в последнем случае переосмыслению подвергаются или отдельные компоненты пословичного предложения-высказывания или все предложение в целом.

Рассмотрим сначала английскую поговорку: *Truth lies at the bottom of a well.*

Толкование значения: правду найти нелегко, она глубоко скрыта.

Класс глагола: уровень внутренней формы - *лежать* – локативное состояние (state); уровень обобщенной ситуации – *быть скрытым* – не-локативное состояние, то есть локативное состояние переосмысливается как не-локативное (состояние качества)

Логическая структура: что? лежит где? > что? скрыто где?

Тематические отношения: *truth* – *тема*, участник ситуации, который подвергается воздействию, но не меняет своего состояния, он только может перемещаться; *bottom of a well* – *место*, это общий термин для целого семейства отношений: *источник, путь, цель* и др. В данном случае указывает на источник правды.

Семантические макророль:

на уровне внутренней формы - *truth* – *актор*, т.к. является первым аргументом двухместного глагола категории локативного состояния, где *bottom of a well* – *претерпевающий*;

на уровне обобщающей ситуации – *truth* – *претерпевающий*, т.к. является первым аргументом одноместного глагола категории не-локативного состояния, *bottom of a well* смещается на периферию, переосмысливается по признаку глубины.

Модальность: *алетическая* (поиски правды описываются как логически возможное действие, но сложное для выполнения).

Иллокутивная сила: поговорка констатирует определенное положение вещей (*репрезентатив* согласно классификации Серла), но также содержит предупреждение о сложности выполняемого действия по обнаружению объекта в образной форме и может рассматриваться как экспрессивный косвенный речевой акт.

Примеры употребления:

1. *You know the Ancient Philosophers said Truth lay at the bottom of a well.*
2. *Truth is reputed to reside at the bottom of a well. ...Its originators must have meant that truth is often damned hard to discern. (Corbet).*
3. *Truth may be found at the bottom of a well. But there was no well in London deep enough for that commodity (Times).*

Текстовые функции поговорки в приведенных примерах: моделирующая и поучительная, а также орнаментальная. **Фокус** в первом примере сентенциальный, во втором – предикатный, в третьем – узкий, развернутая метафора акцентирует внимание на именной группе, обозначающей место, источник правды.

Русская поговорка «**Ищи ветра в поле, а правду на дне моря**» анализируется следующим образом по той же схеме.

Толкование значения: Правды (на земле) не найдешь, это бесполезное занятие.

Класс глагола: искать – контролируемая деятельность (activity); на уровне обобщенной ситуации – находить – выполнение (accomplishment). Предикат переосмысливается и осуществляется переход из категории деятельности в

категорию выполнения действия, достижения результата, который расценивается как недостижимый.

Логическая структура: (кто?) ищет что? где? (кто?) (не) найдет что? где? Трехместные глаголы с двумя именными группами в качестве аргументов, первый аргумент представлен морфологически через личное окончание глагола (2 л.ед.ч.).

Тематические отношения: агенс (ты) - тема (ветер, правда) – место (поле, море). На уровне обобщенной ситуации происходит переосмысление компонента «место».

Семантические макророли: актер (ты) и претерпевающий (правда)

Модальность: эпистемическая, выражается точка зрения, отвергающая возможность достижения результата действия (см. Ивин 1973).

Иллокутивная сила: по форме глагола-предиката – императив, но по значению – констатив (констатируется невозможность достижения цели) и экспрессив (выражаются отрицательные эмоции говорящего, который расценивает данные действия как бесполезные) коммуникативная задача выполняется через косвенный речевой акт.

Примеры употребления пословицы в речи, полученные через **Национальный корпус русского языка** (более 100 единиц), показывают, что данная пословица функционирует в речи русских в сокращенном виде в форме энтимемы «Ищи ветра в поле!», что привело к перемещению **фокуса** с именной группы, обозначающей место, на все предложение:

- *Можно узнать через администрацию фамилию, адрес...- Ищи ветра в поле! Нипочем не отдаст!* (И.Грекова).

- *Потом сменили колеса на «Гольфе». Теперь ищи ветра в поле. С дележом добычи тянуть не стали.* (Ю.Грозман).

Текстовые функции: прогностическая и орнаментальная.

Сопоставительный анализ двух эквивалентных пословиц показал, что эквивалентными их можно считать с большой степенью условности.

Литература

1. Haiman J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion – Cambridge, 1985.
2. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика. // НЗЛ, X1 – М., 1982. – С.376-410.
3. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. – СПб, 2006.
4. Ивин А.А. Логика норм. – М., 1973.
5. Кибрик А.А., Плунгян П.А. Функционализм// Современная американская лингвистика. – М., 2002. – С.276-339.

Е.А. Денисова

Структурные и семантические особенности английских и русских компаративных фразеологических единиц

В современной лингвистике возрастает интерес к исследованию фразеологических единиц разных языков. Это закономерное явление, ведь внимание общественного сознания обращено на те сферы, которые характеризуют национальный менталитет, способствуют развитию представления каждого народа об уникальности его истории и культуры, а

именно во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Особенный интерес в связи с этим представляет сопоставительное изучение фразеологизмов.

Мы сосредоточим своё внимание на адъективных компаративных фразеологических единицах в английском языке, сопоставляя их с русскими вариантами. Отметим, что подобные единицы довольно широко распространены в обоих языках.

Адъективные сравнения являются двухкомпонентными. Как отмечает А.В. Кунин, они появляются в языке, потому что существует необходимость передать дополнительную информацию по сравнению с информацией, передаваемой первыми компонентами сравнений, взятыми отдельно (Кунин 2005). Первый компонент обычно употребляется в своём основном буквальном значении и выражает признак. Второй компонент всегда выполняет усилительную функцию, так как он обозначает степень признака. В качестве второго компонента может выступать лексема (*as white as a sheet* – *белый как полотно*) или сочетания лексем (*as like as the two peas* – *похожи как две капли воды*).

Адъективные сравнения обозначают самые разнообразные качества и свойства людей, предметов и явлений. Среди адъективных компаративных фразеологических единиц, относящихся к людям, немало сравнений, демонстрирующих полное соответствие с русским вариантом. Например, *as pretty as a picture* – *хороша как картинка*, *as wise as an owl* – *мудрый как сова*, *as graceful as a swan* – *изящный как лебедь*, *as cunning as a fox* – *хитрый как лиса*, *as busy as a bee* – *трудолюбивый как пчёлка*, *as hungry as a wolf* – *голодный как волк*, *as playful as a kitten* – *шаловливый как котёнок*, *as poor as a church mouse* – *беден как церковная мышь*.

Некоторые сравнения, имеющие отношение к описанию людей, демонстрируют частичное соответствие с русским вариантом по одному из компонентов. Такие единицы, как *as lean as a rake* – *худой как щетка*, *as bald as an egg* – *лысый как коленка*, *as obstinate as a mule* – *упрямый как осёл*, *as hungry as a hawk* – *голодный как волк* имеют соответствие по первому компоненту, а следующие: *as strong as a bull* – *здоров как бык*, *as hungry as a hawk* – *гол как сокол* демонстрируют соответствие по второму компоненту.

Адъективные сравнения также могут описывать свойства и качества и предмета, и человека. Например, *as light as a feather* – *лёгкий как пёрышко* (о предмете и человеке), *as slippery as eel* – *скользкий как угорь* (о предмете и о человеке), *as white as chalk* – *белый как мел* (о человеке и предмете). Также стоит указать на сравнения, относящиеся и к человеку, и к животному: *as free as the wind* – *свободный как ветер* (о человеке или животном), *as free as the bird* – *свободный как птица* (о человеке и животном). Все вышеперечисленные сравнения демонстрируют полное соответствие с синонимичными фразеологическими единицами в русском языке. Такие же единицы, как *as cross as a bear with a sore head* – *злой как чёрт* (о человеке или животном), *as red as a turkey-cock* – *красный как рак* (о предмете или человеке), *as like as the two peas* – *похожи как две капли воды* (о предмете или человеке) демонстрируют частичное соответствие с вариантами в русском языке.

Обычно сравнения имеют одно значение, то есть являются моносемантическими, но встречаются и сравнения с двумя фразеосемантическими

вариантами. В сравнениях этого типа второй компонент выполняет не только усилительную функцию, но и является дифференциатором значения (Кунин 2005). При сопоставлении фразеологизмов двух языков нужно иметь в виду, что соотноситься могут и системы фразеосемантических вариантов, и фразеологизмы в отдельных своих значениях.

Сравнение *as cold as steel* употребляется в одном фразеосемантическом варианте *бесчувственный*, в то время как сравнение *as cold as (a) stone* имеет два фразеосемантических варианта: 1) холодный 2) бесчувственный (о человеке). Русское сравнение *холодный как лёд* имеет такие же фразеосемантические варианты: 1) холодный, 2) бесчувственный), хотя и демонстрирует только частичное соответствие с английским вариантом по первому компоненту. Любопытно, что в английском языке существует адъективное сравнение *as cold as ice*, которое демонстрирует полное соответствие с русским сравнением *холодный как лёд* по обоим компонентам, а также по обоим фразеосемантическим вариантам.

Сравнение *as sick as mad* имеет два фразеосемантических варианта: 1) в унынии (в русском языке представлен сравнением *как в воду опущенный*, не имеющим соответствия с английским вариантом) 2) в ярости (в русском языке – *зол как чёрт* – также не имеющим соответствия с английским вариантом).

Адъективное сравнение *as sober as judge* также имеет два фразеосемантических варианта 1) совершенно трезвый (В русском языке этот фразеосемантический вариант представлен сравнением *трезвый как стёклышко*), 2) трезвый в суждениях.

Фразеологизмы сравнения занимают значительное место во фразеологических системах как русского, так и английского языка. Довольно большое количество фразеологизмов демонстрируют полное соответствие с русским вариантом, однако наиболее распространены фразеологические единицы, имеющие частичное соответствие. В основном фразеологизмы сравнения частично совпадают по первому компоненту, выражающему признак. Меньше сравнений, имеющих соответствия по второму компоненту, указывающую степень признака. Работая с компаративными фразеологическими единицами, которые имеют два и более фразеосемантических варианта, следует учитывать, что в русском языке может существовать соответствие как по всему перечню значений, так и по отдельному фразеосемантическому варианту.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна, 2005.

Н.И. Князева

Этимологическая мотивированность некоторых англоязычных и русских устойчивых сочетаний в сопоставительном аспекте

Устойчивые сочетания любого языка представляют собой разновидность прецедентных текстов. В них “кристаллизуются” многовековой опыт и обычаи того или иного народа. По устойчивым сочетаниям можно, например, сделать выводы о быте народа, мироощущении людей и пр. Многие фразеологические единицы включают имена собственные (ИС) – антропонимы, топонимы. Факт

наличия онима (антропонима – имени или прозвища человека или топонима – географического названия) в составе фразеологических оборотов выделяет их в отдельную группу, требующую изучения в первую очередь с позиции этимологии, так как именно она определяет семантику всей ФЕ. Учитывая то, что почти за всеми фразеологизмами с ИС стоит конкретное историческое лицо, место или ситуация/традиция, можно говорить о более высокой этнокультурной “информативности” ФЕ с вышеназванными компонентами по сравнению с подобными образованиями без них. Типичной семантической характеристикой фразеологических сочетаний с ИС является синонимия. Сопоставление синонимических рядов английского языка с русскими ФЕ помогает выявить всевозможные отличия, такие как, оттенки значений, эмфатическая сила и др. В нашей статье приводятся фразеологические синонимы обоих языков. Данные фразеологизмы рассматриваются с точки зрения происхождения, ключевого слова, принадлежности к стилям речи и экспрессивной окраски. Генезис той или иной ФЕ отражается на её мотивации; ключевое слово определяет функцию ФЕ в предложении; стилистический диапазон ограничивает её использование в определённом функциональном стиле современного языка.

Сопоставим ряд фразеологизмов, содержащих антропонимы и топонимы.

1) *A Beau Brummel* (‘красавчик Браммел’, щёголь, франт); *Щёголь Матрёшка: полтора рубля застёжка*; *Щёголь Ивашка: что ни год, то рубашка*.

Англоязычная ФЕ содержит оним с реальным прототипом. Дж.Б. Браммел (1778-1840гг.) – знаменитый денди своего времени. Основой для появления русских выражений можно считать рифму и частотность употребления соответствующих имён в русском языке. С точки зрения структуры сочетание русского языка является предложением, в которую “встроен” антропоним; в то время как английская ФЕ содержит только субстантивное сочетание. Элемент *beau* имеет во французском языке иронический оттенок. Русское имя Иван имеет двойственную коннотацию. Пейоративная оценка ‘дурак, пьяница, неудачник’ подтверждается следующим примером: *Крестил по Иваном, да прозвали люди болваном*. Преимущественно этот оттенок значения и реализуется в разговорной речи. С другой стороны, *Иван* оказывается самым находчивым героем русских народных сказок, олицетворяя победу добра над злом. Кроме того, в русском языке имя *Иван* приобрело значение “мужик, простой человек”.

2) *Every Tom, Dick and Harry* (обычный, заурядный человек); *Brown, Jones and Robinson* (простые, рядовые англичане); *John Q Public* (средний американец); *Иванов, Петров, Сидоров*

Происхождение выражения *Brown, Jones and Robinson* восходит к юмористическому журналу ‘Punch’, где Р. Дойл описывал приключения одноимённых англичан. Имена *Tom* и *John* получили дополнительный смысловой оттенок – “человек простого происхождения”: *Otherwise the sight of an ordinary Tom wouldn't send them into such silly hysterics...* (D.H.Lawrence ‘Nettles’). Кроме того, имя *Tom* – символ честного тупицы (a clumsy witless fool), что сближает его с именем *Иван*. Вероятно, фамилия *Иванов* произошла от того же имени *Иван* через первую русскую фамилию *Ивашев*. Во

всех этих ФЕ, кроме оборота *John Q Public*, наблюдается трёхкомпонентный состав субстантивных фразеологических оборотов.

3) *Jack and Jill* ("Джек и Джил", юноша и девушка, пара); *Иван да Марья* (парень и девушка)

Англоязычный оборот популяризован Шекспиром, *Иван да Марья* – народный вариант. В этих двухкомпонентных ФЕ ключевое слово представлено существительным;

4) *To rob Peter to pay Paul* (поддерживать одно в ущерб другому); *Тришкин кафтан* (ситуация, когда устранение одних недостатков влечёт за собой новые)

Английское глагольное выражение, по одной из версий, имеет отношение к апостолам Петру и Павлу. По другой, ведёт начало от исторического момента, когда средства Вестминстерского Аббатства (коллегиальной церкви Св. Петра) были направлены на строительство собора Св. Павла. Истоки русского фразеологизма – в одноимённой басни И.А. Крылова (где Тришка для починки продранных локтей кафтана обрезал рукава и надставил их, обрезав полы). Ключевым словом в английской ФЕ является глагол, в русской – существительное.

5) *To carry coals to New Castle*; *ездить в Тулу со своим самоваром* (пряником) – приносить что-либо туда, где этого и так достаточно

Город Ньюкасл – центр английской угольной промышленности, город Тула издавна славилась производством самоваров. Употребление топонимов связано с изготовлением конкретных предметов, что и сближает значения приведённых глагольных фразеологизмов.

6) *The Dutch have taken Holland*; *the ark rested on Mountain Ararat*; *открыть Америку* – объявлять о том, что всем давно известно

ФЕ *The Dutch have taken Holland* – игра слов; оборот *the ark rested on Mountain Ararat* заимствован из Библии, где описан эпизод, когда после схода всемирного потопа ковчег Ноя остановился на вершине гор Араратских; русскоязычное высказывание связано с открытием мореплавателем Христофором Колумбом (1451-1506 гг.) в 1492 г. континента "Америка". Глагольное словосочетание русского языка отличается от английских фразеологизмов, имеющих структуру предложения.

7) *Rome was not built in a day*; *Москва не сразу строилась* – нельзя многое сделать сразу, для этого необходимо терпение

Первое выражение пришло в английский язык через французский (*Rome ne fut pas faite toute en un jour*) из латинского; русский оборот основан на том, что за весь период существования столицу современной Российской Федерации не единожды разрушали, прежде чем она достигла своего теперешнего состояния. Оба словосочетания относят к типу со структурой предложения.

8) *Father Thames* (старушка Темза); *матушка Волга* – прозвища соответствующих рек

Обе реки играют важную экономическую роль. Стоит отметить, что, подчиняясь нормам русского языка, субстантивная ФЕ английского языка не переводится на русский язык дословно "батюшка Темза". Обозначенные выше выражения персонифицируют неодушевлённые предметы и соответствуют реальным объектам действительности.

9) *To meet one's Waterloo* (потерпеть полное поражение); *битва при Бородино* – окончательный разгром

Разный генезис в данном случае ведёт к одному значению (английская идиома определяет место в Бельгии, где в 1815г. под натиском англо-голландских и прусских войск был разгромлен Наполеон I Бонапарт (1769-1821гг.); в русскоязычном устойчивом сочетании даётся ссылка на победу фельдмаршала М.И.Кутузова (1745-1813гг.) над тем же Наполеоном в 1812г. близ села Бородино Московской области). Выражения отличаются по ключевому слову: *to meet one's Waterloo* носит глагольный характер, *битва при Бородине* – субстантивный.

Рассмотрим далее имеющиеся в обоих языках ФЕ библейского и мифологического происхождения. В этом случае значение и форма ФЕ совпадают; иногда в них наличествуют различия в стиле и коннотации. Наряду с этим в русском языке дополнительно может существовать свой оборот с близким значением.

1) *Since Adam was a boy*; *от Адама* – с незапамятных времён; *при царе Горохе* (очень давно);

В английском фразеологизме ИС имеет библейское происхождение, хотя в целом значение шутовое; словосочетание *при царе Горохе* является народным шутовым переосмыслением того факта, что горох культивировался издавна. Ключевое слово во всех трёх оборотах – существительное. Выражения *Since Adam was a boy* и *от Адама* подразумевают точку отчёта и длительность, *при царе Горохе* – только длительность.

2) *A banquet of Lucullus* (обильное угощение); *Barmecide feast* (мнимое изобилие) *Лукуллов пир*; *пир Бармакида*; *Валтасаров пир* (весёлая жизнь во время бедствия); *как на Маланьину свадьбу* (в изобилии)

Все перечисленные выражения являются субстантивными. Фразеологизмы *a banquet of Lucullus* и *Лукуллов пир* берут начало от великого римского полководца Луция Лукулла (ок.117-ок.56гг. до н.э.), чьи пиры прославились необычайной роскошью.

ФЕ *Barmecide feast* и его русский эквивалент пошли от одной из сказок арабского сборника "Тысяча и одна ночь", где описывается, как богат Бармекид пригласил бедняка пообедать с ним и велел подать пустые блюда. Английский фразеологизм снабжён словарной пометой "книжн." Оборот *Валтасаров пир* возник из библейского сказания о халдейском царе Валтасаре (пог. в 539г. до н.э.), который пировал во время бедственного положения своей страны. Оборот русского языка напоминает о народном обычае в канун Нового Года (в день Малании по церковному календарю) готовить много кушанья, чтобы потом раздать соседям. Помимо общей семы "избыточность", в выражении *Barmecide feast* присутствует значение "не настоящий", а в обороте *Валтасаров пир* – "одновременность с несчастьем". Нами был проведён ассоциативный эксперимент (68 русских мужчин и женщин в возрасте от 20 до 60 лет, имеющих высшее образование). Его результаты показали, что большинство реципиентов считают угощение, которое назовут *Лукулловым пиром* намного богаче *Маланьиной свадьбы*.

3) *Naboth's vineyard* (предмет зависти); *виноградник Навуфея*; *Хороша Маша, да не наша* (о том, что не принадлежит говорящему)

Библейская легенда (речь идет о субстантивных словосочетаниях английского и русского языков) гласит, что завистливый царь Ахав погубил крестьянина из-за его прекрасного виноградника. Эти выражения

употребляются в книжной речи и характеризуются большей смысловой нагрузкой. Строение оборота *Хороша Маша, да не наша*, сближаясь с междометием, подтверждает его разговорное происхождение и сопровождается шутливым тоном и иронией.

На основе проведённого сопоставления заключаем, что близкие по значению фразеологизмы, имеющие в составе антропонимы и топонимы, есть как в русском, так и в английском языках. Объяснение различий в их значении следует искать в различных настоящих/прошлых реалиях соответствующих языковых общностей. Что же касается устойчивых словосочетаний, вошедших в словарный состав английского и русского языков из Библии и мифологии, то их значения, в основном, совпадают и лишь иногда наблюдаются некоторые различия.

С.В. Селин

Сравнение фразеологического компонента семантических полей «madness» в английском языке и «сумасшествие» в русском языке

В данной статье сопоставляются фразеологические единицы русского и английского языков, выражающие понятие «сумасшествие». Выбор данного материала для исследования определяется двумя следующими факторами: 1) вследствие возросшего в последнее десятилетие интереса к взаимодействию лингвистики с культурологией в фокус исследования попали фразеологизмы, как единицы языка, наиболее ярко передающие национально-культурную специфику; 2) понятие «сумасшествие», оценочное и в высокой степени определяемое культурой и нормами общества, представляет интерес в силу употребительности средств его выражения в разговорной речи и их неисследованности в языке. Основываясь на данных соображениях, мы предприняли синхроническое исследование фразеологических единиц, выражающих понятия «сумасшествие» и «madness», на материале произведений русскоязычных и англоязычных писателей XX века и данных словарных источников.

Для работы были поставлены следующие задачи: раскрытие специфики фразеологического компонента семантических полей «madness» в английском языке и «сумасшествие» в русском языке; построение классификации фразеологических компонентов для каждого языка и их последующее системное сравнение. При проведении исследования мы исходили из принципиальной возможности выделить во фразеологизмах общие для русской и английской культуры представления о сумасшествии. Была осуществлена сплошная выборка из текстов художественной литературы, проведены дистрибутивный и компонентный анализы. Классификации фразеологических единиц строятся на основе формально-семантических критериев с выделением смыслового (базового) образа для каждой категории.

Не вдаваясь в спор о природе фразеологизмов, так как это не является предметом рассмотрения в данной статье, мы остановимся на классическом словарном определении фразеологической единицы: «лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» (Розенталь 1976, с. 514).

Однако следует остановиться на вопросе о способности фразеологизмов выражать понятия. Как считает З. Д. Попова, «можно определить меру целостности понятия по мере целостности языковой формы, по ее нерасчлененности/расчлененности, семантической полноценности/неполноценности компонентов» (цит. по Залевская 1990, с. 76). Цельность языковой формы определяет цельность и «понятийность», выражаемого ею смыслового образа и, следовательно, большее количество компонентов в плане выражения создают менее «понятийный» смысловой образ. Но, несмотря на раздельнооформленность лексем в рамках фразеосочетания, в силу своей идиоматичности они способны выражать понятие всем составом, не разлагая его по лексемам.

«Лексические единицы и фразеологические сочетания, объединяясь, образуют полевые структуры, в пределах которых лексемы и сочетания лексем вступают друг с другом в разнообразные отношения, покрывая в совокупности определенную номинативную сферу». (Полевые структуры в системе языка 1989, с. 89) Исходя из общности номинативной функции универбов и фразеологизмов, хотелось бы подчеркнуть их взаимосвязь и то, что мы их разделяем в чисто исследовательских целях.

В поле «сумасшествие» фразеологизмы существенно уступают универбам по частотности употребления и делятся на следующие категории:

1) Фразеологизмы, выражающие удаление от нормального состояния составляют основную массу всех фразеологизмов. Они представляют собой разговорные варианты выражения *сойти с ума*, и зачастую образны. Например: *с глузду съехать* (устар., прост.), *с ума спрыгнуть* (уст., прост.); *с ума спятить, съехать; выживать из ума; рычажок съехал, крыша едет*.

2) Фразеологизмы, включающие разговорные синонимы слова *голова*: *мозги набекрень, котелок не варит, чердак не в порядке*.

3) Фразеологизмы, выражающие через недостаток или потерю чего-либо ненормальное состояние: *не все дома у кого-л., клепки/клепок/заклепки не хватает*.

4) Фразеологизмы: *белены объестся, пыльным мешком стукнутый, богом убитый*.

Фразеологизмы, выражающие понятие «madness», представлены более широко и занимают важное место среди выразительных средств данного поля:

1) Сравнительные обороты
as mad as a wet hen, /-/ a hatter, a march hare, a cutsnake, a meat axe, a beetle, a frilled lizard, a gumtree full of galahs, a hornet;
as crazy as a coot, /-/ a loon, a shithouse rat;
as nutty as a fruit cake; as balmy as a bandycoot.

Как видно из примеров сравнение идет в основном с представителями животного мира и птицами. Причем можно выделить две основные семы в этих фразеосочетаниях: 1) **frantic activity** – *wet hen, march hare* (намек на поведение во время весеннего гона), *cutsnake, beetle, frilled lizard, hornet, rat*; 2) **idea of stupidity attached to a bird** (e.g. because of unpleasant sounds it produces) – *(bandy)coot* (лысуха), *loon* (полярная гагара), *galah* (розовый какаду). Единственное сравнение с человеком – *as mad as a hatter* основывается на предположении, что шляпники часто сходили с ума из-за использования ртути.

2) Несравнительные обороты: *to have bats in the belfry, to have rats in one's*

upperstory, to have the dingbats, to get/ have rats.

3) Фразеологизмы, выражающие удаление от нормального состояния. Образуются с помощью предлогов *out (of)/ off*. Самый простой пример – *out of one's mind, senses, wits* \approx *not right in the head, mind, wits, upper storey*. Часто фразеологизмы из этой группы используют разговорные синонимы слова *head*: *to be off one's nut, base, chump, rocker, gourd, nana, pannikin; out of one's tree*. Другие примеры: *to be off the beam, the air; to be out in the left field; to be off with fairies/pixies; to be out to lunch*.

4) Фразеологизмы, выражающие через недостаток или потерю чего-либо ненормальное состояние: *to be a button short, to have a button missing; nobody home!, not all there* (не все дома), *to be not the full quib; to slip one's trolley, to lose/ shoot one's marbles*.

5) Фразеологизмы: *to go bananas* и *round the twist*.

Основными носителями коннотативных значений в поле «сумасшествие» являются не универбы, а фразеологизмы. При этом большая их часть характеризуется в словарях как просторечные и устаревшие, разговорные употребительные фразеологизмы, относящиеся к полю «сумасшествие» немногочисленны. В английском языке более половины фразеологических единиц, входящих в поле «madness», относятся к сленгу. Не было обнаружено лексических и фразеологических единиц с пометой *устаревшее*. Фразеологическая составляющая в английском языке строится на большем количестве образов. Коренным отличием является несовпадение объемов фразеологических компонентов обоих полей. В поле «сумасшествие» по сравнению с «madness» гораздо меньше фразеологизмов (15 единиц против 43 единиц в английском), а среди тех, что есть, отсутствуют, сравнительные обороты, которые широко представлены в поле «madness». Английские фразеологизмы, выражающие понятие «madness», более идиоматичны. Вместе с тем можно констатировать совпадение основных категорий и смысловых образов в обоих языках: удаление от нормального состояния, недостаток или потеря чего-либо, использование разговорных синонимов слова *голова*.

Отметим также, что рассмотренные выше фразеологические единицы русского и английского языков позволяют говорить о разном объеме понятия «сумасшествие» в русской и английской культурах, при наличии несомненных общих базовых характеристик и смысловых образов.

Литература

1. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж, 1990.
2. Полевые структуры в системе языка: Коллективная монография. – Воронеж, 1989.
3. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. – изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1976.

С. Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие компонент *море* в русском и английском языках

Предметом данного исследования является анализ национальных особенностей фразеологической картины мира в русском и английском языках на примере фразеологизмов, включающих компонент *море*.

Путем сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина и фразеологического словаря русского языка А.И. Молоткова были выявлены списки фразеологизмов, включающих лексему *море (sea)*. В русском языке их количество составило 10 единиц, в английском – 15.

Путем семантического анализа были определены семантические признаки лексем *море (sea)*, которые легли в основу фразеологического переноса. В русском языке было выявлено 6 признаков, в английском языке – 9 признаков.

Исследованием были уставлены следующие семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса в русском языке: *непредсказуемость, территориальная принадлежность, удаленность, большое количество, опасность и глубина*. Для оценки важности того или иного семантического признака мы используем введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2008, с. 48) *индекс продуктивности семантического признака*. Для рассматриваемой лексики *море* эти показатели следующие: *непредсказуемость – 20%, территориальная принадлежность – 20%, удаленность – 20%, большое количество – 20%, опасность – 10%, глубина – 10%*.

Как показало исследование, семантический признак *удаленность* послужил основой фразеологического переноса в двух фразеологических единицах: *в открытом море – далеко от берегов; за морем, за морями – очень далеко, в чужих странах* (Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила. /А.Пушкин/). Семантический признак *большое количество* лег в основу переноса у следующих фразеологических единиц: *капля (воды) в море – ничтожно малое количество по сравнению с чем-либо* (Но как ни много таких людей, все это только капля в море того огромного населения, которое теперь, нищенствуя, бродит по России. /Л. Толстой/); *разливанное (разливное) море – очень много (о вине, водке)* (Я уже упоминал о писце Крутицком, который ...задавал пиры с разливным морем шампанского. /А.Панаева/).

Семантический признак *непредсказуемость* является основой фразеологического переноса во фразеологизмах: *ждать у моря погоды – напрасно надеяться, рассчитывать на что-либо, не предпринимая ничего, оставаясь пассивным* (Безнадежная любовь – это только в романах. Не нужно...все ждать чего-то, ждать у моря погоды. /А.Чехов/); *житейское море – жизнь с ее заботами* (В житейском море я один блуждаю. /Я.Полонский/).

Признак *территориальная принадлежность* лег в основу фразеологического переноса в двух фразеологических единицах: *закрытое море – море, берега которого принадлежат одному государству, открытое море – море, находящееся в общем пользовании всех государств*.

Семантический признак *опасность* является основой фразеологического переноса во фразеологизме: *море по колено – все нипочем, ничего не страшно*. (Ты остался все тот же сорви-голова, которому море по колено. /М.Салтыков-Щедрин/); семантический признак *глубина: на дне моря найти (со дна моря достать)* – любыми средствами, любым способом, где угодно и как угодно (Со дна моря он достанет обидчика и так отплатит, так отплатит... /П.Мельников-Печерский/).

В английском языке нами были выявлены семантические признаки лексики *sea*, которые легли в основу фразеологического: *неспокойность моря; изменчивость, непредсказуемость; опасность; удаленность; большое*

количество; обманчивость; море как место работы; территориальная принадлежность.

Индексы продуктивности указанных выше семантических признаков таковы: *неспокойность моря*—20%; *изменчивость (непредсказуемость)*—6.7%, *опасность*—20%; *удаленность*—6.7%; *большое количество*—13.3%; *обманчивость*—6.7%; *море как место работы* - 6.7%; *территориальная принадлежность*—20%.

Наиболее продуктивными в английском языке оказались семантические признаки *неспокойность*, *опасность* и *территориальная принадлежность*, каждый из которых явился основой переноса для трех фразеологизмов. Семантический признак *неспокойность* лег в основу переноса в следующих единицах: ***your sea legs*** – способность сохранять равновесие при ходьбе на плывущем судне (*The first approach might be to do empirical work on a small sample and then once you get your sea legs as we say it sometimes, then you can really start wading in deeper waters. /Internet/*); ***heavy (high) sea*** – сильное волнение (6 баллов), большая волна (*Abnormally high sea levels have been experienced by a range of Pacific Island Countries since Tuesday 9 December./Internet/*); ***rolling sea*** – длинная волна (*This is a saviour who will accompany fishermen on dangerous journeys 'out on the rolling sea'... /Internet/*).

Признак опасности является основой фразеологического переноса в следующих ФЕ: ***between the devil and the blue sea*** – между молотом и наковальней (*He had a dilemma on his hands. He was clearly between the devil and the blue sea. /A.Kunin/*); ***half seas over*** – море по колено (*I'm afraid he will get a pretty heavy sentence. There was no doubt he was half seas over when the accident happened... /Internet/*); ***when the sea gives up its dead*** – «когда море вернет всех погибших в нем», т.е. никогда, когда рак на горе свистнет (*"All in due time!" "When the sea gives up its dead", said Old Ben... /J. Lindsay/*).

Семантический признак *территориальная принадлежность* лег в основу переноса в трех фразеологических единицах: ***the four seas*** - четыре моря, омывающие Великобританию (имеются в виду Северное и Ирландское моря, Атлантический океан и пролив Ла-Манш), ***the narrow seas*** - проливы, отделяющие Великобританию от континента Европы и от Ирландии (обычн. о Ла-Манше и Ирландском море) (*The Narrow Seas Club was founded in 1932 as a low-cost club for yachtsmen interested in cruising. Their cruising grounds were 'the narrow seas'... /Internet/*); ***the high seas*** - открытое море, море за пределами территориальных вод (*She was on the high seas now, on her way back to America. /J. Baldwin/*).

Большое количество – это признак, который является основой фразеологического переноса в двух фразеологических единицах: ***There are plenty of other fish in the sea*** – хоть пруд пруди, полным полно (*He looked a broken man... At first he had told himself fiercely that there were plenty of other fish in the sea... /A. J. Cronin/*); ***drink the sea dry*** – “выпить море”, испытывать сильную жажду. (*What a scorcher! I am so thirsty I could drink the sea dry. /A.Kunin/*)

Другие семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса в английском языке, следующие: *изменчивость, непредсказуемость*: (all) ***at sea*** – в полном недоумении, в растерянности, в тупике. (*He watched her with sadness and affection and enormous pity because a time would come when he couldn't show her around in a world where she was at sea. /G.Green/*);

обманчивость: *dead sea (Dead Sea) apple (fruit)* - красивый, но гнилой плод (*In the glory was also the ashes of Dead Sea fruit... /Th. Dreiser/*); море как место работы: *follow the sea* - стать моряком (*Once ... he piped up to a different air, a kind of country love-song that he must have learnt in his youth before he had begun to follow the sea. /R.L. Stevenson/*); удаленность: *beyond (или over) the sea(s)* - за морем, за границей, в чужих краях (*Ordered that the said Richard Chandler be transported to such place beyond the Seas as Her Majesty with the advice of her Privy Council shall direct for the term of 10 years. /Powys Digital History Project/*).

Как показало исследование, в основе фразеологического переноса от лексем *море* и *sea* лежат как одинаковые признаки, так и национально-специфические. К одинаковым признакам мы можем отнести такие признаки, как *территориальная принадлежность*, *большое количество*, *удаленность*, *опасность* и *непредсказуемость*. Однако следует отметить, что индексы продуктивности указанных выше признаков в русском и английском языках существенно разнятся. Так, индекс продуктивности признаков *удаленность* и *непредсказуемость* в русском языке составляет 20%, тогда как в английском языке - всего 6.7%; индекс семантического признака *большое количество* в русском языке – 20%, а в английском – 13.3%; индекс продуктивности признака *опасность* в русском языке – 10%, а в английском в два раза больше – 20%; Показатели продуктивности только одного из совпадающих в русском и английском языках признака *территориальная принадлежность* одинаковы и в обоих языках равняются 20%.

В результате исследования нами были выявлены также национально-специфические семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса. К таким признакам в английском языке относятся *неспокойность* (индекс продуктивности 20%), *обманчивость* (индекс продуктивности 6.7%), *море как место работы* (индекс продуктивности 6.7%), в русском языке – семантический признак *глубина* (индекс продуктивности 10%).

Полученные в ходе проведенного исследования результаты свидетельствуют о национальных особенностях восприятия элементов ландшафта носителями русского и английского языков.

Литература

1. Портнихина Н.А. Сравнительный анализ семантического развития лексем *rain* и *дождь* в русском и английском языках. – Воронеж, 2008. С. 48-53.

Раздел 4.

Сопоставительные исследования концептосфер

А.П. Бабушкин

Контейнерная метафора «Человек» в контексте русских и английских лексем и фразеосочетаний, соотносимых с органами жизнедеятельности *Homo Sapiens*

Метафорический концепт «контейнер» репрезентирует когнитивную структуру, менее изученную в сопоставлении с такими структурами представления знаний, как «схема», «фрейм» и «сценарий», вербальная

объективация которых давно привлекает внимание лингвистов, работающих в рамках новой научной парадигмы.

Между тем, концепт «контейнер» актуализируется при осмыслении онтологически важной категории – категории «пространство» и смежных с пространством понятий объекта и места.

Слово «контейнер» (от англ. contain – содержать) означает ёмкость, вписанную в рамки определённых границ. Ссылаясь на Дж. Лакоффа, Е.С. Кубрянова пишет, что человек, находясь в окружающем его пространстве, сам воспринимает себя в виде вместилища. Это восприятие диктует его телесный опыт – в тело человека постоянно что-то входит, параллельно с этим имеет место и обратный процесс (Кубрякова 2004, с. 480).

От простого телесного опыта легко перейти к противопоставлению в более абстрактном формате: есть нечто, находящееся внутри чего-то (*in*) и нечто – вовне или вне чего-то (*out*). Схема, объединяющая в единый конструкт эти два разных по направлению начала, повсеместно находит своё выражение в языке. Так, например, в английском языке имеется более 600 глаголов с наречием «out» в постпозиции, обозначающих не только направление действий, но и абстрактные понятия (*work out, figure out*); в свою очередь, в русском языке существуют глаголы, которые имплицитно несут идею контейнера (*вместить, включать*), а также существительные типа *сахарница, пепельница, солонка*, реализующие в плане своего содержания идею вместилища.

Наконец, переходя от частного к общему и мысля глобальными категориями, можно утверждать, что вся наша вселенная существует как множество, встроенных друг в друга объектов (там же, с. 481, 483).

Но вернёмся, однако, к человеку. За его внешней физической формой скрывается не только грудная и брюшная полость, всё то, что обеспечивает его жизнь, но и внутренний мир – мир разума и чувств, проявление которых делает человека человеком – социальным существом, противопоставленным каждому другому лицу и сообществу людей в целом.

Если всегда считалось, что мыслительная деятельность человека сосредоточена в его голове, то с древнейших времён велись поиски «своего места» для его духовных и нравственных ценностей, чувств, положительных и отрицательных эмоций. Наши далёкие предки связывали свои душевные качества с органами, якобы их порождающими (Булыгина, Шмелёв 1997, с. 525).

Прежде всего, тело воспринималось, как «дом для души». Люди верили, что душа способна покидать место своей «прописки» и занимать его вновь. Усматривая отражение наивных воззрений в фактах языка, важно подчеркнуть, что и сама душа выступает в роли «контейнера». Человек может иметь что-то на душе, как будто на поверхности её вместилища; скрывая от посторонних мысли и чувства, человек прячет всё сокровенное в глубине души, бережно хранит в её тайниках всё, что ему дорого; он готов открыть душу своему ближнему и т.д. Тот факт, что душа концептуализируется как некое вместилище, позволил Пастернаку назвать её «усыпальницей замученных живьём» и «могильной урной», в которой хранится их прах» (цит. по: Булыгина, Шмелёв 1997: 527).

Выражаясь более прозаичной метафорой, можно сказать, что душа – это «бестелесная камера хранения» чувств, но, вместе с тем, как уже отмечалось, народная фантазия локализует чувства и эмоции человека в границах вполне «телесных» субстанций.

Рассмотрим, как в арсенале двух языков – русского и английского, включая их образные средства, отражаются «контейнерные» характеристики органов, расположенных в «макроконтейнере» тела Homo Sapiens на правах составляющих системы его жизнедеятельности, хранилищами каких чувств они являются, по наивным представлениям – в прямом значении, а с позиции современных носителей языка – в переносном.

Предметом нашего анализа являются русские лексемы *голова (мозг, ум), сердце, печень, почки и селезёнка* и соответствующие им английские слова *head (brain, mind), heart, liver, kidney, spleen*, а также фразеосочетания обоих языков, включающие в свой состав перечисленные выше номинации в том случае, когда за ними стоит интересующая нас модель. Собранный для этой цели материал позволяет рассматривать языковые единицы русского и английского языков по четырём направлениям, формируемым ниже в виде вопросов:

- 1) Обладает ли объект номинации качеством вместилища, то есть, приложимо ли к нему понятие контейнера?
- 2) Вместилищем чего он является (по народным представлениям и поверьям)?
- 3) Какую «архитектуру», выводимую из денотативного значения языковых единиц, имеет объект номинации?
- 4) Закреплены ли в образных средствах языка воображаемые «маршруты перемещений» органов жизнедеятельности человека, возникающие на фоне различных переживаний?

Заметим, что в сопоставляемых языках нельзя найти ответы по всем позициям приведённого выше перечня вопросов. Согласно фантазии одного народа, какой-то орган ответственен за «размещение» в нём определённых чувств и переживаний, однако в языке другого народа он не выступает в качестве контейнера; в одном языке слово, обозначающее тот или иной орган жизнедеятельности, оказывается более репрезентативным фразеологически, чем в другом.

Согласно анатомии и физиологии человека, голова – часть его тела, черепная коробка (мозг – нервная ткань, заполняющая череп); сердце – центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (в левой стороне грудной полости); печень – крупная железа, вырабатывающая желчь и участвующая в процессе пищеварения, кровообращения и обмена веществ; почки – парные органы, выделяющие урину; селезёнка – орган, расположенный в брюшной полости, который также участвует в обмене веществ и кроветворении.

Начнём с разбора русских примеров, а затем перейдём к анализу их английских аналогов.

Голова (мозг, ум)

«Контейнерные» характеристики головы демонстрирует такое фразеосочетание русского языка, как *вбивать/вбить в голову* – настоятельно внушать кому-либо что-либо. Выражение связано с представлением о том, что поверхность головы у тупого человека чрезвычайно тверда, через неё трудно пробиться разумным мыслям. *Вбивать/вбить себе в голову* – значит вообразить, уверить себя в чём-то.

С другой стороны, выражение *выкинуть кого-то, что-то из головы* – значит забыть, перестать думать о ком-либо или о чём-либо, а *выкинуть дурь из головы* – образумиться, отучиться от вредной привычки или склонности. «Заставить кого-то осознать свою ошибку» представляет смысловой подтекст

фразеологизма *вправить кому-то мозги*, т.е. вставить, вернуть на своё место (так обычно говорят о вывихнутых суставах и конечностях). *Брать/взять в ум* – запомнить что-то; *вкладывать/вложить в ум* – внушить кому-либо что-либо. Можно также *освободить голову* от навязчивой мысли или идеи.

Все эти выражения реализуют функциональную схему «контейнера»: внести что-то в голову, как в некую ёмкость, или вынести вовне то, что было в неё вложено.

Об умном человеке по-старинке можно сказать: *У него не голова, а Дом советов*, или: *У него ума палата*. В данной связи вызывает интерес комментарий авторов Историко-этимологического словаря «Русская фразеология»: «слово *палата* в этом фразеологизме первоначально означало большое помещение в каменном здании. Позднее это слово стало применяться к различным учреждениям, помещавшимся в таких обширных строениях. В палатах происходили всевозможные совещания, бояре в них думали государеву думу». Отсюда *ума палата* - иносказательно «много ума» (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, с. 383).

О глупом человеке говорят: *Ума палата, да не покрыта* или *палата №6* (в рассказе А. П. Чехова «Палата №6» – приют умалишённых).

Head, brain, mind

Безусловно, что за английской лексемой *head* стоит та же самая когнитивная модель, что и за русским словом *голова*, предполагающая вход в некоеместилище и выход из него. *Get (take) smth in the head* и *get smth out of one's head* – прямой аналог русскому *вбить что-то в голову* или *выбросить что-то из головы*. *Come into one's mind* - прийти в голову, на ум (предлог *into* указывает на то, что вносимое извне попадает в определённые границы). *Keep in mind* (букв.: «держать в уме, хранить в уме») означает «иметь в виду», «помнить», «не забывать». *Go out of one's mind* – выскочить из головы; *clear one's mind of smth, dismiss smth from one's mind, get smth of one's mind* (букв.: «опростать голову, освободить её от содержимого») – забыть, перестать думать о чём-нибудь.

Голова дурака в английском языке оказывается набитой не соломой или мякиной, как у его русского собрата, а камнями – *have rocks in one's head*; у неумного человека в голове – дырка, т.е. она является совершенно пустой – *have a hole in one's head*.

Таким образом, английское *head* представляется в идее «контейнера, в котором находится разум; *head* – этоместилище памяти, знаний о мире, а *mind* и *brains* выступают в качестве синонимов этого слова.

Сердце

По историко-этимологическому словарю современного русского языка, слово *сердце* произошло от древне-русского *сьръдце* - внутренность, душа. Старшее значение слова: «То, что располагается внутри, дом души» (Черных 1994, с.156). В. И. Даль отмечает, что *сердце* является представителем любви, воли, страсти, нравственного духовного начала противоположно умственному началу, разуму, мозгу (Даль 1994, с.131). Одновременно *сердце* ассоциируется с такими чувствами, как гнев, негодование, злость и злоба: *сказать с сердцем* (сердито, раздражённо), *иметь сердце на кого-то* (затаить обиду) и т.п.

Когда говорят: *сердце не принимает*, имеют в виду, что кому-либо что-то не нравится или кажется неприемлемым (а «принять»/»принимать» - значит «получить даваемое», «впустить в себя»).

Широко известны такие фразеологизмы русского языка, как *хранить что-то (кого-то) в сердце, вырвать из сердца, с глаз долой из сердца вон!*

В переносном, метафорическом смысле *сердце* способно менять свою диспозицию. Оно может оказаться *не на месте*, когда человек испытывает чувство беспокойства или опасности и *уйти в пятки* от страха, радости или необъяснимого волнения.

Если разум умеет видеть «внутренним», «мыслительным оком», то по выражению Даля, *у сердца есть уши*, т.е. человек должен уметь слушать своё сердце и поступать, как велит сердце, а не разум.

Heart

Английское *heart*, как и русское *сердце* - это ёмкость, которую заполняют различные чувства, **особенно связанные с предметом любви**. Когда человек испытывает симпатию к другому, *his heart goes out to smb* - его сердце выходит навстречу кому-то. *Come to one's heart* - войти в чьё-то сердце; *pour out/open one's heart* – излить/открыть своё сердце.

Английское *сердце* имеет довольно сложную архитектуру. В нем различают: *neck*- горловину (шейку), *middle* – середину, *bottom* – дно: *From the bottom of one's heart* (букв.: в сердцевине сердце).

Носителям английского языка известны различные «маршруты передвижения» сердца: *have heart in one's boots* – иметь сердце в ботинках, т.е. сердце падает вертикально вниз (при чувстве страха). Состояние сильного испуга, вины или робости заставляет сердце переместиться в рот человека – *have one's heart in the mouth*, а чувства любовной страсти отсылает его в глаза – *have one's heart in one's eyes*. *Wear one's heart upon one's sleeve* (укв.: «носить своё сердце на рукаве») следует понимать, как неумение скрывать свои чувства. В то же время *have one's heart in the right place* (букв.: иметь сердце в должном месте) значит «иметь хорошие, добрые намерения», быть добрым и отзывчивым».

Печень

По русским поверьям, *печень (печенка)* – место концентрации постоянного беспокойства, заботы, лишаящей покоя, злобы. *Всеми печёнками* - очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать).

В прошлом считалось, что чувство ненависти у человека связано с работой печени, потому что она вырабатывает желчь (*желчный* - читай: «злой»). Выражение *сидеть в печёнках* употребляется для выражения крайней нелюбви к кому-то.

Фраза *до печёнок* - означает «очень глубоко», «до самого нутра», «до предела». См. литературный пример: - *Что это у тебя за махорка, Игнатьев? Дайте-ка мне попробовать. «Вырви глаз», небось? Пробирает до печёнок?»* - подал голос Веснин (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Liver

В английском языке лексема, называющая этот орган, наоборот, является местом средоточения любви. *The Liver-vein* (букв.: *печёночная вена*) – атрибут напыщенного любовного излияния, т.к. одно время полагали, что именно в печени находится душа человека (Brewer 1997, с. 703).

Почки

Русская лексема *почка* в значении «вместилище чего-либо» практически не входит в состав образных выражений, включая фразеологические обороты.

Kidney

Kidney (английское «почка») – место, источающее симпатию к кому-то. *A man of the right kidney* (букв.: «человек с правильной почкой») квалифицируется как вполне приличный и благовоспитанный.

Селезёнка

В составе русских фразеосочетаний лексема *селезёнка* практически не встречается. В этой связи можно вспомнить лишь псевдоним А. П. Чехова «Человек без селезёнки», которым он подписывал юмористические рассказы.

Spleen

По представлениям людей, говорящих по-английски, *spleen* – вместилище злого юмора, внезапно возникшего гнева или меланхолии – болезненно-угнетённого состояния тоски.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Органы жизнедеятельности человека, словарные обозначения которых входят в состав русских и английских фразеологизмов, воспринимаются в виде контейнеров, включённых в «макроконтейнер» человеческого тела»;
2. По русским и английским образным выражениям, голова, сердце и душа человека имеют *вход* и *выход* (см. тезис о важности *входа* и *выхода* для понимания идеи метафорического «контейнера»).
3. Органы жизнедеятельности у всех людей, живущих на земле, одинаковы, как и одинаковы их функции. Психические качества личности нельзя разложить «по полочкам» этих органов, однако для наивного сознания некоторые части организма человека являются вместилищами конкретных чувств и эмоций, что находит своё отражение в образных средствах языка.
4. Слова *голова* (*head*) и *сердце* (*heart*) в русских и английских устойчивых выражениях оказываются высоко частотными по сравнению с фразеологизмами, соматическое содержание которых определяет лексемы, называющие другие части.

Литература

1. Brewer E. C. The dictionary of phrase and fable. – Cambridge, 1997.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
3. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1994.
5. Кубрякова Е. С. Язык и сознание. – М., 2004.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М., 1994.

Л.В. Лаенко, Е.А. Ширшикова

Когнитивные основания коннотаций репрезентантов признака «тяжелый» в английском, французском и русском языках

В английском, французском и русском языках лексемы **heavy**, **lourd** и **тяжелый** являются первичными номинациями признака «тяжелый». Данные лексические единицы (далее – ЛЕ) в речи ведут себя по-разному, что приводит к необходимости выявить те структуры знания, которые стоят за каждым из этих

репрезентантов признакового концепта с целью осуществления попытки объяснения подобного положения дел.

В настоящей работе мы рассматриваем коннотативную сферу семантики означенных единиц для определения оснований и стратегий её становления. То, какие типы знания репрезентируют в своей коннотативной семантике имена одноименных концептов, возможно определить в результате анализа функционирования единиц в речи, так как сочетаемость слов дает возможность выявить те коммуникативно востребованные составляющие концепта, в том числе и систему образов, которые формируются в сознании представителя той или иной лингвокультуры на основе определенного типа экспериенциальной информации, репрезентированной в денотативной семантике соответствующей единицы.

Онтологически признак не существует отдельно от субстанции. Тип объекта, из которого он «извлекается» или к которому он «прилагается», диктует зачастую актуализацию того или иного смыслового компонента в семантике признаковой номинации. Анализ максимального количества случаев опредмечивания ситуаций сочетания признака с объектом может представить реальную на данный период развития языка картину содержательной, структурной, и в том числе ценностной сторон концепта признака. Мы осознаем признак при восприятии его источника, и поэтому признак является жестко связанным с объектом. В русском, английском и французском языках (и в иных других, где есть такая частеречная категория, как имена прилагательные) очевидная несамостоятельность признака находит репрезентацию в особом типе номинации – именных атрибутивных фразеосочетаниях. Логично вследствие этого исследовать семантическую структуру прилагательных посредством анализа их комбинаторных свойств. В результате выявляются предметные и непредметные зоны приложения каждого типа признака, маркируемые именами существительными, с которыми означенные атрибутивные лексемы сочетаются (Лаенко 2005, с.51).

Прилагательные **heavy**, **lourd** и **тяжелый** объединены одним типом концептуальной структуры - «имеющий большой вес, с грузом большого веса; требующий для своего передвижения или подъема большой затраты физической силы, энергии». Последняя формируется человеком через обработку сознанием ощущения от взаимодействия с предметом, который «тянет, если человек держит или несет его в руке, или давит, если объект находится сверху – на плечах или на спине» (Кустова 2002, с. 123). Во всех трех языках рассматриваемые ЛЕ сочетаются со следующими типами объектов: *груз, контейнеры, одежда, обувь, части тела, мебель, части построек, материалы, оружие, инструменты, изделия из ткани, изделия из бумаги*. Это экспериенциальная или контактная сфера, когда человек формирует представление о свойстве предмета через ощущение от взаимодействия с ним. Иногда человек может судить о весе предмета по его виду, но он также номинируется *тяжелым*, потому что когда его поднимут или попытаются переместить, он начнет «тянуть» или «давить». Были также выявлены стратегии перекатегоризации денотативных семем в пространстве денотативной сферы в случаях приписывания данного признака непрототипическим типам объектов (Ширшикова 2008), таким как *промышленность, еда, транспортные средства, физические действия человека, физиологические и медицинские реалии, звук,*

запах, черты лица, части тела, телосложение, природные явления, военная сфера, элементы помещений, здания, физические и химические реалии, экономические понятия, которые, как представляется, не могут не играть роль базового когнитивного основания для дальнейшей лингвокреативной деятельности носителя языка. Попробуем на материале конкретных трех языков аргументировать данное положение.

Действительно, коннотативная сфера семантики означенных прилагательных связана с переосмыслением физической тяжести, диктуемым типом объекта. Она является более субъективной, однако не отрывается от экспериенциального опыта человека. Метафорическая тяжесть является образно-оценочной, психологичной, она также «давит», но не на плечи или спину, как это проявляется и находит своё выражение в денотативной сфере, а на психологическое и эмоциональное состояние человека или подобные им. Имя объекта, с которым сочетается прилагательное, указывает, в каком направлении происходит метафорическая перекатегоризация семантики признакового слова.

Рассмотрим, в сочетании с именами каких типов объектов означенные ядерные ЛЕ в трех языках с общей идеей «тяжелый» реализуют коннотативное значение.

Так, на основе концептуальной структуры «высокая степень интенсивности проявления признака» английская ЛЕ **heavy** реализует следующие семемы K1:

– «обременительный, доставляющий трудности» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: бремя (*load, burden*): ... *if they also take up a **heavy load** of domestic tasks* - тяжелый груз (Bank of English); *It has long been recognised that people experiencing homelessness often bear a **heavy burden** of ill health and find access to mainstream health services ...* – тяжелое бремя (букв. тяжелая ноша) (Bank of English); денежные траты (*finances, penalties, outlays, bills, tax*): *Throughout the network there would be a need to attend to the litter problem, perhaps through the provision of more bins and **heavy fines** for littering* – большие штрафы (букв. тяжелые штрафы) (Bank of English);

– «проявляющийся в большем чем обычно количестве и поэтому гнетущий» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: потери (*losses, defeats, casualties, toll, setback*): *But at the European elections in June the SPD failed to break through despite **heavy** CDU losses* - тяжелые потери; *That junior may have to pay for the victory with a **heavy defeat** in the future* - тяжелое поражение (Bank of English); пагубные привычки (*heavy smoker, heavy drinker*): *Many people seem simply to grow out of heavy drug use, rather as many young drinkers mature out of **heavy drinking*** – беспробудное пьянство (букв. тяжелое пьянство) (Bank of English);

– «неприятный, гнетущий» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: звуковые реалии (*silence*): *A **heavy silence** sank and endured, and at the end of it came again that trivial and terrible knocking* - тяжелая тишина (Chesterton); имена причин, вызывающих негативные эмоциональные состояния (*heavy news*);

– «полный работы, разных видов деятельности» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как периоды времени (*day, hours*): *“Now you really must go. You’ve got a **heavy day** at the office tomorrow and I’m dog-tired”* – тяжелый день (Maughan);

– «гнетущее, подавленное состояние» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как чувства, эмоциональные состояния (*sorrow, heart*): *Each one of us*

returned home worn out and with a heavy heart: we felt that the Emperor was lost to us – с тяжелым сердцем (Bank of English);

– «серьезный, скучный» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как стиль произведения (*storylines, reading, play*): *Brookside (7 million) is so seeped in worthy but heavy storylines that there is a definite need for a few lighter moments* – серьезные сюжеты (букв. тяжелые сюжеты) (Bank of English).

Во французском языке на основе концептуальной структуры «высокая степень интенсивности проявления признака» ЛЕ **lourd** реализует следующие семемы К1:

– «обременительный, доставляющий трудности» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как денежные траты (*note* – счет): *Ils reçurent, vers le milieu du mois de mars, parmi des notes assez lourdes, celles du restaurateur qui leur apportait à dîner* – большие счета (букв. счета тяжелые) (Flaubert);

– «неприятный, гнетущий» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: абстрактные понятия (*la solitude* – одиночество, *paix* – мир, спокойствие, *responsabilité* – ответственность): *...cette lourde responsabilité de souffrance qui pèserait sur lui* – тяжелая ответственность (Zola); звуковые реалии (*silence* – тишина): *Au Voreux, un lourd silence pesait sur le carreau* – тяжелая тишина (Zola); имена причин, вызывающих негативные эмоциональные состояния (*une charge* – обуза, *la vie* – жизнь, *secret* – секрет): *Je montrai les reconnaissances du mont-de-piété, les reçus des gens à qui j'avais vendu les objets que je n'avais pu engager, je fis part à votre père de ma résolution de me défaire de mon mobilier pour payer mes dettes, et pour vivre avec vous sans vous être une charge trop lourde.* – тяжелая обуза (Dumas);

– «полный трудностей, неприятностей» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как периоды времени (*instant* – мгновение): *L'univers moins hideux et les instants moins lourds!* – тяжелые мгновения (Maupassant);

– «гнетущее, подавленное состояние» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как чувства, эмоциональные состояния (*l'ennui* – тоска, досада, *un trouble* – тревога, волнение, *dédain* – презрение, *calvaire* – крест, страдания): *Puis elle remontait, fermait la porte, étalait les charbons, et, défaillant à la chaleur du foyer, sentait l'ennui plus lourd qui retombait sur elle.* – тяжелая тоска (Flaubert); *... et il attendait le récitatif dans sa tête de ses angoisses, de ses échecs, du lourd calvaire de la journée à venir* – тяжелое страдание (Sagan) – во всех ситуациях прилагательное **lourd** подчеркивает и усиливает выражение негативных чувств и эмоций субъектов высказываний;

– «замедленный» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как интеллектуальное состояние, мыслительная деятельность (*cervelle* – мозг, разум, *une conviction* – убеждение, *l'esprit* – склад ума, характер): *Petit à petit cependant un sentiment confus commença de se mettre en branle dans son épaisse et lourde cervelle...* – неповоротливый ум (букв. тяжелый мозг) (Mouton); *...jamais Charles ne lui paraissait aussi désagréable, avoir les doigts aussi carrés, l'esprit aussi lourd, les façons si communes qu'après ses rendez-vous avec Rodolphe, quand ils se trouvaient ensemble* – неповоротливый ум (букв. склад ума тяжелый) (Flaubert);

– «глупый» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как человек (*père* – отец, *comparse* – статист, *un paysan* – крестьянин): *Aujourd'hui il (le docteur) comprenait que cet homme sentimental n'avait jamais pu, jamais, être l'ami de son père, de son père si positif, si terre à terre, si lourd, pour qui le mot "poésie" signifiait*

sottise – глупый отец (букв. отец тяжелый) (Maupassant); ...*et le gros Fresnel, inutile et lourd comparse, demeurait un de ses favoris grâce à la passion frénétique dont elle le sentait possédé.* – глупый статист (букв. тяжелый статист) (Maupassant); *Mon oncle comprit vite à quel genre d'homme il avait affaire; au lieu d'un brave et digne savant, il trouvait un paysan lourd et grossier...* – глупый крестьянин (букв. крестьянин тяжелый) (Verne);

– «производящий неприятное впечатление» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как мимика (*sourire* – улыбка, *visage* – лицо):- *Et, sans s'occuper du Jupiter de Crète, le chaussetier répondait avec un **lourd sourire**, l'oeil fixé sur Gringoire* – грубоватая усмешка (букв. тяжелая улыбка) (Hugo).

Во всех ситуациях приложения признака «тяжелый» посредством французского прилагательного *lourd* создается система оценочно заряженных образов, сквозь призму которых передается негативное восприятие событий, ситуаций, объектов, описываемых этим прилагательным. Основанием (когнитивным каркасом) для данных образов служат концептуальные признаки «замедленный» (о мыслительной деятельности), «глупый», «наполненный тягостными событиями», «неприятный, мрачный». Часто рассматриваемое прилагательное сочетается с названиями неприятных и мучительных состояний, реализуя при этом функцию интенсификатора номинаций негативных чувств.

Русское прилагательное **тяжелый** на основе концептуальной структуры «высокая степень интенсивности проявления признака» реализует следующие семемы K1:

– «обременительный, доставляющий трудности» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: бремя (груз, ноша): *Совмещение Плющевым должностей главного тренера сборной и клуба - не слишком **тяжелая ноша**?* (Козин); *Чувство ответственности заставило Вавилова принять дважды **тяжелый груз** - стать частью правительства и прикрыть собой гибель брата от рук того же самого правительства.* (Горелик); денежные траты (оброк, аренда): ...*уменьшил наполовину **тяжелый оброк*** (Герцен); типы занятости человека (занятие, курс обучения, творчество): *Это одновременно и самый легкий и самый **тяжелый курс обучения*** (Лукьяненко);

– «проявляющийся в большем чем обычно количестве и поэтому гнетущий» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как потери (*потеря, утрата*): *Части отступили с **тяжелыми потерями*** (Фурманов);

– «неприятный, гнетущий» в сочетаниях с именами следующих типов объектов: звуковые реалии (*тишина, молчание*): *В комнате повисла **тяжелая, вязкая тишина*** (Лукьяненко); имена причин, вызывающих негативные эмоциональные состояния (*зрелище, известия, обстановка, обстоятельства, положение, условия, опыт, новость*): *Но все-таки великодушно подтвердил: - Да, **тяжелое зрелище*** (Лукьяненко); интеллектуальное состояние (*мысли, раздумья, дума, задумчивость, размышления*): *Она молча смотрела на него, все с тем же мучительным недоумением, с **тяжелой мыслью** в своей бедной голове и все так же усиливаясь до чего-то додуматься* (Достоевский); физиологические состояния (*отвращение, ощущение*): *Она... удалась незамеченная, с новым **тяжелым ощущением** и с новой тоской* (Достоевский);

– «полный трудностей, неприятностей» в сочетаниях с именами такого типа объектов, как периоды времени (*времена, день, юность, год, жизнь, час, детство, пора, минута*): *Наступают **тяжелые времена**; Завтра у нас будет*

тяжелый день (Головачев) – соответствующие периоды выступают как контейнеры, содержащие разного рода «тяжелые» ситуации и события, которые человек терпит вынужденно и против воли;

– «гнетущее, подавленное состояние» в сочетаниях с именами такого типа объектов как чувства, эмоциональные состояния (чувство, настроение, переживания, сомнения, сердце, душа, тоска, злоба, недоумение): *Накатила тоска, тяжелая, беспросветная* (Лукьяненко); *Ну, уж это чересчур, – дергаясь щекой, ответил римский, и в глазах его горела настоящая тяжелая злоба...* (Булгаков);

– «серьезный, трудный для понимания» в сочетаниях с именами такого типа объектов как стиль произведения (слог, язык, стихи): *Жаль только, что обе статьи написаны языком несколько тяжелым и испещрены иностранными словами* (Тургенев); *Стихи Кюхлины были вообще тяжелы...* (Тынянов);

– «производящий неприятное впечатление» в сочетаниях с именами такого типа объектов как взгляд: *В спину словно уставился тяжелый, холодный, пугающий взгляд* (Лукьяненко);

– «неприятный в общении, общежитии, трудно поддающийся влиянию» в сочетаниях с именами такого типа объектов как характер (человек, характер, мальчик): *Человек он был тяжелый; его не любили, он надоедал своим рефлексивством* (Герцен); *Всегда замкнутый, тяжелый характером, он был сейчас особенно угрюм* (Гладков).

Итак, в сочетании с именами психических состояний, при характеристике абстрактных понятий прилагательные **heavy**, **тяжелый** и **lourd** реализуют ряд коннотативных семем на основе концептуальной структуры «объект обладает высокой степенью интенсивности проявления данного признака». Во всех случаях **heavy**, **тяжелый** и **lourd** реализуют оценочные значения, объединенные компонентом «вызывающий негативную реакцию у человека». Наблюдаются некоторые различия в сочетаемости прилагательных с общей идеей «тяжелый», реализующих коннотативные семемы в трех языках. Так, при сочетаемости означенных прилагательных с существительными, обозначающими различные отрезки времени, они реализуют разные семемы: **тяжелый** и **lourd** – семеме «полный трудностей, неприятностей», а английское **heavy** – семеме «полный работы, разных видов деятельности». При обозначении причин, вызывающих душевные страдания, **тяжелый** имеет очень широкую сочетаемость, в отличие от **heavy** и **lourd**. Английское и русское прилагательные используются при характеристике стиля написания, но в то время как английский язык характеризует стиль как скучный, русский язык ориентирует на преодоление трудностей при чтении и затрату на это многих умственных усилий. Во французском языке подобные сочетания не были отмечены. В отличие от английского **heavy**, французское **lourd** и русское **тяжелый** не характеризуют степень проявления пагубных пристрастий, но обозначают множество угнетенных состояний и характеризуют мимику. LE **lourd** и **тяжелый** могут характеризовать человека в целом, но следует отметить, что в этом случае они реализуют разные семемы: во французском языке при характеристике человека репрезентируется образ «глупый», а в русском – «обладающий трудным характером».

Мы приходим к выводу, что тип объекта руководит процессом перекатегоризации первичной (денотативной) семантики рассматриваемых

лексических единиц. На основе концептуальной структуры «тянет, если человек держит или несет его в руке, или давит, если объект находится сверху – на плечах или на спине» формируется новая, «надстроечная» - «высокая степень интенсивности проявления и воздействия признака». В зависимости от того, к какому типу объекта приписывается этот признак, происходит дальнейшая модификация семантики номинации последнего. При этом в создаваемых образах репрезентируются либо аналогичные концептуальные признаки, либо разные, национально-специфические.

Литература

1. Кустова Г.И. Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. Сборник научных статей: Вып. 37. – М., 2002. – С. 116 – 146.
2. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации. – Воронеж, 2005.
3. Ширшикова Е.А. Особенности денотативной сферы семантики репрезентантов признака «тяжелый» в английском, французском и русском языках (тезисы) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. – Тамбов, 2008. – С. 231-233.

М.А Шарданова

Репрезентация концепта «красота» в английской, русской и адыгской паремиологии

Пословичный фонд языка является одним из богатейших источников для изучения эстетического аспекта наивной картины мира, поскольку он содержит как прямо высказываемые эстетические оценки, так и закреплённые в сознании членов языкового коллектива качественные характеристики объекта и их соотнесённости с бытием индивида и общества. Пословицы описывают некоторую типичную ситуацию. Эти ситуации отличаются от обычных речевых ситуаций своей более частной и устойчивой воспроизводимостью, в остальном дефиниции речевой ситуации и ситуации пословичной совпадают (Гвоздев, с. 45).

Оценка внешности актуализована в значительном количестве английских, русских и адыгских паремий. В пословицах и поговорках наблюдается пересечение нескольких семантических признаков, например, «красота» и «нравственность», «красота» и «хозяйственность», «красота» и «коварство».

По нашим данным, английский материал содержит лишь общие оценки. Красота в английском пословичном фонде обладает относительной релевантностью, т.е. признаётся одной из желательных, но не обязательных характеристик для женщины: *A fair wife without a Fortune is a fine House without Furniture* - Красивая жена без богатства, как красивый дом без мебели; *A wife is not to be chosen by the Eye only* - Жёну нужно выбирать не только глазами; *A fair woman without virtue is like palled wine* - Красивая жена без добродетели, как вино, которым пресыщаешься.

Таким образом, английское языковое сознание не относит привлекательную внешность женщины к значимым ценностям в том смысле, что важна не столько красота, сколько морально-нравственные характеристики, в первую очередь добродетель, или практические качества, например, хозяйственность,

домовитость, играющие более существенную роль в оценке женской личности.

Более того, существует группа пословиц, где женская красота связывается с опасностью и проблемами, которые она несёт для мужчин, вследствие чего является не просто нежелательной, а отрицательной чертой замужней женщины: *Who has a fair wife needs more than two eyes* – Тому, у кого красивая жена, нужно больше, чем два глаза; *The greatest care ought to be in the choice of a wife, and the only danger there - is beauty* – Большую осторожность нужно проявлять при выборе жены, и единственная опасность при этом – красота; *A fair wife and a frontier castle breed quarrels.* – Красивая жена и замок на границе вызывают ссоры; *You cannot pluck roses without a fear of thorns, nor enjoy a fair wife without a danger of horns* – Нельзя ни сорвать розы, не боясь шипов, ни обладать красивой женой, не боясь рогов.

Особенностью русской паремиологии является тот факт, что она отличается тематизированностью внешнего облика женщины. К физической привлекательности русское обыденное сознание относит характеристики, коррелирующие с физической силой, – статность, здоровье, крупные размеры: *Кругла, пухла, бела, румяна кровь с молоком; Красна, как маков цвет.* Кроме того, в русском языке существует тенденция рассматривать женщину не только в целом, но и останавливаться на деталях, описывающих эталонные черты лица, фигуры, походку: *Идёт, словно павушка плывёт; Красная краса – русая коса; Грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови собопы; Видно, она с серебра умывается; Алы цвет по лицу расстилается, белый пух по груди рассыпается.*

Однако в русских пословицах и поговорках мы находим экспликацию и «антиидеальных» женских физических характеристик, противоречащих «идеальным»: *И толста, и пестра, и рыло свиное; Костлява девка – тарань-рыба.*

Некоторые единицы, отражающие внешний облик женщины, носят иронический характер: *Такая красава, что в окно глянет – конь прынет, на двор выйдет – три дня собаки лают; Смолоду кривулина, под старость кокура; Не к рожке румяна, не к рукам пироги.*

В целом русские паремии лишь констатируют «идеальные» и «антиидеальные» физические характеристики, но не относят красоту к значимым ценностям. Физическая красота не обязательна, гораздо важнее внутренняя красота, предполагающая хозяйственность, трудолюбие, целомудренный и добрый нрав: *С лица не воду пить, умела бы пироги печь; Красную жену не в стенку врезать; Женщине красота – домостройство; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо (женой); Где бабы гладки, там воды нет в кадке; Не ищи красоты, ищи доброты.*

Отметим, что красота признаётся релевантной лишь для незамужней женщины: *Девка красна до замужества.*

Большинство русских пословиц указывают на факт недостаточности одной лишь красоты: *Снаружи красота, внутри пустота; Красивыми словами пастернак не помаслишь.* В английских пословицах красота так же, как и в русских, без соответствующего морального облика, без чувств, без особого внутреннего мира носит эфемерный характер: *Fair without, false within* – Снаружи мило, а внутри гнило; *Fair face may hide a foul heart* – Красивое лицо

может прятать гадкое сердце; *Не та мила, что хороша, а та мила, что по сердцу пришлась*; *Родилась пригожа, да по нраву не гожа*.

Согласно адыгским пословицам, связанным с концептом *дахэ*, – «красота», наличие эстетически привлекательной внешности может скрывать многие недостатки человека: *Дахагъэм дагъуищэ егъэтицкы* – Красота скрывает сотню недостатков.

В то же время пословицы напоминают о второстепенной роли красоты по сравнению с манерами, кротостью, добродетелью: *Дахэм и напэ плагтэ ирагъэтицкыркъым* – С лица воду не пьют (букв. с красивого лица пасту не кушают); *Дахэр зыгъэдахэр и щэни* – Красавицу украшает нрав; *Фащэм я нэхъ дахэр укытэщ* – Красивейшим из нарядов является стыд; *Хьэлым я нэхъ дахэр нэмысцлэкъуш* – Красивейшим нравом является пристойность.

В адыгской картине мира так же, как в английской и русской, присутствует соотносительность красоты и прекрасного со временем: *Зи игъуэр дахэщ / Зи чэзур дахэщ* – Все красиво в свое время; *Щлалэгъуэрэ дахэгъурэ зимылэ щылэкъым* – У всего бывает молодость и красота; *Дахэр пасэу яшэмэ, мэутхъуэ*. – Если красавицу рано берут замуж, то красота портится.

Красота в каждой из исследуемых языковых картин мира является следствием любви, проявления чувств, т.е. носит относительный и субъективный характер: *All that glitters is not gold* – Не все то золото, что блестит; *Beauty is in the eye of the beholder*. – Красота в глазах смотрящего; *Beauty lies in lover's eyes* – Красота в глазах любящего; *Jack is not judge of Jill's beauty* – Джек не судья красоты Джилл (Любовь слепа); *Не все то золото что блестит*; *Каждому своя милая - самая красивая*; *Не по хорошу мил, а по милу хорош*; *Дахэ псори дахэкъым* – Не все красивое красиво; *Дыгъэрэ мазэрэ пэт дыркъуэ ялэщ* – Даже солнце и луна и те с пятнами (т.е. несовершенны); *Гум флэфлыр нэм флэдахэщ* – Что мило сердцу, то и глаз ласкает. *Псым ухуэлэмэ, лэфлици, флыуэ пльагъур дахэщ*. – Если хочешь пить – вода вкусная, кого любишь, тот красив. *Зэгуаклэр дахэщ*. – Красив тот, в кого влюблен; *Псэм флэфлыр нэм флэдахэщ* – Что приятно душе, то красиво и для глаза; *Гум флэфлыр нэм флэдахэщ* – Что мило сердцу, то и глаз ласкает; *Псэр зэхуапсэр дахэщ* – Красив тот, в ком души не чаешь.

В адыгских пословицах отрицательно оцениваются красавицы, гордящиеся своей красотой: *Цыхубзыр дахэмэ, мэпагэ* – Если женщина красива, она становится гордой (надменной); *Дахэр пагэмэ, пуд мэхъу* – Заносчивость (высокомерие) красавицы умаляет ее достоинства.

Таким образом, наблюдается значительное сходство в стереотипах оценки красивой внешности людей, причем очевидно наибольшее сходство в английской и русской лингвокультурах при относительной автономности адыгской лингвокультуры, что объясняется религиозными факторами и особенностями культурно-исторического развития данных этносов.

Универсальным для английских, русских и адыгских пословиц и поговорок о красоте является противопоставление красоты и пользы, с одной стороны, и красоты и моральных качеств человека, с другой стороны. При этом предпочтение однозначно отдается пользе и моральным качествам. Важным является и акцентирование обманчивости красоты, эфемерности красивой внешности и неизменности уродства. Особенность английских суждений о красоте, сформулированных в паремиологическом фонде,

состоит в том, что англичане с большим недоверием относятся к красоте, чем представители русской и адыгской культур.

Литература

1. Гвоздев В.В. Парадигматические отношения в пословичном фонде// Филологические науки. – 1982. – №4. – С. 44-49.

О.М. Воевудская

Национальная специфика отражения концепта ПОБЕДА/VICTORY в синонимических рядах ключевых лексем

В настоящее время разработано множество методик исследования концептов (Попова, Стернин 2001). Одна из них – исследование синонимических рядов ключевых лексем с целью выявления национальной специфики и лингвокультурологической составляющей концептов. Данная работа предлагает исследование синонимического ряда концепта, репрезентируемого лексемами ПОБЕДА/ VICTORY в русском и английском языках.

Для анализа синонимического ряда лексемы *победа* в русском языке нами были использованы Словарь синонимов русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, Словарь синонимов русского языка под ред. З.Е. Александровой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А.Кузнецова. Проанализировав информацию, полученную из указанных лексикографических источников, а также данные Частотного словаря русского языка под ред. А.Н. Засорина, у лексемы ПОБЕДА был выстроен следующий синонимический ряд, который включает 12 единиц (по мере убывания частотности): *успех, достижение, завоевание, выигрыш, одоление, свершение, триумф, торжество, перевес, виктория, счастье, лавры*. Каждая единица синонимического ряда имеет свой оттенок значения, а в совокупности они отражают всю семантическую палитру данного концепта. Рассмотрим каждую из отмеченных лексем.

Успех – 1) Положительный результат, удачное завершение чего-л.; удача, достижение (БТС, с.1400): *Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа и имела там некоторый успех*. (Деникин)

2) Общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений: *Новая пьеса молодого драматурга имела большой успех у публики*.

3) Достижения в учебе, в занятиях чем-л., в изучении чего-л.: *Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов*. (Носов)

Достижение - 1) Исполнение чего-л. желаемого: *Целью этих переговоров является достижение соглашения по многим важным для обеих сторон вопросам*.

2) Положительный результат работы, деятельности; успех: *Мы по праву гордимся нашими достижениями в области науки и культуры*.

Завоевание - 1) Покорение с помощью вооруженной силы, овладение, захват: *Завоевание Александром Македонским Малой Азии*.

2) То, чего добиваются путем борьбы, настойчивости, усилий и т.п.: *Советские фигуристы завоевали на первенстве Европы золотые медали*.

Выигрыш – окончание чего-л. в свою пользу; победа в чём-л.: *Матч закончился нашим выигрышем*.

Одоление – победа в борьбе: *Капитан [фрегата] поговаривал о том, что, в случае **одоления** превосходными неприятельскими силами, необходимо-де поджечь пороховую камеру и взорваться.* (Гончаров)

Свершение – поступок, дело, в котором осуществляется большие замыслы, высокие, великие стремления: *Поскольку волшебная сказка всегда «героецентрична», т.е. в ней всегда рассказывается о личной судьбе героя, мы искали ответ на вопрос: какой герой и какое его **свершение** (успех, **достижение**) представлены в волшебной сказке?* (Эльконинов)

Триумф – выдающийся, блестящий успех, победа, торжество: *Я поражена, потому что вижу вас первый раз в жизни. И я должна увенчать ваш **триумф**. Прикрыв этими словами тревогу, она сняла полумаску, и я увидел Биче Сениэль.* (Грин)

Торжество – победа, полный успех кого- / чего-л.: *Горький предупреждал нас об угрозе войны. Но он также предвещал **торжество** советского оружия.* (Федин)

Перевес – преимущество, превосходство в чем-то: *Тургенев не полюбил Базарова, но признал его силу, признал его **перевес** над окружающими людьми.* (Писарев)

Виктория - победа: *Наше дело военное: нынче разгром, завтра **виктория**. Как, значит, фортуна рассудит.* (Панова)

Счастье - 1) чувство и состояние полного, высшего удовлетворения: *Человек создан для счастья.*

2) Успех, удача: *Не было бы **счастья**, да несчастье помогло.*

Лавры - венок из листьев, символ победы, награды: *Должно быть, **лавры** престарелого дилетанта Кривоносова мешают мне спать...* (Дружнин)

В языке постоянно появляются новые синонимы. Их роль в формировании целостной концептосферы языка отмечает С.Д. Кацнельсон в своей монографии «Общее и типологическое языкознание»: «Влияние синонимии на лексическое значение во многих случаях также не выходит за пределы стилистики. Добавляя оттенок, они превращают данные слова в экспрессивную, жанровую или вульгарную и т.д. форму другого слова» (Кацнельсон 1986, с.60). Подобные синонимы представлены и в словаре О.П. Ермаковой «Слова, с которыми мы все встречались» (Ермакова 1999), и в «Большом словаре молодежного сленга» С.И. Левиковой (Левикова 2003. В предисловии к словарю автор отмечает: «Каждому новому молодому поколению требуются некоторые новые слова, чтобы объяснить свой собственный взгляд на существующие ранее вещи. Этот иной взгляд является результатом новой социально-исторической ситуации, в которой это поколение вступает в период своей молодости» (Левикова 2003, с. 7).

В вышеупомянутом словаре отмечены следующие синонимы лексемы ПОБЕДА: *везуха, елочка, лак, лафа, маза, фарт, фартуха, пруха, масть, марьяж, отпад* и т.д.

«Большой синонимический словарь» под ред. А.Ю. Кожевникова (Кожевников 2003) представляет наибольшее количество синонимов для лексемы «победить» в значении «убить»: (прост.) *завалить, замочить, кокнуть, кончить, порешить, пристукнуть, прихлопнуть, пришибить, пришить, стукнуть, тюкнуть, угрохать, укокать, укокошить, умертвить, ухайдакать, ухлопать, хлопнуть, чикнуть, шлепнуть, шпокнуть, щелкнуть* и др. Все представленные слова так или иначе связаны с нанесением удара и мотивируются словами *бить*,

хлопать, стукнуть, тюкнуть и т.д. Такое многообразие синонимов именно в этом значении говорит о ведущем оттенке действия «победить» - поразить. Возможно, в современной культуре полная победа равносильна поражению и даже смерти противника.

При анализе синонимического ряда лексемы VICTORY в английском языке были использованы следующие лексикографические источники: Webster's New Dictionary of Synonyms, Dictionary of English Synonyms and synonymous expressions by Richard Soule, New Webster's Dictionary of the English Language, Частотный англо-русский словарь под ред. П.М. Алексеева. Согласно данным этих словарей у лексемы VICTORY выстраивается следующий ряд синонимов (в порядке убывания частотности): *success, triumph, mastery, achievement, palm, conquest*. Рассмотрим эти лексемы.

Success – the achievement of something attempted – достижение желаемого: *Experience shows that success is due to less to ability than to zeal. The winner is he who gives himself to his work, body and soul.* (Buxton)

Triumph – 1) an outstanding success or achievement, often one that has been gained by great skill or effort – выдающийся успех или достижение, часто достигнутый большим трудом или усилием: *The election result was a personal triumph for the party leader.*

2) a feeling or state of great satisfaction and pride resulting from success or victory – чувство или состояние большого удовлетворения или гордости за успех или победу: *With an expression of triumph on her face she watched the losers leave the field.*

Conquest – 1) Act or process of conquering, or acquiring by force; act of overcoming – акт или процесс покорения или захвата силой; акт преодоления: *Three years sufficed for the conquest of the country.*

2) Act of gaining by, or as if by, struggle; as, the conquest of liberty or peace – достижение, завоевание свободы или мира: *She came, dressed for the conquest.*

3) That which is conquered; esp., territory definitely appropriated in war; a possession gained by force, physical or moral – то, что завоевано, особенно территория, завоеванная во время войны; имущество, полученное силой, физической или духовной: *What conquest brings him home?*

По данным словаря Webster's New Dictionary of Synonyms различия между синонимами **victory, conquest, triumph** заключается в следующем: все они могут означать результат, достигнутый тем, кто получает господство в поединке или споре. «Victory» and «conquest» в основном своем значении рассматриваются как синонимы: *'Victory', said Nelson, 'is not a name strong enough for such a scene'; he called it a conquest.* (Southey) Лексема «victory» может также означать получение превосходства или достижение успеха, обычно в умственной или духовной сферах: *Music starts off at the point where the victory of the spirit over musical instruments is complete.* (Spender), в то время как лексема «conquest» подразумевает переход чего-либо под чей-либо контроль: *Art is essentially a conquest of matter by the spirit.* (Binyon)

Triumph обычно выражает или блестящую победу, или же необычное завоевание и подразумевает шумное приветствие и личное одобрение победителю: *It is surely questionable whether we . . . should desire their triumph, a degree of success that clearly implies the full accomplishment of all their ends, good and bad.*

Как отмечалось выше, синонимами лексемы "victory" являются также следующие лексические единицы:

Mastery - complete power or control – полная власть или контроль: *He had complete **mastery** over the country.*

Achievement - 1) something that has been accomplished by hard work, ability, or heroism – что-либо, достигнутое тяжелым трудом, способностями или мужеством; 2) the successful completion of something– удачное завершение чего-либо.

Palm – a leaf or branch, as on a decoration of honour; the victor's reward of honour; triumph, success – пальмовый лист или ветвь как символ награды победителю; триумф, успех.

Помимо синонимов, у лексемы **victory** в английском языке имеется также целый ряд частично сходных, параллельных по своему значению слов, у которых сема «победа» находится где-то на периферии значения:

- **Gaining** – выигрыш, прирост: *From the late nineteenth century Britain and other European powers began to **gain** control of some parts of the Empire.*

- **Winning** - победа, выигрыш: *the **winning** candidate.*

- **Ascendancy** – власть, господство, доминирующее влияние: *Germany only awaits trade revival to **gain** an immense mercantile ascendancy.*

- **Supremacy** – превосходство, господство, верховенство: *How did Rome maintain her **supremacy** over the rest of the world for so long?*

- **Control** – контроль над чем-либо, руководство: *The dictator took control of the country in 1933. (dictionary.cambridge.org)*

- **Sway** – власть, господство, влияние: *In the 1980s, the country came under the **sway** of communists.*

- **Dominion** – владение, право владения: *God has **dominion** over all his creatures.*

- **Command** – господство, власть: *The soldiers were under the **command** of a tough major.*

- **Power** – сила, мощь, могущество: *Does the President have more **power** than the Prime Minister?*

- **Authority** – власть, право, полномочия, сила: *The United Nations has used its **authority** to restore peace in the area.*

Анализ данных лексем позволил выявить такие дополнительные оттенки значений исследуемого концепта, как: 1) сила, могущество; 2) полная власть или контроль; 3) доминирующее влияние, превосходство, власть; 4) то, что завоевано во время войны, особенно территория; имущество, трофеи, полученные силой, физической или духовной.

Подводя итог анализа синонимических рядов лексем **победа** в русском и **victory** в английском языках, можно сказать, что в обоих языках были обнаружены как черты сходства, так и различия. Значимым является факт, что трактовка концепта, выражаемого данными лексемами, в обоих языках выражается через эквивалентные единицы - *успех/ success*, который словари объясняют как положительный результат, удачное завершение чего-л.; достижения в учебе, в занятиях чем-л. Это говорит о том, как важно для представителей обеих лингвокультур достижение желаемого. Как отмечает В.И. Карасик, «Концепт «успех» весьма значим для любой культуры, поскольку целесообразное действие предполагает оценку его выполнения. Содержанием этого

концепта является положительно оцениваемая реализация усилий по достижении цели» (Карасик 2002, с. 184).

На основании данных частотных словарей, было замечено, что в английской речи лексема *success* является более употребительной, чем лексема *victory* (66 и 42 соответственно). В обоих языках встречаются полные соответствия синонимов по значениям: *достижение/ achievement, триумф/ triumph, завоевание/ conquest*. Однако в английском языке было отмечено наличие такого синонима как *mastery* в значении "complete power or control" – полная власть или контроль. В русском языке подобного аналога обнаружено не было. В то же время синонимы со значениями «свершение», «одоление», «перевес» не встречаются среди единиц синонимического ряда в английском языке.

Целый ряд слов в английском языке, близких по значению к лексеме *victory*, подтверждает факт того, что для носителей английского языка концепт *победа* – более емкое понятие, не просто полный контроль над чем-то, власть и могущество, а стремление к победе как к заветной цели. Словарь синонимов русского языка под ред. З.Е. Александровой предлагает лексему *счастье*, как один из синонимов лексемы *победа*. В английском языке наличие данной лексемы среди синонимического ряда лексемы *victory* не обнаружено. Этот факт может свидетельствовать о том, насколько важна тема победы для носителей русского языка, если победа ассоциируется со счастьем, т.е. состоянием полного удовлетворения человека собой и жизнью.

Литература

1. Ермакова О.П. Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
3. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Ленинград, 1986.
4. Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь: Речевые эквиваленты. В 2 т. – СПб, 2003.
5. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. – СПб., М., 2003.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике.– Воронеж, 2001.

Д.А. Селищева

Взаимодействие лексики и фразеологии при объективации концепта «спокойствие» в русском и английском языках

Тематическая подгруппа «спокойствие» является одной из шести подгрупп тематической группы, обозначающей положительные чувства и эмоции, и включает лексемы и фразеологизмы, объективирующие концепт «спокойствие». В данной работе мы проводим сопоставительное исследование указанной подгруппы в русском и английском языках с целью изучения взаимодействия лексики и фразеологии в системе языка.

Методом сплошной выборки из наиболее авторитетных отечественных и зарубежных лексикографических источников были выявлены тематические подгруппы наименований «спокойствия», объективирующие одноименные концепты в русском и английском языках. В состав данной подгруппы в русском языке вошло 35 единиц (33 лексемы и два фразеологизма), в английском – 33 единицы (25 лексем и 10 фразеологизмов).

Для оценки степени лексической и фразеологической представленности концепта «спокойствие» были использованы введенные нами индексы лексикализации и фразеологизации концепта, под которыми понимается отношение количества соответствующих лексических или фразеологических единиц к общему числу единиц данной подгруппы. В подгруппе русского языка индекс лексикализации концепта «спокойствие» составляет 94%, фразеологизации – 6%. В подгруппе английского языка индекс лексикализации составляет 78%, фразеологизации – 22%. Таким образом, в обоих языках существенно преобладает лексическая объективация концепта. При этом обращает на себя внимание заметно больший индекс фразеологизации в английском языке – 22% по сравнению с 6% в русском.

В ходе семного анализа единиц рассматриваемых подгрупп был выявлен перечень когнитивных смыслов, составляющих концепт «спокойствие» в русском и английском языках. В русском языке было выявлено 4 таких смысла, в английском – 6.

Было установлено, что в обоих языках ряд смыслов объективируется при помощи лексем, ряд – при помощи как лексем, так и фразеологизмов. Один из выделенных смыслов в английском языке объективируется только при помощи фразеологизма.

В подгруппе русского языка были выявленные следующие смыслы, объективирующиеся только при помощи лексем: **1) полное спокойствие с чувством удовлетворения** (лексемы «нега», «нежить»); **2) ощущение полного спокойствия и гармонии, ведущее к отрешению от внешнего мира** (лексема «нирвана»); **3) одновременное душевное и физическое спокойствие** (лексема «покой»).

В тематической подгруппе английского языка было выявлено 4 смысла, объективирующихся только лексемами: **1) чувство спокойствия и уверенности** (лексема «easy»); **2) душевное спокойствие, обретенное после сильной стрессовой ситуации** (лексема «equanimity»); **3) чувство душевного спокойствия и сдержанности** (лексемы «even», «level», «pacific», «placid», «placidness», «placidly»); **4) чувство душевного спокойствия и расслабленности после отрицательных эмоций** (лексемы «pacify», «propitiatory», «soothe», «soothing», «soothingly»).

В тематической подгруппе русского языка отсутствуют смыслы, которые объективируются только при помощи фразеологических единиц, в то время как в тематической подгруппе английского языка выявлен смысл **чувство душевного спокойствия и бодрости**, объективирующийся фразеологизмом «take comfort».

В каждом из языков обнаружено по одному смыслу, которые находят выражение как в виде лексем, так и в виде фразеологических единиц. В обоих языках это смысл **душевное спокойствие и отсутствие тревог** – лексемы «благодать», «безмятежность», «благодатно», «легко», «мирно», «умиротвориться», «успокоиться и др., ФЕ «душа на месте», «со спокойной душой в русском языке, лексемы *balance, calm, peace, peacefulness, sedate, tranquilly* и др., ФЕ «*put smb. at (his) ease*», «*smooth one's ruffled feathers*», «*pour oil on the troubled waters*», «*rest in peace*» и др. – в английском.

Для оценки лексической, фразеологической и лексико-фразеологической объективации выделенных когнитивных смыслов нами были предложены и

использованы еще три формализованных параметра: индексы лексической, фразеологической и лексико-фразеологической объективации когнитивных смыслов, под которыми понимается отношение когнитивных смыслов, представленных соответственно исключительно лексемами, исключительно фразеологизмами, или как лексемами, так и фразеологизмами к общему числу когнитивных смыслов в данном языке.

В русском языке в исследуемой подгруппе индекс лексической объективации когнитивных смыслов составил 75%, фразеологической – 0%, а лексико-фразеологической – 25%. В английском языке эти индексы равны соответственно 68%, 11% и 11%.

Как видно из приведенных данных, как в русском, так и в английском языках преобладает лексическая объективация когнитивных смыслов. Отметим, что в русском языке полностью отсутствует фразеологическая объективация, однако лексико-фразеологическая объективация когнитивных смыслов заметно преобладает над аналогичным явлением в английском языке (ср. 25% и 11%).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о тесном взаимодействии лексики и фразеологии в системе языка. Следует отметить, что это взаимодействие наблюдается в системах обоих языков – как русского, так и английского, однако в каждом из языков данное явление характеризуется национальным своеобразием. Как в русском, так и в английском языках индекс лексикализации концепта преобладает над индексом фразеологизации. Однако в русском языке это преобладание более весомо – индекс лексикализации превышает индекс фразеологизации в 15,5 раза, в то время как в английском языке соответствующее соотношение практически в 4,5 раза меньше – индекс лексикализации превышает индекс фразеологизации в 3,5 раза.

О национальном своеобразии взаимодействия лексики и фразеологии в системе языка свидетельствуют и данные введенных нами индексов лексической, фразеологической и лексико-фразеологической объективации когнитивных смыслов. Так, индекс лексико-фразеологической объективации в русском языке в 2,2 раза превышает соответствующий показатель в английском языке, что свидетельствует о более тесном взаимодействии лексики и фразеологии в русском языке по сравнению с английским. Нулевой индекс фразеологической объективации в русском языке и существенное превалирование индекса лексической объективации в русском и английском языках свидетельствуют о доминировании лексической объективации когнитивных смыслов над фразеологической в обоих языках.

Н.В. Шестеркина

Интерпретация концепта ‘огонь /*feuer*’ (на материале русских и немецких пословиц)

Огонь предстает и как небесный, и как земной по происхождению: он нисходит на землю вместе с молнией, и он же живет в вулканах под землей. В целом огонь наделяется амбивалентной символикой, подобно воде. Огонь – грозная и опасная стихия; однако укрощенный и поставленный на службу человеку огонь очага – это символ семейного благополучия и мира; отвращает зло (Словарь символов и знаков 2006, с. 129).

Ю.С. Степанов полагает, что в культуре нет ни «чисто материальных», ни «чисто духовных» рядов и что «концепты» связаны с «вещами», а вещи сопровождаются концептами. Огонь и вода – предметы не материального мира, а мира культуры. Обе лексемы (*огонь* и *вода*) амбивалентны. Ю.С. Степанов считает самой поразительной чертой этой дихотомии то, что есть «два огня» – «живой и мертвый», так же как и «две воды» – «живая и мертвая» (Степанов 2004).

В историко-этимологическом словаре А. К. Бириха (Бирих 2005, с. 491) говорится, что оборот *пройти сквозь огонь и воду* стал устойчивым в связи со средневековым обычаем «Божьего суда» бросать подозреваемого в воду или заставляя его держать руку на огне, брать рукой раскаленное железо – если подозреваемый шел ко дну, то признавался невиновным, если рана после огня быстро заживала, подозреваемого также признавали невиновным. В других случаях нужно было пройти через костер. Иногда всем подозреваемым давали зажженные лучины одинаковой длины и того, у кого лучина сгорала быстрее, признавали виновным. Предполагают, что данное ФС связано с библейскими мотивами, а также, что оно было заимствовано из греческого. В греческом языке известен фразеологизм «пройти через огонь [и через ножи]».

Во многих пословицах вода постоянно соревнуется с огнем: *Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают*. Обе стихии представлены в виде царственной семейной пары. Зачастую отмечается, что вода сильнее огня: *«Сни, царь огонь», - говорит царица водица; Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли*. Но иногда и огонь берет верх над водою: *Огонь не вода – охватит, не выплывешь*; нем. *Wasser und Feuer werden nicht Freunde; Kein Feuer so heiss, ein Wasser kann es löschen*, причем в немецком подчеркивается положительная оценка воды по сравнению с уничтожителем-огнем: *Feuer verzehrt, Wasser ernährt*.

С огнем и водою связана и отрицательная оценка. Они оба, наряду с ветром, представляют «опасность (несчастье, беду)», их надо остерегаться: *С водою, с ветром, да с огнем не дружись (а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь); С огнем, с водой, с ветром не дружись, а с землею дружись; С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь; Огню не верь и воде не верь. Огонь да вода – супостаты; Огню да воде Бог волю дал. С огнем, с водой не поспоришь; Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом жить* (ср. нем. *Feuer ist ein guter Diener, aber ein schlimmer Meister*); *Огонь да вода – нужда да беда; Муж с огнем, жена с водою*.

Нами выделены также следующие концептуальные признаки (КП):

«Уничтожает все подряд, без разбору»: *Против огня и камень треснет. От жару и камень треснет; В огне и железо плавко; Кривы дрова, да прямо горят* (в немецком есть аналогичная поговорка *Krummes Holz gibt auch gerades Feuer*). Интересно в русском языке сравнение огня с вором, причем сравнение оказывается не в пользу огня, после которого остается только пепелище: *Вор ворует – стены покидает, а огонь все пожирает; Воры обкрадут, стены останутся, а огонь в разор разорит; Воры побудут (обшарят), стены оставят, а огонь все приберет; От вора остатки бывают, а от огня – одно пепелище*.

«Опасность близкого нахождения у огня»: *Что к огню ближе, то жарче; что к сердцу ближе, то больнее*. Часто особо опасно сено, солома, воск как легковоспламеняющиеся вещества: *Сену с огнем не улежаться. Солома с огнем*

не дружись! (аналогично в немецком: *Stroh muss man nicht zum Feuer legen; Feuer und Stroh brennt lichterloh; Wer von Stroh ist, muss sich vor dem Feuer hüten; Nahe am Feuer schmilzt das Wachs; Wer von Wachs ist, muss nicht zum Feuer kommen*). «Опасность огня»: *Быть в огне, да не обжечься. Нельзя кузнецу не обжечься* (нем. *Wer das Feuer scheut, muss kein Schmied werden; Je näher dem Feuer, je näher der Hitze (je eher verbrannt); Wer dem Feuer zusieht, den friest er. Wer den Rauch fürchtet, kommt nicht zum Feuer*). С огнем нельзя соприкасаться, дуть на него и т.п.: *Wer die Hand in Feuer steckt, verbrennt sich die Finger; Wer ins Feuer bläst, dem fliegen die Funken in die Augen*.

«Выполняет очистительную функцию»: *прыгают через купальничьи огни* (чтобы очистить тело); *С сентября огонь в поле и в избе* (огнем сжигают остатки травы и проч. на полях, в домах начинают отопительный сезон); *При встрече молодых у ворот раскладывают огонь* (от порчи); *Обедай, да не объедай. Ешь, как огнем прижги* (дочиста); нем. *Alte Besen wirft man ins Feuer*.

«Связь огня с домом, печью, едой как поддержанием жизни, жизнью вообще»: *Дом пахнет дымом, гроб ладаном* (дым в доме – от печи); *Печь нам мать родная. На печи все красное лето; Дымно, да сытно; Das Feuer macht den Koch*. В немецкой пословице четко указывается, что без огня нет жизни: *Ohne Feuer ist kein Leben*; *Горели дрова жарко, было в бане парко; дров не стало, и все пропало* – в этой паремии указывается на огонь как начало всего, а отсутствие огня – полный конец.

«Дым – постоянный атрибут огня» в этом КП отражаются отношения «причина – следствие»: *Где огонь, там и дым (и наоборот)* (нем. *Wo Rauch ist, ist auch Feuer; Kein Feuer /Keine Flamme ohne Rauch (keine Tugend ohne Neid; Erst Rauch, dann Feuer)*); *Огонь без дыму, человек без ошибки (без греха) не бывает; Grosses Feuer, grosser Rauch; Viel Rauch wenig Feuer; Mach kein Feuer, so beisst dich kein Rauch; Man leidet den Rauch des Feuers wege*.

«Свое – чужое»: *Мне что до тебя! Я знаю себя. Хоть ты себе на огне гори! Свинье не до поросят, коли самое на огонь тащат*; нем. *Eignes Feuer kocht wohl; Es ist gut Feuer machen, wenn der Nachbar das Holz gibt; Mit eines andern Arsch ist gut durchs Feuer fahren; Wer sich immer zu Hause gewärmt, sehnt sich nach fremdem Feuer*.

«В обхождении с огнем приобретают осторожность, опыт»: *Обожжешься на молоке, станешь дуть и на воду; На ухе ожегся, так на воду подуешь; Для того кузнец клещи кует, чтобы рук не ожечь; Вот тебе баня ледяная, веники водяные, парься – не ожгись, поддавай – не опались, с полка не свались!;* нем. *Schmieds Kinder fürchten das Feuer nicht*.

«Проба на прочность»: *Верен, что золото в огне*; нем. *Feuer prüft das Gold, Unglück das Herz*.

«Зависть, жадность (в данных паремиях «огонь» используется в переносном смысле)»: *На чужое добро и глаза разгораются*; нем. *Wer sich bei einem Geizigen wärmen will, muss das Feuer mitbringen*.

«Горячие чувства»: *Любовь не пожар, а загорится – не потушишь*; нем. *Feuer im Herzen bringt Rauch in den Kopf; Ist Feuer im Herzen, so muss man kein Pulver in den Kopf tun*. В немецкой лингвокультуре часто сравнивают любовные чувства с огнем, напр. *Dürres Holz gibt rascher Feuer* (речь идет о влюбленности пожилых людей); чувства молодых – с «веселым» огнем: *Frisches Holz macht lustiges Feuer*; страсть невозможно скрыть: *Feuer kann niemand bergen* (ср. русск.

Любви, огня да кашля от людей **не спрячешь** (не утаишь); однако лучше всего умеренные чувства: *Mässig Feuer kocht am besten*.

«Требуешь усилий при розжиге»: **Не выругавшись**, огня не вырубил, замка не отонреш; нем. *Einmal blasen macht kein Feuer; Mit Mühe schlägt man Feuer aus dem Stein; Ohne Reibung kein Feuer*.

В результате проведенного исследования нами были выявлены в русском и немецком языках сходные концептуальные признаки: отрицательная /реже положительная оценка; уничтожение; опасность нахождения рядом; очистительная функция огня; связь огня с домом, едой, жизнью вообще; необходимость осторожности в обхождении с огнем. Отмечено также наличие оппозиций «причина – следствие» (огонь – дым) и «свое – чужое»; а также использование 'огонь /feuer' для выражения горячих чувств.

Литература

1. Бирих А.К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. / Под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005.
2. Словарь символов и знаков / Авт.- сост. В.В. Адамчик. – М., 2006.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004.

С.А. Быкова

Одежда из меха в русском языковом сознании на фоне немецкого

Со времён «дремучего» каменного века история человечества неразделима с мехом, который выполнял разнообразные функции в истории культуры. Устрашающий вид римских легионеров с их накидками и шлемами из шкур наводил ужас на врага. Варвары же догадались кроить из шкур одежды, но преследовали они не столько цель устрашения, сколько хотели согреться от холода. Мех служил не только одеждой, наброшенной на плечи, но и подстилкой, заменяя одновременно и постельное бельё, и очаг. Из шкур делали дома, оборудовали жилища. Мех использовали эквивалентно деньгам, рассчитываясь за товары, давали в качестве приданого.

Особыми функциями наделена и одежда из меха. Особое место здесь занимает верхняя одежда из меха – шуба, которая выполняла и выполняет не только утилитарную функцию, но также эстетическую и статусную. Причем проявлением этой статусности в истории культуры выступал и характер покрытия меха, и способ пошива.

Предметом лингвострановедческого рассмотрения в данной статье является концепт «шуба», который занимает особое место в русском языковом сознании. Мы анализируем семантическую структуру русских лексем «шуба» и «тулуп» в сопоставлении с немецкими обозначениями верхней одежды из меха.

Лексема *шуба* в статусе семемы Д1 обозначает «верхнюю просторную зимнюю одежду из меха или на меху (обычно с длинными полами)»: *норковая шуба, теплая шуба*. В данной семеме можно выделить дифференциальные семы: *одежда* (родовая сема), *расположенный поверх одежды* (сема пространственного расположения), *покрывающий тело, защищающий (от холода)* (сема функции). При актуализации семы *расположенный поверх чего-либо* возникла семема Д2 «верхний покрывающий слой, оболочка»,

конкретизируемая также в семеме Д2 «покрыв шерсть у животных»: *заячья шуба*.

На основе актуализации сем *расположенный поверх одежды* возникла семема Д2 «верхний слой, покрытие», которая закрепились в понятии «шубы», как отделки стен, как внешних, так позже и внутренних помещений (*строит.*). Появился также глагол (*спец. лексика*) «шубить», «зашубить» – «покрыть специальным отделочным слоем поверхность стены».

При конкретизации семемы Д2 «оболочка, покрытие» развивается семема К1, связанная с определением снежного покрова: *снежная шуба укрыла поля* (покров); *ледяной шубой запестрели улицы* (при таянии снега и капли снег приобретает вид, внешне схожий с мехом). При этом актуализируются также признаки «шершавый» (на ощупь), «не гладкий» (на такой шубе не споткнёшься, не гололёд). Внешний признак «курчавый», «волнистый» (похожий по текстуре) также возникает при определении понятия «ледяная шуба». В семемах Д2 «шуба» (*строит. термин*) и «ледяная шуба» получает актуализацию сема «защитная функция».

На основе метафорического переноса развилось употребление лексемы «шуба» в названии блюда из сельди, покрытого слоем овощей: *селедка под шубой*.

Отрицательно коннотированное значение у лексемы «шуба» развивается при обозначении нерасторопного, медлительного, глупого человека. Это значение характерно также для лексемы «тулуп».

Слово *тулуп* в русский обиход вошло из тюркского языка. Лексема *тулуп* в статусе семемы Д1 обозначает «длинную, обычно не крытую сукном меховую шубу из овчины, без перехвата в талии, с высоким воротником»: *старый тулуп*. В данной семеме выделяются дифференциальные семы *одежда* (родовая сема), *расположенный поверх одежды* (сема пространственного расположения), *покрывающий, защищающий* (от холода) (сема функции).

В разговорной речи выражение *деревянный тулуп/шуба* обозначает «гроб для человека» на основе актуализации признака «внешняя оболочка». Во фразеологии *одеться в деревянный тулуп* означает «умереть». В основе выражения лежит образное представление гроба, как последней одежды человека. Употребительно также: *деревянной шубой одеться* при реализации значений «сокрытие», «укрытие», «погребение».

В целом, в русских поговорках ярко проявляется особая культурологическая значимость меха и меховой одежды в сознании народа. К наиболее ярким символическим семам, выявляемым на основе семантического анализа, можно отнести следующие: покров, сокрытие, укрытие; богатство, благосостояние; высокий социальный статус.

В немецком языке с выражением понятия «мех» связаны лексемы *Pelz, der* – «мех», «шкура» и *Fell, das* – «мех», «шерсть» (также «шкура», «кожа»). Меховое пальто обозначается лексемой *Pelzmantel, der*, меховой жакет, куртка – *Felljacke*; меховая шапка – *Fellmütze, die, Pelzmütze, die*.

К числу наиболее ярких семантических отличий рассматриваемых русских и немецких обозначений можно отнести следующие:

В немецком языке лексемы *das Fell* и *der Pelz* широко используются во фразеологических выражениях применительно к человеку, характеризуя различные ситуации негативного (часто физического) воздействия на него:

jmdm das Fell gerben = фам. «отколотить кого-л.», «намять бока кому-л.»;
jmdm das Fell über die Ohren ziehen = фам. «надувать, облапошивать кого-л.»;
ihm juckt das Fell = фам. «его давно не били»;
jmdm den Pelz ausklopfen = разг. «намять бока кому-л.»;
jmdm auf den Pelz rücken = приставать к кому-л., наседать на кого-л.;
jmdm auf dem Pelz sitzen = разг. «досаждать кому-л.».

В аналогичных случаях в русском языке используется лексема *шкура*: *на собственной шкуре испытать что-л.*

С этой точки зрения можно отметить более позитивное, в целом, языковое представление концепта «мех» в русском языковом сознании.

Для выражения значения «покров», широко представленном в русской специализированной лексике (напр. *спец. (строит.) шуба дома*), в немецком языке используется прежде всего лексема *der Mantel* (*Mantel eines Ofens*).

Наибольшее сходство наблюдается при актуализации признака «личина». При этом характерна образная актуализация признака посредством соотнесения с общепринятыми коннотациями конкретных пушных зверей:

посл. Шуба овечья, да душа человеческая;

разг. Прикинуться бедной овечкой;

разг. den Schafpelz umhängen;

разг. den Fuchsmantel nehmen – «прикинуться (на время) хитрым для похода по инстанциям».

В отличие от русского языка, в немецком отсутствует прямое упоминание о шубе, как признаке богатства (*шуба лохматая – жизнь богатая*; фолк. *Шуба тепла и мохната - жить вам тепло и богато!* (сажая молодых за стол на шубу)).

Специфична для русского языка и коннотация шубы как трофея или награды, одаривание шубой являлось проявлением высочайшей милости:

Разг. Уст. жаловать шубу с плеча

Разг. Не шубу с плеча жаловать (*ирон.* не такие большие затраты)

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о культурологических особенностях представления концепта «мех» («меховая одежда») в русском и немецком языковом сознании.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования дискурса

З.И. Гурьева, Е.В. Петрушова

Сходство и различия английских и русских бизнес-текстов

Как показали исследования последних лет, бизнес-текст является не только носителем специфических лингвистических характеристик, отличающих его от текстов других сфер жизнедеятельности человека, но и содержит ряд уникальных национально-культурных черт, делающих его ценным лингвистическим выразителем национально-культурных и коммуникативных традиций другого народа.

Результаты сопоставления свидетельствуют о том, что бизнес-тексты, написанные на британском варианте английского и русском языках,

демонстрируют как сходства, так и различия во всех анализируемых аспектах, на всех уровнях текста.

Основные сходства британских и русских бизнес-текстов обусловлены, во-первых, общностью сферы их функционирования – предметной областью «Бизнес» – и тождеством социальных законов, по которым она существует. Во-вторых, они отвечают общим целевым установкам; иными словами, их авторы преследуют сходные цели, решают одинаковые прагматические и коммуникативные задачи и пытаются достичь аналогичных результатов. Отсюда вытекает общность бизнес-текстов в плане: 1) их тематического содержания; 2) способов языкового отражения объективной реальности, проявляющихся в степени совпадения их жанровых разновидностей; 3) характера и уровня отношений между адресатами и адресантами, т.е. социально-профессионального и ситуативно-ролевого статуса коммуникантов; близости или удаленности социальной дистанции между ними, степени их знакомства и т.д.; 4) способов и механизмов тематического развития и достижения текстовой (дискурсивной) связности и цельности; 5) композиционно-тематического структурирования и функций их композиционно-тематических блоков.

Тем не менее, в процессе анализа британских и русских бизнес-текстов были выявлены различия, свидетельствующие об их национально-культурной специфике, которая проявляется во всех аспектах (прагматическом, жанрово-стилистическом, композиционно-графическом) и на всех языковых уровнях (лексическом, лексико-синтаксическом, синтаксическом).

В прагматическом аспекте наиболее яркие различия британских и русских бизнес-текстов обнаруживаются в характере и способе осуществления воздействия на адресата.

Большинство британских бизнес-текстов демонстрируют косвенный или имплицитный характер воздействия, а также сочетание прямого и косвенного способов воздействия, которое в большинстве случаев принимает форму косвенных речевых актов. Это обусловлено спецификой английской национальной коммуникативной культуры, в которой прямое императивное побуждение является категоричным, нетолерантным и, следовательно, некорректным и неприемлемым. Преобладающее использование косвенных языковых форм или сочетание косвенных и прямых способов для осуществления воздействия на адресата, обусловленное стремлением быть максимально тактичным и ненавязчивым по отношению к партнеру – специфическая черта английской коммуникативной культуры, в том числе и деловой.

Полной противоположностью в этом отношении являются традиционно русская лаконичная объективная констатация и категоричное волеизъявление, проявляющиеся в языковых формах и способах осуществления воздействия. Это связано с приоритетностью принципа авторитарного давления, иерархического подчинения между коммуникантами, существовавшего на протяжении десятилетий.

Проявлением традиционной английской вежливости является то, что в английской деловой корреспонденции значительное внимание (по сравнению с русской) уделяется «обратной связи», т. е. четко видно стремление адресанта подчеркнуть важность для него реакции адресата и тем самым побудить его к ответной реакции, увеличив вероятность повторного контакта.

В практике русской деловой корреспонденции адресант, как правило, не использует дополнительных (помимо собственно текста письма) средств для выражения «обратной связи».

Для текстов английских деловых писем обязательно наличие обращения, формы которого варьируют в зависимости от степени знакомства адресанта и адресата, частоты контактов между ними, их социально-профессиональных статусов, близостью или удаленностью социальной дистанции. Также обязательно строгое соблюдение соответствия избранной формы обращения форме завершения письма, в частности, согласно этикетным правилам английского делового письма обращение к адресату по имени *Dear Mr Lindell* требует в завершающей части формы *Yours sincerely*, а обращение к адресату, имя которого не известно, или к группе лиц *Dear Madam, Dear Sirs* требует *Yours faithfully*. К этикетным правилам, связанным с формой обращения, относится и обращение к женщине – деловому партнеру без точного указания на ее семейное положение и предпочтительный выбор формы *Ms*. Данная национально-культурная особенность английского стиля делового общения обусловлена стремлением поддерживать отношения в позитивной тональности в соответствии уже упоминавшимся принципом вежливости, подчеркнутым желанием демонстрировать уважительное отношение к адресату, что особенно важно в случаях отказа или требования.

В текстах русских деловых писем обращение может отсутствовать. Иногда в отсутствие обращения контактоустанавливающую функцию выполняет реквизитный блок с полными данными адресата и его фамилией в дательном падеже.

При анализе языкового аспекта английских бизнес-текстов наибольшее количество различий обнаружено в сфере выбора и использования лексических и фразеологических языковых средств. Для английского делового стиля характерно широкое использование эмоционально-экспрессивной лексики, создающей впечатление личностного субъективного отношения адресанта к сообщаемой им информации или к совершаемым им речевым действиям, например:

I am delighted to tell you... – Я рад сообщить Вам...

I have pleasure in confirming... – С удовольствием подтверждаю...

Авторы русских бизнес-текстов не столь часто и широко используют лексические средства эмоционально-экспрессивного характера, так как в силу русской национально-культурной традиции стиль делового общения характеризуется подчеркнутой безэмоциональностью и неэкспрессивностью, создавая впечатление объективности адресанта по отношению к предметной ситуации, своему адресату или совершаемому речевому действию.

Лаконичность и объективность русского делового стиля традиционно являлись приоритетными, а выражение чувств считалось неуместным в текстах не только деловых документов, но и обычной деловой корреспонденции. Поэтому отсутствие или лишь эпизодическое использование языковых средств эмоционально-экспрессивной семантики в русских бизнес-текстах – проявление его национально-культурной специфики.

Различия между бизнес-текстами обеих коммуникативных культур обнаружены не только на отдельных уровнях текста, но и в наличии безэквивалентных, т. е. существующих только в одной культуре, их жанровых

разновидностей. К таковым относятся, прежде всего, английские письма благодарности (за приглашение на собеседование, за назначение на должность, за ответ на запрос и т. д.), объявления об изменении адреса, уведомления о сокращении штатов, об увольнении служащего или переводе его на другую должность, обусловленные опять-таки английской вежливостью. Существуют и некоторые другие жанровые разновидности бизнес-текстов, прямых аналогов которым в русской бизнес-коммуникации не существует: *Letter of Application*, *Letter of Reference*. Перечисленные речевые действия реализуются в русском языке в документах других видов: характеристике, приказе о назначении или увольнении, заявлении о назначении или увольнении.

Однако даже в тех же случаях, когда можно провести параллель между английским и русским бизнес-текстом в плане их жанровой принадлежности, они могут иметь существенные отличия с точки зрения композиционно-стилистических характеристик. Например, в английской деловой практике широко распространен такой жанр бизнес-коммуникации внутри организации, как меморандум (сокращенно мемо).

Несмотря на то, что подобно другим английским бизнес-текстам, меморандум характеризуется значительной степенью стандартизованности (некоторые фирмы даже имеют стандартные бланки для облегчения труда служащих при написании мемо), в нем присутствуют некоторые проявления авторской свободы, которые выражаются в широком использовании разнообразных языковых средств реализации авторского замысла.

В русском языке меморандуму соответствуют в зависимости от ситуации следующие документы: памятная записка, докладная записка или служебная записка. Основными стилистическими особенностями этих жанров, в отличие от мемо, является строгость в использовании лексики, информативная достаточность при строгом расположении частей.

Говоря о национально-культурном своеобразии русских бизнес-текстов, следует отметить, что, с одной стороны, в современных условиях формирования рыночных отношений русская бизнес-коммуникация интенсивно развивается, переживая при этом определенное давление со стороны западных образцов, о чем свидетельствует проникновение в современную русскую деловую культуру таких исконно английских речевых жанров, как резюме/жизнеописание, интервью и электронное сообщение (e-mail). С другой стороны, русские бизнес-тексты, несомненно, демонстрируют достаточную устойчивость к такому воздействию и сохраняют свою национальную и культурную самобытность.

Е.Ю. Лукьянова

**Гибридный речевой акт типа «бехабитив + директив»,
реализуемый во французских и русских
надписях, вывесках и указателях**

Понятие «речевой акт» остается одним из наиболее популярных в современной лингвистической науке. В работах разных языковедов оно постоянно конкретизируется и уточняется. Это говорит о том, что ученые стремятся рассматривать речевой акт с разных позиций, принимая во внимание разные аспекты его реализации. Так, например, Л.С. Гуревич рассматривает

речевой акт как сложное в языковом, психологическом плане образование, в котором задействованы интерлокутивные силы, где реплика-стимул и реплика-реакция актуализируют содержательную, конструктивную и ситуативную общность, и где прагматическая составляющая является диалогическим единством (Гуревич 2006).

Р.И.Карчевски под речевым актом понимает минимальную коммуникативную единицу текстового уровня, совершаемую в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, выступающую в виде целенаправленного действия говорящего для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации (Карчевски 2002).

Многообразие определений, как правило, порождает большое число классификаций речевых актов, но основополагающими, служащими референтной точкой для других языковедов при выделении типов речевых актов и в настоящее время остаются классификации Дж. Остина и Дж. Серля. Как известно, эти ученые выделили следующие виды речевых актов: вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы, директивы, репрезентативы, экспрессивы. Однако современные исследования показывают, что целое чаще всего дробится на пересекающиеся части, то есть существуют речевые акты, обладающие признаками, характерными для разных иллокутивных актов, и образующие, так называемые, «смешанные» или «гибридные» речевые акты.

Подобное слияние можно, на наш взгляд, рассматривать с точки зрения теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. По мнению авторов этой теории, концептуальная интеграция основана на идее взаимодействия ментальных пространств, определяющихся как сравнительно небольшое концептуальное построение, образуемое в целях понимания того или иного контекста и осуществления соответствующих действий (Бабина 2003, с. 37).

В большинстве случаев говорящий прибегает к интеграции речевых актов для успешного воплощения своего коммуникативного замысла. При этом важно подчеркнуть, что данный коммуникативный замысел может быть реализован в разных формах. Во-первых, как речевой акт, состоящий из одного высказывания, которое, в свою очередь, включает признаки, присущие разным речевым актам. Например, в высказывании *Vous n'avez pas seulement dit bonjour à Marcel* с одной стороны, можно выделить экспрессивный речевой акт, в частности, речевой акт упрека, с другой стороны, – директивный речевой акт. Упрекая своего собеседника, говорящий воздействует на его эмоциональную сферу, он стремится вызвать у него чувство стыда, но при этом адресант также побуждает адресата изменить существующее положение дел: он желает, чтобы в следующий раз его собеседник вел себя более вежливо и поприветствовал Марселя, то есть в данном случае директивный речевой акт направлен на совершение не физического, как чаще всего, а вербального действия со стороны слушающего. Во-вторых, для полной реализации интенции для говорящего иногда не достаточно одного высказывания, и он прибегает к комплексному выражению своего замысла при помощи нескольких высказываний, представляющих собой разные речевые акты. Например: *Je peux lancer la bombe. Restez – là*. В данном примере сочетаются речевой акт угрозы и речевой акт требования. Как правило, в составном речевом акте одно высказывание является доминирующим, а другое – второстепенным. В нашем случае директивный

речевой акт занимает доминирующую позицию, так как в нем непосредственно отражено желание говорящего, а речевой акт угрозы (экспрессивный речевой акт) – второстепенную: в нем говорится о последствиях, с которыми слушающий может столкнуться при невыполнении казулируемого действия.

Вышеизложенное подтверждает то, что гибридные речевые акты служат средством увеличения доли уверенности говорящего в том, что его интенция будет дешифрована адресатом и успешно реализована.

В данной статье рассматривается такой вид гибридных речевых актов, который включает в себя одновременно признаки бехабитивов и директивов. Бехабитивы, по Остину, – это речевые акты, регулирующие общественное поведение коммуникантов, директивы же определенным образом влияют на деятельность адресата (Остин 1986, с. 101).

Ярким примером такого сочетания, как во французском, так и в русском языке, являются различного рода указатели, надписи и вывески, значение которых чаще всего репрезентировано невербально (звонок перед началом или концом урока, светофоры, дорожные знаки, плакаты). Основная их функция – это регулирование общественного поведения, воздействие на деятельность людей.

Сравнивая небольшой корпус указателей французского и русского языков, мы выявили, что в русском языке запрещаемое действие чаще всего репрезентировано эксплицитным способом, то есть оно выражено глаголом в отрицательной форме. Ср.:

По газонам не ходить.

Не курить.

Не шуметь.

Во французском языке достаточно многочисленны примеры, в которых только указывается на запрет, при этом само запрещающее действие не называется: *pelouse interdite* (буквально: газон запрещен), то есть имеется в виду – по газонам запрещено **ходить**; или же запрет выражен косвенно, через слова, указывающие имплицитным способом на запрет осуществления действия. В данном случае семантика самого слова эксплицирует причину запрета. Например, *Peinture fraîche* – *окрашено* (буквально: свежая краска).

Прилагательное *fraîche* – «свежий» в сочетании с существительным *peinture* уже говорит о том, что краска не высохла и что запрещено, например, садиться на скамейку, которую недавно покрасили, поэтому в данном словосочетании легко опускается глагол, прямо указывающий на запрещаемое действие.

Известно, что опущение глагола и особенно глагола-связки для русского языка – это обычное и распространенное явление, а французский язык стремится к сохранению всех элементов, участвующих в синтаксической связи слов и передаче смысла. Тем не менее, в структурной организации французских надписей и вывесок мы наблюдаем нарушение этой закономерности и внедрение тех языковых явлений, которые в большей степени свойственны русскому языку. Например, как и в русском языке, во французских выражениях, используемых в указателях, надписях, вывесках, отсутствует глагол-связка «être». Ср.:

Entrée libre – *вход свободный*;

Entrée interdite – *вход воспрещен*;

Stationnement interdit – *стоянка запрещена*.

Это подтверждает то, что во французском языке большинство предложений, актуализирующих данные концепты, носят номинативный характер. В них, как правило, отсутствует глагол (чаще всего глагол-связка), а регуляторами действий выступают слова, относящиеся к существительным: *L'ascenseur en panne* – *лифт сломан* или к кратким причастиям: *Baignade interdite* – *купаться запрещено*.

Тем не менее, нижеприведенные примеры показывают, что с формальной стороны французские фразы, используемые для репрезентации рассматриваемого вида директивов, не полностью эквивалентны русским. Ср.:

Défense de fumer – *курить запрещено*;

Défense d'entrer – *вход воспрещен*.

Во французской фразе запрет объективируется именем существительным, а в русской – кратким причастием.

Важно также отметить, что в большинстве случаев французские надписи более кратки, «сжаты», состоят чаще всего из одного слова, а их русские эквиваленты представляют собой словосочетания или предложения, где кроме главного слова, используются и зависимые, играющие роль уточнителей, конкретизаторов и определителей. Ср.:

Change – *обмен валюты*;

Complet – *свободных мест нет*;

Correspondance – *переход на другую линию*.

Разумеется, возможны и случаи, в которых наблюдается полная эквивалентность французской и русской фразы в структурном аспекте. Ср.:

Utilisez les passages souterrains – *пользуйтесь подземными переходами*.

Что касается функциональной стороны указателей, то успешность их реализации в обоих языках связана с таким понятием как пресуппозиция (фоновые знания коммуникантов). Так, например, лишь при наличии у всех студентов знаний, что во время ГЭКа необходимо вести себя тихо, указатель – *Тихо! Идем ГЭК* – будет успешен.

Несмотря на то, что в обоих языках большинство вывесок, надписей, указателей представляет собой краткие эллиптические предложения, не отражающие подробной информации, именно благодаря пресуппозициям люди правильно воспринимают данные надписи и соответствующим образом ведут себя в определенных ситуациях. Так, например, при виде надписи «*l'ascenseur - лифт*» люди понимают, что данный объект может быть использован, чтобы подняться и спуститься на необходимый для них этаж. Для этого нужно вызвать лифт (нажать на кнопку), подождать, пока откроются двери, зайти в него и нажать на кнопку, содержащую номер нужного этажа. Такая последовательность действий – сценарий – хранится в сознании каждого человека, знающего, что лифт используется для перевозки людей по этажам, и умеющего им пользоваться.

Таким образом, надписи, вывески, указатели, которые были рассмотрены в качестве примеров гибридного речевого акта типа «бехабитив + директив», с одной стороны, играют роль регуляторов общественного поведения, с другой стороны, они побуждают людей к совершению или чаще всего к несовершению действия, то есть ведут себя как директивные речевые акты. Сравнивая различного рода надписи и вывески во французском и русском языках, мы пришли к выводу, что в функциональном аспекте они имеют много общих черт:

французские и русские надписи практически одинаково воздействуют на поведение как русских, так и французов, и заставляют их поступать в соответствии с правилами, принятыми в данном обществе. В структурном аспекте наблюдается небольшое расхождение: большинство французских предложений, актуализирующих гибридный речевой акт типа «бехабитив + директив», носят номинативный характер. В них, как правило, запрещаемое действие выражается не с помощью глагола, как в русском языке, а заключается в семантике, например, имени существительного или имени прилагательного, употребляемых в данном высказывании.

Литература

1. Гуревич Л.С. Коммуникативный акт в рамках теории речевой деятельности//Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2006. С. 509.
2. Карчевски Р.И. Угроза в терминах типологии речевых актов// Форма, значения и функции единиц языка и речи. – Ч. 2. – Минск, 2002.
3. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке. Дисс. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2003.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.

Л.С. Полякова

Гендерные стратегии в политической коммуникации: сопоставительный аспект

Язык каждого политического деятеля имеет свои характерные особенности: определенный отбор лингвистических средств, применение различных речевых стратегий, что, в свою очередь, позволяет воздействовать на сознание общественных масс. Лингвисты, политологи, психологи, исследуя стратегическую направленность выступлений политиков, рассматривают сознательную направленность выступлений на различные слои общества, то есть выделяют целевую аудиторию. Именно ей, как объекту воздействия, посвящено большинство работ. Учитывая то, что аудитория, перед которой выступают представители власти, состоит из мужчин и женщин, мы считаем, что целесообразным рассмотреть применение образных средств и стратегий в гендерном аспекте.

По нашему мнению, не существует таких групп с одинаковым восприятием, как “бюджетники”, “пенсионеры” или “простой народ”, к которым часто апеллируют журналисты и отдельные российские политики, например, Г.А. Зюганов или Э. Панфилова. Поэтому, из речевых стратегий и тактик, мы выделяем гендерные стратегии и гендерные тактики, непосредственно направленные воздействовать на мужчин или женщин. Это обусловлено тем, что вне зависимости от социального положения индивида, достигнутых им профессиональных вершин, он всегда остается мужчиной или женщиной, то есть ему всегда будут свойственны поведение, мышление и восприятие, присущие именно его биологическому полу, и учет этих особенностей для целенаправленного воздействия с помощью речевых средств в политических выступлениях будет более эффективным. Именно это положение мы берем за

основу определяемого нами термина «гендерная стратегия». **Гендерная стратегия** - это спланированная цель воздействия на мужскую/женскую аудиторию, которая направлена на создание или коррекцию речевого портрета политика и реализуется с помощью определенных *гендерных тактик*. **Гендерная тактика** – гендерно-окрашенные языковые приемы, использующиеся для реализации гендерных стратегий. При этом гендерные тактики осуществляются на уровне отбора языковых средств, которые направлены на достижение стратегических целей и задач.

С целью посмотреть функционирование гендерных стратегий в политической коммуникации, нами были проанализированы выступления политиков – представителей английской и русской лингвокультур, а именно речи: Т. Блэра, Дж. Буша, В.В. Путина, Г.А. Зюганова и Х. Клинтон, М. Олбрайт, М. Тэтчер, В. Матвиенко, Э. Панфиловой.

В рамках проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Для представителей всех лингвокультур оказалось свойственно стремление использовать типичные характеристики мужского и женского речевого поведения в двух аспектах: для придания маскулинных или феминных качеств своей речи и для увеличения эффективности речевого воздействия на слушателей, как для завоевания электората, так и для достижения конкретных задач. Следует отметить, что современные успешные политики отдают предпочтение использованию гендерной стратегии корректирования речевого поведения, когда политик не меняет полностью своё выступление, а видоизменяет отдельные его части.

Если рассматривать речи политиков в сопоставительном аспекте в рамках применения данной гендерной стратегии, то наблюдаются как сходства, так и отличия.

Для англоязычных политиков, в отличие от русскоязычных, более характерно применение гендерной тактики корректирования речевого поведения как синтетического слияния феминных и маскулинных качеств.

Например, Х. Клинтон, объявляя свою инициативу о расширении доступа к здравоохранению для всех детей, то есть, поднимая традиционно «женскую» тему, строит речь на проецировании маскулинных качеств:

It's a disgrace that, in a country that spends \$1.9 trillion on healthcare, nearly nine million children are without health insurance. It's time for Congress to act to protect the most vulnerable among us - our children . - Позор, что в такой стране, которая тратит 1,9 триллиона долларов на здравоохранение, почти у 9 миллионов детей нет страхового полиса. Конгрессу пора принять меры, чтобы защитить самых уязвимых среди нас – наших детей. (March 14, 2007 Clinton Announce Initiative to Expand Access to Healthcare Coverage to All Children)

В приведенном примере Х. Клинтон не только обвиняет Правительство, но и указывает, что необходимо сделать: *Конгрессу принять меры*. Х. Клинтон «увязывает» феминные качества – заботу о детях с маскулинными – оперирование цифровым, то есть фактическим материалом.

Дж. Буш, рассказывая об ужасах войны Израиля и Палестины, использует сочетание высокой эмоциональности и жесткости изложения:

...the world has watched with growing concern the horror of bombings - мир с растущим беспокойством наблюдал за ужасами бомбардировки

В этой фразе, несмотря на развернутую метафору, присутствует и холодный рассказ как бы отстраненного очевидца, но затем следует типично женский речевой оборот:

I call on the Palestenian people - я взываю к палестинцам (G. Bush. President to Send Secretary Powell to Middle East. The Rose Garden April 4, 2002).

Именно глагол *взываю* придает не только особую патетику, эмоциональность, но и выдает беспомощность – у автора нет иных сил и средств воздействовать на палестинцев, как взывать к их чувствам.

Для выступлений русскоговорящих политиков характерно иное применение гендерной тактики корректирования речевого поведения. Коррекция происходит за счет общего смягчения в выборе лексики, например, при подведении итогов работы Санкт-Петербурга не просто отмечаются положительные сдвиги, но все это происходит через подчеркивание совместной работы (*наша общая работа*), диалога:

Политическая стабильность стала нормой, естественной средой, в которой действуют ветви власти. Дискуссии, критика, споры и неизбежны, и необходимы. Они делают наш законотворческий диалог содержательным и честным. (Выступление на заседании Законодательного Собрания СПб 29.03.2006)

Англоговорящие и русскоговорящие политики по-разному используют цитацию как способ применения гендерной стратегии корректирования речевого поведения. Если первые цитируют почти исключительно известных политиков для проецирования на себя качеств авторов цитат, то вторые предпочитают цитировать писателей, поэтов, и только В. Матвиенко иногда цитирует политиков. В отличие от англоязычных, русскоязычные политические деятели используют прием цитации не для проецирования на себя качеств другого человека, а для подчеркивания начитанности, принадлежности к интеллектуальным кругам. И в том, и в другом случае цитация служит средством изменения речевого поведения для придания маскулинных или феминных качеств выступлениям.

Сравним:

Х. Клинтон, призывая США сменить стратегию в Ираке на ведение дипломатических переговоров, цитирует известный политический ход Дж. Кеннеди по решению конфликта с Сов. Союзом: *During the cold war, we spoke to the Soviet Union while thousands of missiles were pointed at our cities, while its leaders threatened to bury us, while the regime sewed discord and military uprisings and actions against us and our allies. That was a smart strategy used by Republican and Democratic Presidents alike, even though it was often a difficult one.* – *Во время холодной войны мы вели переговоры с Советским Союзом в то время как тысячи ракет были направлены на наши города, во время того, как от его лидеров исходили угрозы нас всех похоронить, когда их правительство распространяло конфликты и проводило военные действия против нас и наших союзников. Это был умный стратегический ход, который использовали президенты Республиканской и Демократической партий, хотя он часто был слишком трудным* (Floor Speech on S.J. Res. 45, A Resolution to Authorize the Use of United States Armed Forces Against Iraq. October 10, 2002). Образ Дж. Кеннеди – сильного, легендарного политика не случайно выбран Х. Клинтон, он призван

вызвать положительные ассоциации у граждан США и спроецировать их на автора выступления, придать ей образ сильного политика.

М. Олбрайт, выступая с речью перед выпускниками колледжа, также цитирует Р. Кеннеди: *As you go along your own road in life, you will, if you aim high enough, also meet resistance, for as Robert Kennedy once said, "if there's nobody in your way, it's because you're not going anywhere."* – Когда вы будете идти по жизни, вы столкнетесь с рядом препятствий на своем пути, особенно если вы ставите перед собой достаточно высокие цели. И как однажды сказал Роберт Кеннеди: «Если на вашем пути никто не стоит, это оттого, что вы никуда и не идете» (Commencement Address Mount Holyoke College. May 25, 1997).

У. Черчилля цитируют М. Тэтчер и В. Матвиенко:

М. Тэтчер: *During this past week, I have read again a little known speech of Winston Churchill, made just after the last war. This is what he said: We must find the means and the method of working together not only in times of war, and mortal anguish, but in times of peace, with all its bewilderments and clamour and clatter of tongues.* – За прошлую неделю я ещё раз прочитала малоизвестную речь У. Черчилля, с которой он выступил сразу по окончании последней войны. Вот, что он тогда сказал: «Мы должны найти способы, как работать вместе не только во время войны и страданий, которые приносит нам смерть, но также и в мирное время, со всем беспорядком, протестами и сплетнями (Speech to Conservative Rally at Cheltenham, July 3, 1982).

В. Матвиенко: «как говорил У. Черчилль, школьный учитель обладает властью, о которой премьер-министр может только мечтать» (29.03.06. Ежегодное послание губернатора СПб).

Если М. Олбрайт, М. Тэтчер и Х. Клинтон используют пространные цитации, с пояснением того, что именно они почерпнули из них для себя или решения политической ситуации (умение преодолевать преграды, поиск компромиссов), то В. Матвиенко, прежде всего, демонстрирует свой интеллект, ум, умение похвалить педагогов.

Из всех рассматриваемых политиков отдельно стоит сказать о В.В. Путине, который либо не останавливается на авторстве цитаты, либо ссылается, но не цитирует: *мне жена подарила одну умную книгу, я сейчас ее читаю,... использую интересные фразы* (после паузы, показывает книгу или блокнот как книгу) *Омар Хайям автор, советую почитать* (из пресс-конференции 2007 г.).

Фактически русскоязычные политики, в отличие от англоязычных, не видят возможностей цитации для придания себе дополнительных феминных или маскулинных качеств в реализации гендерной стратегии корректирования речевого поведения.

Необходимо отметить также, что не все русскоязычные политики, в отличие от англоязычных, применяют гендерную стратегию изменения речевого поведения. Например, Г.А. Зюганов и Э. Панфилова подчеркивают в своих выступлениях только присущие своему биологическому полу маскулинные или феминные качества.

В заключение отметим, что применение гендерных стратегий характерно для выступлений как англоязычных, так и русскоязычных политиков, однако имеет свои особенности.

Сопоставительные исследования в прагматике (к анализу стереотипов русского и белорусского речевого поведения)

Для современной отечественной лингвистики сохраняют актуальность сопоставительные исследования речевого поведения в русле прагматики, теоретическую и методологическую основу которых составляют работы В.Г.Гака, И.А.Стернина, И.П.Сусова, И.И.Токаревой, Н.И. Формановской и др. «В сопоставительном плане прагматику можно изучать так же, как и любой другой аспект языка, где идет речь о соотношении формы и функции» (Гак 1992, с.79).

Так, сопоставление русских и белорусских формул речевого этикета одинаковой структуры показало, что при сходстве (например, в обоих языках нейтральными являются формулы рус. *Желаю вам!* – бел. *Зычу / жадаю Вам!*) в них имеются и различия, которые проявляются, прежде всего, в тональности формул, напр.: рус. *Я благодарю Вас!* (возвыш.) – бел. *Я дзякую Вам!* (нейтр.); рус. *Приветствую!* – устаревающее, с оттенком торжественности, уместное в официальной обстановке; бел. *Вітаю!* – официальное или эмоционально-возвышенное (например, в переписке друзей).

Главной задачей сопоставительной прагматики признается «исследование средств, избираемых говорящими на разных языках при реализации одних и тех же типовых коммуникативных задач в сходных ситуациях общения» (Сафаров 1999, с.62). При этом межъязыковыми прагматическими (иначе – узуальными – Барнет 1983, с.25) эквивалентами станут высказывания или образующие их единицы, которым свойственны однотипные интенциональные, коннотативные, перлокутивные характеристики: «для прагматического сопоставления в качестве основы можно было бы принять инвариантные интенцию, мотив и перлокуцию» (Токарева 1996, с.13).

Обязательным условием корректности проводимого сопоставления выступает идентичность речевых актов и параметров коммуникативной ситуации, социальные и историко-культурные параллели. Речь должна идти не о кореферентности предложений, а о «прагматической эквивалентности соответствующих высказываний в контексте речевого акта» (Падучева 1985, с.32). При этом может быть обнаружена эквивалентность полная или частичная, абсолютная или относительная, а также факты безэквивалентности. Так, в ситуации просьбы прагматическими эквивалентами являются русская модель «у меня (есть) + субстантив речевого действия»: *У меня к вам просьба...* и белорусская «я маю + субстантив»: *Вось я да яснага пана маю просьбу* (В.Дунін-Марцінкевіч); *Мы маем прапанову да Вас*. В обеих моделях значение прямой субъектности (*я прошу вас*) уступает место опосредованной характеристике субъекта с оттенками поссесивности и состояния, а не действия, вследствие чего снижается «активность» адресанта. Снижение «активности», ослабление значения субъектности означает понижение коммуникативного ранга адресанта в пользу адресата – так выражается вежливость в оппозиции «выше – ниже».

С точки зрения прагматики межъязыковое сходство обнаруживается, если аналогичные языковые средства выполняют одинаковую прагматическую функцию; различия же могут быть трех типов:

1) **общая прагмема при расхождении форм**: если в русском речевом этикете для передачи вежливости и особой расположенности к адресату используются формы элитива с суффиксами *-эйш-*, *айш-* и префиксом *пре-*: *Приношу огромное спасибо*; *Преогромное* вам спасибо!; *Премного* вам благодарен!, то в белорусской речи их прагматическими эквивалентами выступают лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Словари в целом не рекомендуют использовать элитивные формы в белорусской речи (рус. *Покорнейшая просьба* – бел. *Пакорная просьба*) и предлагают варианты, устанавливающие другой уровень отношений – *свой/чужой*, напр.: *Нижайшее* почтение! – *Маё шанаванне!*, *Покорно* благодарю! – *Пакорна (шчыра) дзякую!*;

2) **одинаковые формы с разной прагматической нагрузкой** и/или с расхождениями в условиях и правилах употребления: в белорусском речевом этикете шире распространены термины родства в их вторичных функциях. В белорусской речи в отличие от русской почти не используются в качестве метафорических апеллативов слова *маці*, *мама*, *бацька*, *тата*; реже, чем в русской, используются слова *сыноч* и *дача*. Зато в русской речи менее активно при обращении к неродственникам используются слова *брат*, *тетя*, *дядя*, при этом они воспринимаются как проявление фамильярности.

3) **наличие прагматической лакуны в одном из языков**: с тенденцией к минимальному выделению адресанта связано появление в белорусских речевых актах благодарности глагольных форм с имплицитным указанием на 1-е лицо: *дзякуй* и *дзякаваць*, не имеющих точных аналогов в русской речи (перевод – *благодарю*): *Дзякаваць* за добрае слова!; *Дзякуй* вам, мае дзевачкі і маладачкі. Эти лексемы имеют тенденцию к субстантивации, то есть правило «минимализации» адресанта способствовало изменению частеречного статуса слова: *Дзякуй табе, старшыня, вялікае дзякуй* (А.Макаёнак); *Вялікі дзякуй нашым настаўнікам!*

В белорусском языке, в отличие от русского, имеются специальные разговорные императивные и индикативные формы совместности, что может свидетельствовать о значимости аспекта совместности в системе отношений носителей белорусского языка: *Сястрычкі, кветачкі, пойдзема на возера купацца!* (К.Каганец); *Пайшліма са мною* (У.Ліпскі); *Станьма, брацця, у шых паходны* (А.Гарун).

Таким образом, при сопоставлении можно выявить случаи полного совпадения, частичного несовпадения и полного несовпадения. Сопоставительный подход выводит исследователя и на проблемы этнолингвистики: «различия в способах оформления аналогичного содержания могут быть обусловлены различиями в языковом видении мира носителями каждого из языков» (Зенчук 1997, с.145), в наличии этноспецифических традиций.

Именно в таком аспекте в рамках белорусско-русского сопоставления автор статьи изучал функционирование лингвопрагматической категории персонализации (Пивоварчик 2002), например, использование в близкородственных языках разных форм для обозначения адресанта или адресата: выбор лично ориентированной или безличной формы, выбор

эксплицитного или имплицитного способа представления участников речевой ситуации, тенденция «самоустранения» или «эгоцентриции» субъекта речи и т.д.

Поскольку различия между формальной структурой категорий близкородственных языков относительно невелики, на первый план выходит сопоставление функционирования сходных категорий: выявляются различия в функционально-стилистической значимости категорий, в степени употребительности категориальных средств и значений и т.д. Таким образом, предметом анализа становятся функциональные различия: использование маркированных или немаркированных форм, использование форм в первичном или вторичном значениях, частотность, правила функционирования, зависимость от определенных условий контекста, прикрепленность к тем или иным типам речевых ситуаций, функциональные лакуны и т.д.

Рассмотрение системы средств и значений универсальной языковой категории персональности, практически тождественных в русском и белорусском языках, в контексте национальных норм и правил речевого поведения, позволяет увидеть различия в «поведении» этой категории в речи, особенности ее актуализации в коммуникативных ситуациях. Эти различия обусловлены, в частности, и тем, что если русское речевое поведение формировалось в основном целно, на своей собственной почве, то белорусское – под одновременным сильным влиянием русской и польской культур, расцениваемых носителями белорусского языка в качестве более престижных, в силу чего в белорусских стереотипах отмечаются очень разные черты, слияние разных тенденций, но благодаря этому – и особая гибкость, высокая вариативность, большие возможности выбора из тех или иных единиц с одинаковой прагматикой.

Речевое поведение белоруса в роли адресанта построено во многом на стратегиях самозащиты, невмешательства, неактивности: – *А каб у каго другога ўбачыў? – І ўхваляў бы, і не ўхваляў, – з мужыцкай хітрасцю сказаў Кагут. – Я, брат, ніколі нікому нічога ніякага...* – Ну, а калі што якое? – Ну, **а калі што якое, дык што ж тут такое, яно ўжо...** (У.Караткевіч). Такие стратегии реализуются тактиками избегания прямых ответов и прямых речевых актов, передачи коммуникативной инициативы собеседнику: *У пабуд слова не кіне. Зараней – калі што якое – абмяркуе, праверыць і тады скажа: «Я нічога не знаю і не ведаю! Я малапісьменны чалавек. Мо яно і зусім не вартае і зусім дурное, што я кажу. Але паколькі кожны чалавек мае права казаць...» І так заўсёды. Заўсёды другога лічыць вышэй за сябе* (С.Баранавых). Задачи самоутверждения и саморекламы адресант-белорус перед собой не ставит: его основное проявление как говорящего – в выражении чувств к адресату.

В белорусском речевом этикете значение вежливости часто реализуется как отражение «вещной» интенции адресанта, результатом которой становится смена обладателя; эта интенция закреплена во фразеологизмах *аддаць «бывай здароў», аддаць «добры вечар», даць «памажы божа», ганьбы не даваць, даць ласку: Дзе б ні гасціў, дзе б я ні быў, Бы ласку даючы мне тым: Ты, кажуць, многа перажыў, Ты ветэран, вядомы ўсім!* (П.Броўка).

Многие русские предикаты вежливости не имеют полных эквивалентов в белорусском языке; так, при переводе русских речевых формул с глаголом *изволить* в форме 2-го лица мн. ч. изъявительного наклонения (*Вы тоже изволите ехать в Москву?*) на белорусский язык глагол *изволить* опускается, а инфинитив второго глагола переводится соответствующей личной формой. Для

других русских формул с адресативными предикатами вежливости прагматическими эквивалентами выступают устойчивые конструкции с лексемой *ласка*: рус. *Извольте, сударь, надеть, а то сыро* (А.П.Чехов) – *Майце ласку, васпане, апрануць, бо сыра* (перевод Я.Брыля); рус. *Ты меня очень обяжешь* – бел. *Ты зробіш мне вялікую ласку*. Белорусский модальный фразеологизм вежливости *калі ласка* и его менее употребительные варианты *як ласка, што ласка, на ласку*, а также соответствующие им дериваты слова *ласка* отличаются многофункциональностью, а это является показателем того, что *ласка* формирует основу аксиологической системы белорусского этикета, определяет характер отношений собеседников во всех сферах их жизни – в семейном быту, в официальной обстановке, при случайной встрече с незнакомыми и т.д.

Конечно, в каждом из языков имеются специфичные персонализационные средства (напр., в русском – предикаты *изволить, соблаговолить, угодно*; апеллятивы *сударь, господин*, стяженные патронимы, редуцированные вокативы; в белорусском – лексема *ласка*, ласкательные дериваты *васпанечка, таварышок*, наличие специализированных форм совместного действия, большое количество трансформированных полонизмов). Однако различия между русскими и белорусскими речевыми формулами обнаруживаются не столько в наборе средств и способов экспликации персонализации, сколько в узусе, в неравной предпочтительности в выборе того или иного средства и их комбинации.

Так, в белорусской речевой культуре играют особую роль неполные имена; к собственно белорусским вариантам имен личных с присущей им «ласкавасцю і мілагучнасцю» (М.Федеровский) можно отнести имена *Алесь, Кастусь, Юрась, Сяргук*, широкое использование которых наблюдается в современных белорусскоязычных СМИ (при наличии вариантов – в том числе и в записи в паспорте – *Аляксандр, Канстанцін, Юрый, Сяргей*). Сокращенные формы личных имен *Коль!, Сонь!* в большей степени характерны русской речи, зато в белорусской речи до сих пор активны формы звательного падежа *Марысю!, Васіле!*, выражающие уважение, дружескую участливость, нежность, сердечность и т.д.

Обращения по имени-отчеству и отчеству на сегодняшний день являются самым нейтральным этикетным средством в русском и белорусском речевом общении, но в работах ряда белорусских исследователей встречаются замечания о том, что эти формы – русизмы, что они не были характерны для белорусской речи и поэтому при использовании в качестве апеллятива не несли коннотации вежливости, ср. с переводом: рус. *Куда же ты пойдешь, Степаныч?* (В.Гаршин) – бел. *Куды ж ты пойдзеш, Васіль?* (перевод Ядвигина Ш.). В белорусской речи устойчивыми оказались два параллельных способа выражения вежливости к близко знакомым: при обращении к носителю высокого социального статуса (должности), обычно к городскому жителю, используется апеллятив по отчеству (доминирует ось *верх/низ*); при обращении к человеку зрелого, пожилого возраста, обычно жителю села, – формула «термин родства + имя» (ось *свой/чужой*): – *Што, дзядзька Вінцэс, заблудзіўся?* – *Не, Нічыпаравіч, не заблудзіўся, бяда ў мяне* (І.Галубовіч).

Таким образом, национальная специфика персонализации обнаруживает себя в том, какое место в структуре речевой ситуации отводится каждому из ее

участников, кому и какими средствами отдается приоритет, как соотносится понятие лица с общей системой речевых отношений.

Литература

1. Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М., 1983. – С. 9-29.
2. Гак В.Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С. 78-90.
3. Зенчук В.Н. О способах грамматической реализации субъектно-объектных и бессубъектных значений в русском и сербском языках // Сопоставительное и сравнительное исследование русского и других языков: Докл. IV Междунар. симпозиума. – Белград, 1997. – С.144-149.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 1985.
5. Пивоварчик Т.А. Персонализация в русских и белорусских стереотипах речевого поведения: национально-культурная специфика // Е.Ф.Карский и современное языкознание: Матер. IX междунар. Карских чтений, Гродно, 16-17 мая 2002 г. – Гродно, 2002. – Ч.2. – С. 38-53.
6. Сафаров Ш. Речевые действия этноспецифической личности // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 61-66.
7. Токарева И.И. Сопоставительное изучение речевого поведения: проблемы, принципы, теория. Серия «Сравнительно-типологические исследования», № 4. – Минск, 1996.

Л.М. Борисова

Способы оценки речевого поведения в художественном дискурсе (на примере новеллы Вернера Хайдучека «Прегрешение» и его русского перевода)

В новелле В. Хайдучека представлена трагическая история взаимоотношений уже не молодых людей, относящихся к разным мирам, коими являлись Восточная и Западная Германия. Зародившееся чувство двух людей оказывается бессильным перед предубеждениями окружающих их людей, близких и чужих, над которыми довлеют общественные стереотипы. Специфика художественного повествования в новелле определяется тем, что ключевые моменты повествования характеризуются присутствием текстоорганизующих оценочных речевых действий. Имеет место как оценка персонажем речевого поведения другого героя, так и своего собственного. К подобного рода оценочным усилиям герои новеллы прибегают всякий раз, когда речь идет о важных для дальнейшего повествования формулировках. Сопоставительный анализ ниже приведенных фрагментов в тексте оригинала и тексте перевода выявляет различия в обозначениях речевого поведения повествователя как на семантическом, так и на синтаксическом уровне, а также различия в способах оценки:

♦ Er wollte gerade von seinem Stuhl aufstehen und in die Genossenschaft gehen, da fragte Elisabeth Bosch: «Warst du schon einmal in Hamburg?» Reimelt *find es eine eigenartige Frage*. «**Konfus**», **ihm fiel kein anderes Wort dafür ein**. Nein, er war nicht in Hamburg gewesen. Warum auch? Es war dort nicht sonderlich anders als in Rostock (Heiduczek, с.85).

– Ср.: Потом уже, когда он собрался зайти в правление кооператива, Элизабет вдруг **огорошила его вопросом**:

– ты бывал когда-нибудь в Гамбурге?

Вопрос показался Раймелъту странным. «**Экая чушь**», - подумал он, **другое слово как-то не подвернулось**. Нет, Раймелът не бывал в Гамбурге. Нечего ему там делать. Что Гамбург, что Росток – *один черт*. (Хайдучек, с. 93).

Обратим внимание на эмоционально окрашенное, экспрессивное фразеосочетание огорошила вопросом вместо нейтрального немецкого *fragte (спросила)*, слово не подвернулось вместо «*ihm fiel kein anderes Wort ein*» (*sich erinnern* - вспоминать). Отметим также, что в русскоязычном переводе лексема *чушь* имеет ярко выраженную негативную оценку сказанного, в то время как лексема *konfus* (Adj.) в тексте оригинала обозначает *растерянный, озадаченный* (ср. - *konfus werden* - сбиваться с толку). Данное значение указанной лексемы поддерживается в тексте оригинала и последующим вопросом: *Warum auch?*, в то время как в тексте перевода вопрос заменяется категоричным утверждением *Нечего ему там делать*. Более резкая тональность русскоязычного перевода проявляется и в заключительном пассаже: вместо нейтрального *nicht sonderlich anders: не очень отличалось*, переводчик использует фразеосочетание: *что..., что... – один черт*.

♦ In der Kantine setzte sich der Wirtschaftsredakteur zu ihm, und zwischen Schnitzel und Birnenkompott sagte er mit leichtem Grinsen: «Deine Schwester und Roland Herboth, im Chemiekombinat *tuschelt man von einer Liaison*».

Hans konnte sich nicht erklären, **warum ihn gerade das Wort >Liaison< derart aufbrachte**. Vielleicht war es gar nicht das Wort, sondern das Grinsen des Mannes. Der Wirtschaftsredakteur war auf eine grobe Erwiderung gefaßt, aber Hans grüßte zum Nachbartisch, ging dann, als hätte er den Satz nicht gehört. (Heiduczek, с. 87-88).

– Ср.: Твоя сестра и Роланд Хербот... На химкомбинате поговаривают, будто у них *интрижка*.

Ханс не мог себе объяснить, почему **именно слово «интрижка» так его возмутило**. Может, и не само слово, а ухмылочка собеседника. Тот, судя по всему, ждал резкой отповеди, но Ханс поклонился кому-то за соседним столиком и ушёл, словно ничего не слышал (Хайдучек, с. 94).

В приведенном примере речевое действие персонажа становится предметом оценки другим персонажем. В тексте оригинала для обозначения любовных отношений между двумя людьми (сестрой Ханса и женатым мужчиной) одним из персонажей используется лексема *Liaison*, которая маркируется словарем (Handwörterbuch, с.733) для обозначения любовных отношений как устаревшая, что, на наш взгляд, является попыткой смягчить формулировку соответствующей информации, что поддерживается далее и глагольной лексемой *tuscheln- (heimlich) miteinander flüstern* (Handwörterbuch, с1174) – тайно шептаться друг с другом, подчеркивающей, что об этом не говорят явно, открыто. Используемая в тексте перевода лексема *интрижка* уже отягощена пренебрежительным оттенком, усиливающим незначительность, ничтожность, непродолжительность подобного рода отношений, что в корне не соответствует истинному характеру отношений между данными людьми. Использование лексемы *ухмылочка*, имеющей грамматический признак уменьшительности (ср. *das Grinsen* –существительное, образованное от неопределенной формы глагола

grinsen(ухмыляться), привносит в контекст дополнительный издевательский оттенок.

♦ Sie erfuhr, dass Herboth's zwei Jungen hatten, sieben und neun, dass beide an den Kindern hingen, der Mann und die Frau, und dass es schrecklich wäre, sich vorzustellen, alles sollte kaputtgehen, **bloß einer kurzen Liebschaft wegen. An dem Wort hielt Bettina Herboth fest, und Elisabeth Bosch ärgerte sich darüber.**

Was für ein dummes Gerede, dachte sie, «ihm zuliebe aufgegeben». Vielleicht hatte sie das Studium nicht geschafft, und der Mann war ihr gerade recht gewesen. Immerhin fuhr sie einen roten Lada, und ein Haus besaßen sie sicherlich auch. **«Kurze Liebschaft»- dafür war ihr Mascha zu schade. Sie suchte nach einem Wort, das sie der Frau hätte entgegenhalten können, aber sie fand keins.** (Heiduczek, с.122-123).

– Ср.: В слово «интрижка» Беттина Хербот вцепилась, будто клещами, а Элизабет это очень рассердило. Что за вздор несёт гостья, «ради него забросила». Может, и не забросила вовсе, а просто не потянула, и замужество пришлось ей очень кстати. Приехала, небось, на красной «Ладе», и собственный дом у них тоже наверняка есть. «Глупая интрижка» - её Маша выше этого. Она подыскивала слова, чтобы достойно возразить этой женищине, но ничего подходящего не нашла. (Хайдучек, с. 108).

В русскоязычном переводе наблюдается повышенная экспрессивность характеристик речевого поведения персонажей: ср. оценочное сравнение «вцепилась, будто клещами» и *an dem Wort festhalten* (an etwas festhalten в переносном смысле: bei etw. bleiben, auf etw. beharren, nicht von etw. abgeben – придерживаться чего-либо, настаивать на чем-либо, т.е. в данном случае сравнительно нейтральное: не желать использовать другое слово, кроме как «интрижка»).

И если в тексте перевода акцент смещается путем использования определения *глупая интрижка* в сторону презрительно-пренебрежительной оценочности взаимоотношений двух людей, в тексте оригинала фигурирует выражение *kurze Liebschaft* – недолговременная любовная связь, подчеркивающее незначительность, а самое главное – преходящий характер этих отношений. *Dummes Gerede* (глупая болтовня) – оценка речевого поведения персонажа героиней новеллы трансформируется в тексте перевода в активную конструкцию: *что за вздор несет гостья*, в основе которой фразеосочетание с ярко выраженной персонифицированной негативной оценочностью. Налицо разная тональность и реакции главной героини на обозначение романа её дочери с господином Хербот: в оригинале: *краткая связь - ей было жаль дочь, если бы это было так*, в русскоязычном переводе как защита от унижения после пренебрежительно-уничижительного *глупая интрижка* следует: *ее Маша выше этого*. И далее на метакоммуникативном уровне эксплицитно заявлено о сложности в подборе слов, чтобы дать достойный отпор госпоже Хербот.

♦ Am nächsten Morgen rief Reimelt Hans Bosch in der Redaktion an. Es sei Arbeitsbesprechung, sagte die Sekretärin. «Dann holen Sie ihn raus», schrie Reimelt ins Telefon. Die Sekretärin war so verdattert, dass sie ihren Chef aus der Sitzung rief, was sonst nicht sein durfte. **Ob es denn wirklich derart pressiere**, fragte Hans ärgerlich, **und der Bürgermeister, durch dieses pinkelfeine Wort- so seine Bezeichnung-, erst recht in die Rage gebracht**, erwiderte, Hans Bosch möge sich gefälligst um die Mutter kümmern, der nämlich flögen blaue Möwen im Kopf. Hans Bosch glaubte, nicht richtig gehört zu haben, Reimelt jedoch meinte, *dass er sehr gut*

verstanden habe, blaue Möwen. Damit legte er auf und dachte, **pressieren, was für ein feiner Pinkel**. Kümmere dich gefälligst um deine Mutter, ein Nichts wärst du ohne sie, ein Nichts. (Heiduczek, с.146-147).

– Ср.: Ханс взял трубку и с досадой спросил, неужели дело настолько не терпит отлагательства, **а бургомистр окончательно завёлся из-за выражения «не терпит отлагательства» - это ж надо, какой выпендрёж!** - и сказал, чтобы господин редактор лучше позаботился о своей мамаше, не то у неё синие чайки в голове заведутся. Ханс Бош подумал, что ослышался. Раймельт же считал, *что высказался более чем понятно*: синие чайки. (Хайдучек, с. 119).

В вышеприведенном примере в тексте оригинала используется глагольная лексема французского происхождения *pressieren*, приводящая в ярость бургомистра, который характеризует ее как «pinkelfeine Wort», и, уже положив трубку, опять возмущается по поводу произнесенного Хансом Бошем слова *pressieren*, называя сказавшего это слово человека *feiner Pinkel* – выражением, маркированным словарем как грубое, для обозначения человека, который разыгрывающего из себя очень благородного: *ein feiner Pinkel - salopp: jmd., der sich als feiner, vornehmer Herr aufspielt* (Handwörterbuch, с. 872). И если в немецком языке употребляется слово (*pressieren*), то в тексте перевода употребляется канцелярское выражение, которое персонаж оценивает негативно, результатом чего является употребление последним выражения со сниженной оценкой.

Отметим также, что в тексте оригинала в соответствующем фрагменте слово, которое привело бургомистра в ярость не повторяется, а дана только оценка этому слову со ссылкой на автора этой оценки, в тексте же перевода повторяется само выражение, лишь затем дается оценка услышанному, что репрезентирует различное присутствие повествователя в данном фрагменте повествования.

♦ Jacob Alain konnte im Hafen nicht verheimlichen, dass er sein Haus herausputzte. «Wie zu einer Hochzeit», sagte jemand. *Und da entfuhr es dem Alten: «So ist es». Er bereute es gleich darauf wieder, aber nun war nichts mehr zurückzunehmen.* Die Kollegen wollten wissen, wer und von wo und wann? (Heiduczek, с.147).

– Ср.: Якоб Ален не смог скрыть от портовиков, что приводит в порядок свой дом.

– Всё равно как на свадьбу, - сказал кто-то. *И тут у него невольно сорвалось:*

– Так оно и есть.

Он сразу пожалел о сказанном, но слово не воробей.

Они полюбопытствовали, кто она да откуда. (Хайдучек, с.119).

Отметим, что использование пословицы в тексте перевода повышает экспрессивность оценки выполненного речевого действия.

♦ Более экспрессивным является и фразеосочетание *слово подвернулось* в тексте перевода, нежели чем выражение в тексте оригинала:

Dann wollte sie eine Zigarette, und Alain war überrascht. Er wußte nicht, daß sie rauchte.

«Charmeur».

Das Wort war mit einem Male da, verloren nahezu ein Leben hindurch, **nun ging es ihr von der Zunge, als gebrauchte sie es Tag für Tag.** (Heiduczek, с. 97).

– Ср.: Потом она попросила сигарету, и Якоб очень удивился. Он даже не знал, что она курит.

- Шармёр.

Вдруг подвернулось слово, которое она не вспоминала целую жизнь, а теперь оно вдруг слетело с языка, будто она каждый день его произносит (Хайдучек, с. 98).

♦ Сложности в процессе формулирования для оптимального обозначения чувств и эмоций репрезентированы в следующих примерах, различающихся в текстах перевода и оригинала по своему синтаксическому объему и оформлению:

Und vielleicht war das der Grund, warum sie immer wieder darüber nachsinnen mußte, wie denn nun das Meer war: riesig, groß, unendlich. Wahrscheinlich wußte es Alain selbst nicht, oder er wußte es, **und es gab kein Wort dafür wie für so vieles, dem sie begegnet war.** (Heiduczek, с.108).

– Ср.: Но может, именно поэтому она снова и снова задумывалась о том, какое же оно, море, на самом деле: огромное, большое, бесконечное. Может, Алэн и сам этого не знал, а может, и знал, **но не было таких слов, чтоб описать море, как нет их для многого, с чем она встречалась на своем веку.** (Хайдучек, с. 102-103).

Etwas, von dem man hätte glauben sollen, es sei längst tot, lebte wieder auf. Die Frau fühlte sich auf eine ihr unbekannte Art froh, wollte dem Mann sofort antworten, **fand aber nicht die rechten Worte** und ließ es am Ende sein. Sie half bei der Kartoffelernte, und später waren die Rüben aus der Erde zu holen (Heiduczek, с.66).

– Ср.: В ней вдруг ожило то, что считалось давно умершим. Женщина почувствовала какую-то незнакомую ей радость, хотела сразу же ответить, **но не сумела найти подходящие слова** и отказалась от своего намерения. Она помогала копать картошку, а там подошла очередь брюквы (Хайдучек, с. 85-86).

♦ Более явно на метаакциональном уровне репрезентирован процесс формулирования и его оценка в тексте оригинала в следующем примере:

Erschrocken war sie nur gewesen, als der Arzt ihr nach der Untersuchung jeden Zweifel genommen hatte: «Sie sind schwanger». - **«Erschrocken war nicht einmal das richtige Wort dafür, eher «ungelegen», ja, das war's, es kam ihr ungelegen.** Das Studium, die Prüfungen, die Mutter, nicht zuletzt Herboth (Heiduczek, с.133).

– Ср.: Страх она испытала только один раз, когда врач, осмотрев её, развеял последние сомнения: «Вы беременны». **«Страх» вообще не совсем то, что она испытала, уж скорей она подумала, до чего ей это некстати.** Занятия, экзамены, мать и, не в последнюю очередь, сам Хербот. (Хайдучек, с. 113).

♦ Смена ракурса активного и пассивного восприятия предпринятой формулировки с некоторым смещением оценочного компонента: *dummer Satz-нелепая фраза* имеют место в следующем примере:

– Ср.: Ребенок многое улаживает, вспоминала Маша. **Фраза показалась ей нелепой.** Она не могла бы сказать, от кого её слышала. Мать, та наверняка порадовалась бы. (Хайдучек, с. 113).

Ein Kind bringt vieles in Ordnung, dachte Mascha. **Sie fand es einen dummen Satz.** Sie wusste nicht, wo sie ihn gehört hatte. Die Mutter hätte sich übers Kind gefreut... (Heiduczek, с.134).

♦ Различная модальность оценки формулировки имеет место в следующем примере:

Ihn verwunderte, wie ruhig die Mutter die Nachricht aufnahm, nahezu, als interessiere es sie nicht.

«Fahr nur».

Es hörte sich an, als wäre sie froh, dass er wegging. Hans fürchtete nun doch, **es könnte etwas hinter Reimelts merkwürdiger Formulierung stecken**. (Heiduczek, с. 151).

– Ср.: Ханса удивило спокойствие, с каким мать выслушала его слова, почти так, будто её это ни капельки не интересует.- Вот и поезжай.

Звучало так, будто она радуется, что он уедет. Ханс опять заподозрил, **что за странной формулировкой Раймеля всё-таки что-то скрывается**. (Хайдучек, с. 120).

♦ В ниже приведенном примере в текст перевода добавлена модальность с выходом на метаакциональный уровень оценки формулировки:

Er wollte allein sein, wollte *keine zermürbenden Diskussionen mit Regina*, die nichts einbrachten als Missverständnis und neuen Streit. „Du wirst platt, mein Lieber. **Karrierist, das steckte doch dahinter**. Wenn sie ihn hier sitzen sähe, würde sie sagen: Selbstdenunziation. Was verstand sie schon? (Heiduczek, с.158).

– Ср.: Он (Ханс – Л.Б.) хотел побыть один, он боялся *изматывающих перебранок* с Региной, которые ни к чему не приводили, кроме новых ссор. «*Ты становишься банальным, мой дорогой*» **«Карьерист» - вот как надо толковать эти слова**. А уж доведись ей увидеть его в кабинете у Рудольфа, непременно сказала бы: «Самооговор». Да что Регина вообще смыслит в жизни? (Хайдучек, с. 123).

♦ Разными лексическими индикаторами (Ляпон 1986) на метаакциональном уровне вводятся текстоорганизующие речевые действия (Firle 1987, с.56) в следующем примере – в тексте оригинала присутствует индикатор парафразы: *oder anders gesagt* (*иначе говоря*), в тексте перевода реформулирующее действие вводится индикатором текстоорганизующего речевого действия уточнение – *или, точнее сказать*:

Er hatte, wie er meinte, sich im Hafen eine rechte Drecksarbeit andrehen lassen. Es gab einige Mark mehr zu verdienen, aber das Geld war's nicht. Türken und Jugoslawen hätten den Job ganz gern übernommen. Schuld trug Elisabeth Bosch, **oder anders gesagt**, Alains Wunsch, etwas für sie zu tun.(Heiduczek, с.70).

– Ср.: Конечно, тут можно было зашибить несколько лишних марок, но согласился он не из-за денег. Вдобавок ту же самую работу с превеликой охотой выполнили бы турки и югославы. Нет, во всем была виновата Элизабет Бош **или, точнее сказать**, желание Алена хоть что-то для неё сделать (Хайдучек, с. 87).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что способы вербализации оценки речевого поведения персонажа в русском и немецком языках в основном совпадают и реализуются в речевых действиях аукториального повествователя; в эксплицитной негативной оценке пропозиционального содержания выполненного персонажем речевого действия в прямой речи; речевых действиях персонажа, репрезентирующих его сложности в процессе формулирования, обусловленные высокой степенью эмоционального волнения; в текстоорганизующих речевых действиях в форме самоинициированного парафразирования и уточнения. Однако, как показал проведенный анализ, в русском языке в тексте перевода оценка речевого поведения носит более ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер, имеет иные, часто сниженные, негативные стилистические значения.

Литература

1. Firle M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation. – Berlin, 1987.
2. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in zwei Bänden. – Berlin 1984.
3. Heiduczek Werner. Reise nach Beirut. Verfehlung. Zwei Novellen. – Halle Leipzig, 1986.
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986.
5. Хайдучек Вернер. Прегрешение. Повесть (перевод с нем. С. Фридлянд).// Иностранная литература. – № 1 – М., 1989. – С. 78-125.

Раздел 7.

Сопоставительная лингвокультурология

В.Б. Гольдберг, Л.М. Исаева

Мифологемы в художественном сравнении как фактор актуализации национального самосознания (на материале английского и русского языков)

Предметом исследования является художественное сравнение, в качестве когнитивной основы которого выступает актуализация мифологического опорного знания.

Ранее было показано, что выделяемый нами по выполняемой функции тип знания – опорное знание, противопоставляемое уточняемому – выполняет важную роль в процессах освоения мира, формирования и передачи нового знания. Опорное знание – это как бы «намеки» на известную информацию, которая помогает сделать вывод относительно новой передаваемой информации, т.е. осмыслить новый объект путем семантического вывода, или инференции (Гольдберг 2008). Актуализация опорного знания представляется одним из путей реализации «ориентирующей» функции языка (Кубрякова 2008, с. 43).

В процессе построения теории языковой репрезентации опорного знания было выявлено, что важными элементами в содержании опорного знания являются «когнитивная опора» и «опорный признак» (Гольдберг 2009). Когнитивная опора представляет собой концепт, профилируемый в данной ситуации в целях мысленной опоры на него при формировании нового знания. В качестве когнитивной опоры могут выступать универсальные, культурно специфические и даже индивидуальные концепты. Культурно специфические концепты представляют собой кирпичики, из которых складывается национальное самосознание народа. Примером культурно специфических когнитивных опор могут служить мифологемы национального фольклора. Мифологемы – это «конструкты народной фантазии, обобщённо отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций, одушевлённых существ, которые мыслились архаическим сознанием как вполне реальные» (Википедия). Объект реального или виртуального мира, отражаемый концептом, мы обозначим термином «опорный объект». Лексическую единицу или группу в составе

художественного сравнения, репрезентирующую когнитивную опору, назовем «опорным элементом»; на нашем материале им являются мифонимы. Признак опорного объекта, осмысляемый и профилируемый с целью опоры на соответствующую концептуальную характеристику в процессе интерпретации какого-либо предмета, явления или ситуации, мы квалифицируем как «опорный признак». Проецируя знание об опорном признаке, например, на образ человека, находящегося в фокусе внимания, мы можем получить инферентное знание об оценке наблюдателем этого человека.

Далее рассмотрим некоторые английские и русские художественные сравнения, где в качестве когнитивных опор выступают мифологемы – концепты, отражающие наши представления о персонажах национального фольклора, и попытаемся выявить профилируемые в этих контекстах опорные признаки. Исследуемые примеры заимствованы из национальных корпусов английского и русского языков (BNC; НКРЯ).

She looked like a pixie sometimes, her eyes darting here and there, forever watchful (M. Binchy).

В качестве опорного элемента выступает мифоним *pixie*. Слово *sometimes* указывает на то, что наблюдатель сфокусировал внимание на изменяющихся, динамичных признаках в облике девушки, опираясь на знание о динамичных характеристиках в содержании концепта *PIXIE*. Для того, чтобы их выявить, следует обратиться к когнитивной опоре *PIXIE* и выявить содержание этого концепта. *Pixie* – мифическое существо, характерное для фольклора юго-западной Англии (Рум 2003). *Pixie or pixy – an imaginary magic creature like a small person with pointed ears who can do magic* (MED). Пикси обычно изображаются с колпаком на голове, который закрывает прищуренные, боящиеся солнечного света глаза; они любят озорные забавы (сбивать с дороги путников, красть лошадей); пикси помогают по дому, но работа им быстро надоедает, и они бросают ее при первом же удобном случае (МЭ).

На основании приведенных источников в концепте *PIXIE* выделяются следующие динамические, т.е. не постоянные, характеристики, которые в анализируемом контексте отражают опорные признаки: *прищуренные глаза, боязнь света, озорство, неусидчивость*. Проецируя эти характеристики на образ девушки, мы выводим информацию о ее поведении и психологическом состоянии в данной ситуации, какими они видятся наблюдателю: она, возможно, прищуривала глаза, боязливо оглядывалась, как бы готовая к озорству или побегу. Подтверждение признака *боязливо оглядывалась* находим в контексте: *her eyes darting here and there, forever watchful*, ср. *watchful – vigilant or alert; closely observant* (Webster).

В рассмотренном примере в качестве опорных признаков выступают: конкретно-чувственный визуальный признак *прищуренные глаза* и другие признаки, информация о которых хранится в памяти носителя языка, знакомого с персонажами родного фольклора (*боязнь света, озорство, неусидчивость*).

При описании пронзительного крика, вопля человека в сравнении в качестве опорного элемента авторы часто используют мифоним *banshee*, обозначающий существо, характерное для шотландского и ирландского фольклора (Рум 2003). Это заставляет думать, что вопль, пронзительный крик банши имеет некоторые специфические черты. Для того, чтобы выявить опорные признаки, профилируемые при подобном описании человека, необходимо

проанализировать содержание концепта BANSHEE, обратившись к словарным дефинициям существительного banshee и ряда глагольных компаративных сочетаний с данным опорным элементом: banshee – a female spirit who gives a long sad cry as a warning to people that sb in their family is going to die soon (OALD); wail/ howl/ scream like a banshee – to make a lot of unpleasant noise by shouting or crying (MED). Исходя из этого, можно назвать некоторые характеристики концепта BANSHEE, отражающие опорные признаки: *имеет женский облик, издает отталкивающе громкий протяжный плач, пронзительный крик, предвестник смерти*. Видимо, знание и профилирование данных опорных признаков позволяет достаточно адекватно интерпретировать представление наблюдателя о состояниях и действиях персонажей в следующих ситуациях:

If that didn't work she'd run like hell and scream like a banshee, but she wasn't about to tell him that, especially since those long legs of his looked as though they could overtake her in seconds (R. Elliot) – героиня предполагает отпугнуть человека, представляющего для нее источник опасности, и привлечь внимание окружающих отталкивающе громким пронзительным криком как знаком угрозы для ее жизни.

One little girl dropped her ice-cream in the excitement of it all and began to howl like a banshee (W. Perrie); Screeching like a banshee, she was (P. James). Привлекая знание о приведенных выше опорных признаках, можно предположить, что в обоих примерах героини оценивают случившееся в данной ситуации как нечто, угрожающее их жизненному благополучию, поэтому выходом эмоций явился отталкивающе громкий протяжный плач.

Представляется, что в приводимых ниже примерах профилируются аналогичные опорные признаки. При этом интересно отметить, что в этих контекстах не эксплицирована гендерная принадлежность персонажей. Однако, опираясь на такой признак мифологического опорного объекта банши, как *имеет женский облик*, можно высказать предположение, что и в них в центре внимания находятся женские персонажи:

Instead, I ran screaming like a banshee into the garden engulfed in coils of stiffened pipe and looking like some mythical figure being consumed by a serpent (The Gardener); There's a young fool down there in pink, shrieking like a banshee and windmilling away (M. Macdonald).

Таким образом, среди признаков мифического существа банши, профилируемых в качестве опорных, выделяются признаки нескольких типов: конкретно-чувственные, воспринимаемые зрением (гендерный признак *имеет женский облик*) и слухом (*громкий протяжный плач, пронзительный крик*), а также другие признаки, информация о которых хранится в представлении носителя языка о данном мифическом существе (*отталкивающий крик, предвестник смерти*).

Для сравнения опорных признаков, профилируемых на базе знания английской и славянской мифологии, рассмотрим в качестве примера мифологему славянского фольклора ЛЕШИЙ. Леший, подобно английским пикси, склонен к проказам и шуткам над людьми. В славянской мифологии леший описывается как человекообразное сказочное существо, живущее в лесу (БЭКМ). Как правило, он выглядит высоким стариком с длинной бородой и волосами по всему телу, очень любит кричать страшным голосом (ср.

английскую банши) и хохотать, пугая людей (Википедия; МЭ). Знание славянской мифологии позволяет достаточно адекватно опознать в предложенных ниже контекстах опорные признаки и интерпретировать оценку наблюдателем описываемого человека. В качестве опорных видятся следующие признаки: *старик, с длинной бородой, тело покрыто волосами, пугает людей криком и хохотом*.

Привели двух мужиков, - нашли их в соломе, лохматых, как лешие (А.Н. Толстой); ...зарос, как леший, - почетный косарь! (А.М. Ремизов). В качестве опорных профилируются конкретно-чувственные визуальные признаки: *старик, с бородой, тело покрыто волосами*. Проецируя эти характеристики на облик людей, оказавшихся в фокусе внимания, мы выводим инферентное знание о том, как наблюдатель оценил внешний вид этих мужчин: они показались старыми, возможно, из-за длинной бороды и отросших волос.

Только Хмолин иногда, не выдержав, перебивал его какой-нибудь дикой историей и хохотал, как леший... (Ю. Казаков) - профилируются опорные признаки двух типов: воспринимаемый на слух конкретно-чувственный признак *хохочет* и признак *пугает хохотом людей*, информация о которых хранится в представлении носителя языка о данном мифическом существе.

Проведенный анализ показал, что художественные сравнения способствуют сохранению национального самосознания народа, поскольку мифологемы представляют квант национально-специфического знания. Входящие в их состав мифонимы – опорные элементы – являются материальным носителем национального самосознания, обеспечивающим его сохранение и передачу последующим поколениям. Среди выявленных опорных признаков, которые профилируются при описании человека, преобладают конкретно-чувственные (54%). Вероятно, для носителя как английской, так и русской культуры наиболее продуктивным оказывается осмысление внешности или действий человека с опорой на конкретно-чувственное восприятие мира. Немаловажным опорным признаком является *гендер*. Опора на него обеспечивает ориентацию в социальном пространстве.

Литература

1. BNC – British National Corpus. [Электронный ресурс] – <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>
2. MED – Macmillan English Dictionary. – Bloomsbury Publishing Plc., 2002.
3. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. – DVD.
4. Webster – Random House WEBSTER's Unabridged Electronic Dictionary. – 1996.
5. БЭКМ – Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2001. – DVD.
6. Википедия. [Электронный ресурс] – <http://ru.wikipedia.org>
7. Гольдберг В.Б. Актуализация опорного знания при описании трудовой деятельности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации. – М. – Тамбов, 2008. С. 233-241.
8. Гольдберг В.Б. Формирование и лексическая репрезентация опорного знания // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. (в печати)
9. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов, 2008. С. 43-47.
10. МЭ – Мифологическая Энциклопедия. [Электронный ресурс] – <http://myfholology.narod.ru/>
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] – <http://ruscorpora.ru/>

Э.К. Григорьева

Проблема национально-специфического в англо- шотландских балладах

В исследовании балладного жанра, получившего развитие в Британии, особый интерес представляют вопросы, связанные с выделением национально-специфических, общегерманских и общеевропейских черт балладных текстов.

Как полагает Р.М. Пидаль, «период многовекового молчания, когда нет конкретных исторических свидетельств о литературной деятельности, но когда она, тем не менее, развивается, можно назвать скрытым состоянием произведения. Было бы разумно связать эпос с историческими песнями германских народов, которые существовали в вестготской Испании и в Галлии Меровингов и Каролингов. Сторонники теории традиционализма полагают, что 8-10 века относятся к героической поре, в которой существовали особые условия, благоприятные для развития эпосов, воспевающих национальных героев» (Пидаль 1961, с.74), Баллады в Европе не появлялись до тех пор, пока не закончилась массовая миграция, и маленькие группы людей не стали заниматься земледелием вокруг владений лорда, такие условия возникали не в одно и то же время в разных странах, и соответственно время появления жанра баллады в Европе разное.

Баллада, в широком смысле – любая повествовательная песня, сопровождаемая музыкой или исполняемая без музыкального сопровождения при большом количестве людей, появилась в европейских странах примерно с 12 века и получила широкое распространение в 15 и начале 16 вв. повсюду в Европе. Длина баллад обычно бывает от нескольких строк до нескольких сотен, в то время как длина эпоса – от сотен до тысяч и десятков тысяч. Баллада повествует об одном ярком событии или рассказывает об общем впечатлении от литературного текста. В балладе речь идет о местном лорде, в отличие от эпоса, где речь идет о героях и лидерах национального масштаба. И эпос, и баллада предназначены для аудитории, не обязательно безграмотной, но привыкшей воспринимать развлечение устно, а не через чтение.

Исследовательская линия, опирающаяся на работы Т.Перси и Ф. Чайльда, традиционно объединяет английские и шотландские баллады под термином «англо-шотландская баллада» (English and Scottish ballads).

Как считает У. Энвистль (Entwistle 1939), до середины 12 века в Англии не было баллад, а были развиты эпос и песни. В то время как немецкая и скандинавская баллады развивались на фоне германского эпоса, английская баллада не имела близких контактов с эпосом. С 10 века Англия ассимилировала романскую культуру Франции, и английские эпические традиции перестали непосредственно влиять на развитие поэзии, о чем свидетельствует бедность англо-шотландской баллады эпическими фрагментами.

Хотя первая запись английской баллады “Judas” относится к 13 веку, она была сделана уже на определенном этапе развития балладного жанра. В том виде, в котором она известна исследователям, англо-шотландская баллада сложилась в 14-16 веках. С начала 16 века с распространением по всей стране дешевых печатных изданий словом «баллада» стали обозначать разные

произведения лирического характера, которые иногда прямо, иногда косвенно были связаны с пением и танцами. Лишь с середины 16 века термин «баллада» стал применяться, наряду с лирической поэзией, и по отношению к повествовательной поэзии, исполняемой нараспев.

Считается, что на становление англо-шотландской баллады оказали влияние самые разные явления культуры того времени: эпос, песни “carole”, хоровая песня, церковная музыка, творчество менестрелей, а также литературные тексты, включая классических авторов и Библию. В тесном взаимодействии баллады с другими видами искусства сохраняются отголоски первобытного синкретизма поэтических жанров, о чем в свое время писал А.Н.Веселовский (Веселовский 1989).

Английские баллады имеют, по сравнению с шотландскими, более древнее происхождение, хотя трудно точно проследить время их зарождения. Известно, что баллады о Робине Гуде собирались с 1198 до 16 века, их распространение было отмечено в 1377 году. В 14 веке были известны “Durham Field”, “Sir High Spencer”, “Otterburn”, в 15 веке - “Robyn and Gandellyn”, “Agincourt”, “Sir John Butler” и “The Rose of England”. Расцветом балладного жанра в Шотландии принято считать 16 век, хотя известны более ранние шотландские баллады, относящиеся к 1460 году (“Sir Patrick Spens”, “Gude Wallace”).

В англо-шотландской балладе ощущается влияние поэтики скандинавских стран, в частности Норвегии и Дании, а также французской и немецкой поэтических традиций, особенно в использовании литературных формул. Интересной чертой английских и шотландских баллад является отсутствие прямой связи с древнегерманским эпосом. Среди английских и шотландских баллад мало мифологических баллад. Традиционная англо-шотландская баллада почти не сохранила тем, связанных с войнами с Францией.

Крайне сложно дифференцировать вклад английских и шотландских баллад в общий балладный фонд, но их трудно считать идентичными. Принято считать, что английские баллады, особенно баллады с романтическим и христианским сюжетами, связаны с французской традицией. В английских балладах также чувствуется связь с немецкими балладами. Для шотландской баллады характерна связь с кельтской поэзией, с одной стороны, и со скандинавской поэтической традицией, с другой.

Наиболее репрезентативны в плане дифференциации английских и шотландских балладных текстов их тематика и сюжеты. Принято считать типично английскими баллады о Робине Гуде, исторические повествования, романтические и плутовские баллады. Жанр английской баллады также включает в себя несколько интересных случаев из Артуровского цикла (“The Boy and the Mantle”, “King Arthur and King Cornwall”, “The Marriage of Sir Gawain”, “King Henry”).

К шотландским обычно относят баллады о сверхъестественном, о трагической любви, баллады о битвах шотландцев и поздние баллады об обмане. Приключенческие баллады, характерные для Дании и Норвегии, были импортированы в Шотландию, сохраняя скандинавскую форму. Группа баллад с языческими мотивами об эльфах, подмененных эльфами детьми, привидениях, злом колдовстве и т.д., как в скандинавских балладах, почти полностью шотландская (“Thomas Rymer”, “The Wee Wee Man”, “Hind Etin”, “Clark Colvill”, “Kemp Owyne”, “Alison Gross”).

Но имеется также ряд тем и сюжетов, характерных для англо-шотландских баллад в целом. Баллады о привидениях часто встречаются и в Англии, и в Шотландии ("Sweet William's Ghost", "The Suffolk Miracle", "The Dead Brother's Return"). В английских и шотландских балладах часто встречается сюжет о сверхъестественном, что связывает их с датскими и норвежскими балладами.

Основная группа англо-шотландских баллад имеет своей темой любовные приключения и выдающиеся преступления, что также характерно для большинства европейских баллад. Так, параллели проводятся с французскими ("The Clerk's Twa Sons of Oxenford", "Scholars of Ponthiew", "The Gay Gosshawk"), итальянскими ("King Louis' Daughter") и греческими ("The Two Magicians") сюжетами. Однако британские баллады не имеют цикла о моряках, типичных для скандинавских и северных немецких баллад.

Формальное различие между немецкими и скандинавскими балладами заключается в том, что первые созданы для пения и речитативного сказа, возможно, одним человеком или группой, а последние созданы для танцев, в то время как ведущий читает нараспев повествовательные стихи. Рефрен или двойной рефрен поется танцующими во время паузы между движениями. Типично шотландские баллады имеют сходство со скандинавскими, имеют один или двойной рефрен и тесно связаны со скандинавскими висами, созданными для танцев. Танцевались ли шотландские баллады сами – неизвестно, так как нет достаточных доказательств. В Англии же речитативный стиль кажется более привычным.

Особый интерес представляют баллады, тематически связанные с историей кельтской Британии. В основном это поэтические листовки (broadsides), напечатанные Джеймсом Катнахом и Джоном Питсом в 19 веке в Лондоне. Типичной темой этих поэтических листовок являются конфликты на религиозной почве между католиками и протестантами или этнические противоречия. Некоторые из этих баллад могут обращаться к фольклорной старине, а другие – к современным или к историческим событиям, важным для самосознания ирландцев и шотландцев. Баллады о древних событиях кельтской истории, опубликованные в 19 веке, будучи не кельтскими по происхождению, имеют явный кельтский привкус. Звуковое оформление этих баллад иногда напоминает звуки шотландских диалектов, что наполняет их особыми патриотическими сантиментами. Основной аудиторией, для которой были предназначены такие баллады, были иммигранты, живущие в трущобах Лондона. Такие баллады как "Draw the Sword, Scotland", "Scots, Wha Hae Wi' Wallace Bled" и "Boyn Water" обращались к «старым добрым временам», к временам славы Шотландии в 14-17 вв. и пробуждали чувство национальной гордости в загнанных тяжелой жизнью ирландских и шотландских рабочих-иммигрантах. Баллады, повествующие о современных для того времени событиях в Ирландии ("A New Song on the Catholic Emancipation", "The Protestant Song", "The Bold Irishman"), или баллады о вымышленных приключениях ирландцев в Лондоне несут в себе отпечаток этнической неприязни друг к другу между англичанами и ирландцами.

В заключение отметим, что национальное своеобразие англо-шотландской баллады проявляется в происхождении баллад, в тематике (исторических событиях и национальных героях) и в «особом национальном духе», который сознательно придается балладе с помощью звуковой и синтаксической

организации и параллелизм. Как полагает Д.М. Урнов, «национальное своеобразие лишь в отдельных случаях входит в мировую литературу под особым знаком, воспринимается как нечто отличительное ...» (Урнов 1986, с.172), национальная специфика создается не только источником, но и восприятием.

Литература

1. Entwistle W.J. European Balladry. – Oxford, 1939.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
3. Пидаль Р. М. Избранные произведения. – М., 1961.
4. Урнов Д.М. Национальная специфика литературы как предмет исторической поэтики / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М., 1986.

Т.Б. Новикова

Языковые и лингвокультурные заимствования

Язык и культура являются порождением коллективной жизнедеятельности, однако их практическими носителями являются отдельные личности. Языковая личность характеризуется не только определенной степенью владения языком, но и выбором языковых средств, а также различной степенью готовности к заимствованиям. Готовность к заимствованиям, по всей видимости, в большей степени развита у билингва. Даже в том случае, когда по каким-либо причинам билингв не принимает полностью чужую культуру, у него, в силу близкого знакомства со вторым языком, сохраняется речевая готовность к номинации с помощью иноязычных заимствований.

Люди, по объективным и субъективным причинам живущие в атмосфере двух лингвокультур, с легкостью заимствуют элементы чужой лингвокультуры. Примером речевого взаимодействия, приводящего к заимствованиям в силу непосредственной близости чужого языка, может служить «язык русского зарубежья» в США. В речи русскоязычных эмигрантов встречаются практически все известные типы языковых заимствований, которые классифицируются следующим образом:

- наименования реалий новой жизни, не имеющих содержательных эквивалентов в России (*green card*);
- названия, которые можно было бы передать по-русски, но со значительной утратой коннотации (*Christmas*);
- заимствования, которые имеют русские эквиваленты, но столь высокочастотны в речи американцев и столь социально значимы, что они легко вытесняют русские параллели (*tax, credit card, cash*);
- заимствованные слова, которые по звуковой форме совпадают со словами, имеющимися в русском языке, но отличаются от них по значению (*rent, hospital, volunteer*);
- корневые заимствования с привлечением словообразовательных возможностей русского языка (*рентовать, юзать*);
- слова-гибриды (*сени - lobby*);
- английские выражения (*Хэлл ми*) (Земская 1995, с. 236 – 239).

Наиболее простым случаем заимствования можно считать заимствование наименования вместе с заимствуемым объектом. Однако лингвокультурная компетенция отдельного человека здесь вносит свои коррективы: человек может

соотнести объект с не присущим ему окружением, неправильно определяя принадлежность реалии.

Как известно, наиболее часто заимствуются термины. Англоязычные термины, в частности, функционируют в других языках. За последнее время во многие языки мира вошли термины *gender*, *governance*, *microenterprise* (Russell-Bittung 2000: Web).

Английский язык также заимствует иноязычные слова в качестве терминов и реалий. Дж. Эйто пишет в предисловии к своему Словарю новых слов английского языка, что английский язык продолжает всасывать слова других языков, как черная дыра. Дух перемен способствовал большому количеству заимствований из русского языка (*perestroika*, *khozraschot*, *pryzhok*), однако французский остается главным источником заимствований, особенно в области гастрономии (*frisée*, *fromage frais*, *pêcher*), но не только в ней (*tranche*, *unijambist*, *visagiste*). Заимствуются также слова из китайского языка (*gai-ge*, *qinghaosu*), японского (*nashi*, *waribashi*, *zaitech*), немецкого (*kletten prinzip*), польского (*Nizinny*), арабского (*intifada*) и хинди (*paneer*) (Ayto 1990).

Массовая культура и средства массовой информации способствуют процессам заимствования. Такие слова, как *hit*, *party*, *poster*, используются во всем мире, хотя в их заимствовании не было особой необходимостью. Причиной такого рода заимствований можно считать субъективное стремление придать индивидуальное звучание собственной речи.

Заимствование нередко употребляется в качестве стилистического средства. А. Берджесс, например, использует следующие заимствования: *devotchka*, *ptitsa*, *malchick*, *slovo*, *malenky*, *lomtick*, *kleb*, *moloko*, *noga*, *veshch*, *droog*, *mesto*, *korova*, *britva*, *nozh*, *carman*, *baboochka*, *gloopy*, *zvook*, *cantora*, *chai*, *pletcho*, *bezoomny*, *veck*, *merzky*, *gromky*, *pishcha*, *chelloveck*, *minoota*, *prestoopnick* и др. (Burgess 1987).

Присутствие в тексте чуждых английскому языку элементов является фактором смыслового и эстетического воздействия. Иноязычный синоним или эвфемизм моносемантичен и поэтому даже в минимальном контексте называет объект с известной точностью, в то время как синонимичное ему слово заимствующего языка обрastaет в процессе длительного употребления дополнительными значениями. В качестве примера можно привести выражение: *You've got a muséau, not a face* (Lawrence 1985, с. 458), в котором экспрессивный синоним со значением «рожа», заимствованный из французского языка, благодаря своей однозначности выполняет роль контекстуального антонима.

Входя в систему заимствующего языка, иноязычное слово претерпевает изменения в своей семантике. Иноязычные слова обычно заимствуются в одном из своих значений, которое может оказаться вторичным или переносным. Иноязычные заимствования, которые употребляются в целях образного и эвфемистического наименования, противоречат норме заимствующего языка, но контекстуальное употребление иноязычного включения бывает оправдано с точки зрения продуцента речи. Носитель заимствующего языка, принимая решение об использовании в своей речи иноязычного заимствования, уже включенного в языковую систему или являющегося инновацией, опирается в первую очередь на собственную лингвистическую и когнитивную компетенцию.

Когнитивные структуры носителя лингвокультуры ориентированы на модель мира, образовавшуюся в процессе формирования данной лингвокультуры.

Иноязычное слово осваивается индивидуальным сознанием в случае преобразования его семантики или в случае заимствования элемента чужой модели мира. Если иноязычное слово заимствуется не в стилистических целях повторной номинации, возникает потребность в заимствовании не только иноязычного слова, но и инокультурного концепта, т. е. ментальной содержательной единицы, отражающей опыт иной лингвокультуры. В этом случае бывает недостаточно перевода слова, являющегося именем концепта, необходимо описание самого инокультурного концепта.

Описание заимствуемого лингвокультурного концепта осуществляется либо автором текста, который является носителем заимствующей лингвокультуры и вводит инокультурный концепт с целью расширения культурного опыта, либо переводчиком, который является билингом и обязан пояснить инокультурный концепт с помощью описательного перевода или переводческого комментария. Например, слово *the Mahdi* (Lawrence 1985, с.318) в буквальном переводе с арабского означает «правоверный». Однако смысл его употребления становится ясен лишь в том случае, если известно, что, согласно мусульманскому преданию, именно это имя будет носить тот, кто принесет на Землю равенство и справедливость.

Можно с уверенностью утверждать, что носитель языка привлекает иноязычное слово в том качестве, в каком ему это необходимо для достижения собственных целей. Слово может быть заимствовано как наименование инокультурной реалии. Слово может быть заимствовано для передачи какого-либо смыслового содержания, предложенного автором текста. Возможно также заимствование иноязычного слова в качестве стилистического средства. Таким образом, все случаи заимствования иноязычных слов подразделяются на заимствование слова как средства выражения какого-либо смыслового содержания, уже принадлежащего данной лингвокультуре, и на заимствование слова как имени инокультурного концепта.

Литература

1. Ayto, J. The Longman Register of New Words. – Longman, 1990.
2. Burgess, A. A Clockwork Orange. – Penguin Books, 1987.
3. Lawrence, D. H. The Rainbow. – М., 1985.
4. Russell-Bittung, A. Neologisms in International Development: Translating English Terms into Spanish, French, and Portuguese. – 2000. – Web page: <http://accurapid.com/journal/11neolog.htm>
5. Земская, Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 233 – 241.

Д.Р. Фахрутдинова

Национально-культурная специфика текстов военной присяги

Военный институциональный дискурс как сложное многомерное образование представляет собой конгломерат жанров, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом. Основу жанрового пространства военного дискурса составляют жанры, образующие его институциональный компонент: они в наибольшей степени соответствуют его цели, обусловленной главной функцией военной организации государства, которая может быть сформулирована как *управление деятельностью, направленной на обеспечение военной безопасности страны*.

Разграничение жанров военного дискурса по характеру ведущей интенции позволяет выделить в нем информационные/ ориентационные, эпидейктические /ритуальные, убеждающие и побуждающие к действию жанры, каждый из которых представлен соответствующими текстами (текстотипами), объединенными общей коммуникативной целью, полно и точно отражает специфику профессиональной деятельности.

Предметом рассмотрения в рамках данной статьи стала национально-культурная специфика текстов воинской присяги, функционирующих в пространстве военного институционального дискурса двух стран – России и США.

Воинская присяга наряду с этикетными формулами воинского приветствия и обращения может быть причислена к ритуальным/эпидейктическим жанрам военного дискурса. Она относится к разряду перформативов, которые представляют собой высказывания, являющиеся не только описанием действия, но и самим этим действием, изменяющим статус говорящего и систему социальных связей, в которые он включен.

Ставя перед собой задачу сопоставительного анализа российского и американского текстов присяги, мы исходили из следующих положений. Военная сфера жизнедеятельности, то есть все то, что непосредственно связано с обеспечением военной безопасности, в социально-философском смысле является унифицированной категорией и ее содержание в целом идентично у различных государств. Национальную специфику обуславливают особенности политической системы и характер военно-гражданских отношений в данной стране. Из этого следует наличие общих и специфических черт в функционировании военного институционального дискурса в различных странах, которые наиболее отчетливо проявляются при исследовании иллюкутивно-тематических, композиционных и языково-стилистических параметров конкретных жанровых образцов.

Ритуал приведения к воинской присяге – один из первых важнейших актов военной службы, регламентируемый соответствующими федеральными законами и военно-правовыми нормами. Он появился по обе стороны Атлантики с зарождением регулярного войска и, в силу исторически сложившихся условий становления военной организации в стране, обладает национально-культурными особенностями. В русской традиции акт приобщения к военному институту несет мощный морально-психологический посыл. Приведение к присяге в Вооруженных Силах России считается самым значительным событием в жизни новобранцев, церемонию отличает особая торжественность и праздничная обстановка. Ритуал приведения к присяге включает торжественное построение воинской части при Боевом Знамени и Государственном флаге РФ, приветственную речь командира части, саму церемонию приведения к присяге, исполнение Государственного гимна и торжественный марш.

В армии США атмосферу приведения к присяге можно охарактеризовать как более простую, буднично-деловую – приведение к присяге рядового состава может быть осуществлено любым офицером и обставлено менее торжественно, хотя наличие Государственного флага США, флага штата, знамени части обязательно. При этом офицер просит поднять новобранца или группу новобранцев правую руку и повторять за ним слова присяги.

Текст воинской присяги, произнесение которого есть центральный смысловой компонент ритуала, отражает культурно-исторические традиции страны. В нем зафиксированы ценности, релевантные как для этнокультуры в целом, так и для социальной группы в составе этноса, каковой является профессиональное военное сообщество. Закрепленные в языковом сознании и коммуникативном поведении ценности составляют ценностную картину мира, которая объективно выделяется в языке наряду с языковой картиной мира в качестве ее аспекта.

Установка на ценностные и приоритетные нормы морали и нравственности реализуется в топосах или риторических топиках, которые в античных учениях о красноречии назывались *loci communes* – «общие места». «Общие места» определяются как «...мысли, которые основаны на ценностях и предпочтениях, обращающихся к нравственным ориентирам, эстетическим идеалам... аудитории» (Ассуирова 2001, с.10). Топосы как «источники изобретения, развивающие мысль, указывают, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль» (Зеленецкий 1997, с. 34).

Анализ текстов российской и американской воинской присяги дает ясное представление о том, какие топосы могут служить фундаментом для ценностных иерархий *homo militaris*.

Топос принадлежности нации (государству). Он определяет общий контекст данной коммуникативной ситуации. Присяга – клятва на верность государству, правительству или правителю. Это перформатив, то есть речевой акт, произведенный в рамках общепринятой "конвенциональной процедуры" (ритуала) и приводящий к определенному "конвенциональному результату". Воинская присяга относится к тому разряду речевых актов, в котором через произнесение определенного набора слов устанавливаются особые обязательства присягающего перед сообществом или сувереном (Остин 1986, с. 66-67).

Юрий Лотман писал о двух архетипических формах организации отношений власти: договор и вручение себя во власть высшей силы (государства, Бога и т.п.) (Лотман 1981, с. 345). Применительно к военной службе в России отношения между гражданином и государством строятся по последнему типу, и существование нормы контрактного комплектования армейских частей наряду с всеобщей воинской обязанностью по сути дела не меняет характера этих отношений. В США, где в основе службы лежит контракт, отношения строятся на договоре сторон. Однако и в том, и в другом случае воинская присяга предстает как явление правового порядка, устанавливающее морально-правовую ответственность гражданина перед государством и обществом за исполнение воинского долга. Присягающий произносит название своей страны, клянется ей в своей верности и готовности с оружием в руках защищать законную власть:

<i>русский текст</i>	<i>английский текст</i>
«Я,..., торжественно присягаю на верность своей Родине – <i>Российской Федерации</i> . Клянусь свято соблюдать ее <i>конституцию и закон</i> : Клянусь...мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России...».	«I, do solemnly swear (or affirm) that I will support and defend <i>the Constitution of the United States</i> against enemies, foreign and domestic; that I will bear true faith and allegiance to the same..».

Слова *Российская Федерация; конституция и закон; конституционный строй России; the Constitution of the United States* цементируют идею государственности, изначально заложенную в ритуальном военном тексте, ибо функция его служить символическим напоминанием новобранцу о принадлежности своей стране, нации.

По своей сути ритуал приведения к присяге восходит к инициации, своеобразному «обряду перехода», который через совокупность социальных предписаний и церемоний знаменует вступление индивида в члены группы, трансформацию его статуса, начало новой формы жизнедеятельности.

В любом традиционном обществе известны два основных типа инициаций: возрастные и специализированные (профессиональные). Возрастные, подразделяемые на мужские и женские, связаны со вступлением в новый возрастной период и отделяют одну стадию жизни «обращаемого» от другой. Специализированные инициации определяют вхождение человека в то или иное объединение сакрального характера (каста, орден, тайный союз) или получение им доступа к того или иного рода сакральным (Элиаде 2002, с. 138). И те, и другие осуществляются по схожим схемам, поскольку имеют общий смысл, который заключается в том, что люди до и после прохождения инициации отличаются не только своим социальным статусом, но и своей внутренней сутью. Во многих случаях возрастные и профессиональные посвящения могут смыкаться (Элиаде 2002, с. 138), и ритуал приведения к присяге относится к этому числу.

Воинские инициации берут свое начало с древних времен. На Руси бытовали инициации воинов-дружинников, на Западе это были ритуалы посвящения юных представителей знати в рыцари. Цель посвящения заключалась в том, чтобы одновременно ввести неопита в человеческое общество (в узком смысле – в воинский коллектив), и в мир духовных ценностей. Последний узнавал правила поведения, организацию общества, мифы и священные традиции, имена богов и историю их деяний. Только после обрядовых испытаний его признавали ответственным членом общества, на которого отныне возлагались определенные обязательства.

Топос принятия ответственности. Ритуалы посвящения архетипически связаны с идеей «принятия ответственности», которая своими корнями уходит в «обряд перехода». Только после прохождения возрастной инициации молодой человек может включиться в роль, отведенную взрослым в жизни традиционного сообщества, со всеми вытекающими из нее правами и уровнем ответственности. Идея ответственности адресована взрослому сознанию, осознающему причинно-следственные связи. Она означает готовность отвечать, то есть активно реагировать и готовность принимать последствия своих выборов:

<i>русский текст</i>	<i>английский текст из присяги офицера</i>
«Клянусь достойно выполнять воинский долг».	«I will well and faithfully discharge the duties of the office upon which I am about to enter».

Топос принятия ответственности подразумевает беспрекословное подчинение вышестоящему и безоговорочное выполнение приказов. Как гласит знаменитый постулат, в армии приказы не обсуждают:

<i>русский текст</i>	<i>английский текст из присяги рядового:</i>
«Клянусь...строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников».	«I will obey the orders of the President of the United States and the orders of the officers appointed over me according to regulations and the Uniform Code of Military Justice».

Идея принятия ответственности органически связана со свободой выбора. И в России, и в США осознанное желание посвятить себя армейской службе демонстрируют те, кто добровольно избрал карьеру кадрового военного. В тексте присяги офицера американской армии об этом говорится прямо и недвусмысленно: «I take this obligation *freely*, without any mental reservations or purpose of evasion» – «Я принимаю на себя это обязательство *свободно*, понимаю его буквально и не имею цели его нарушить».

В условиях существующего сегодня в России всеобщего военного призыва служба в Вооруженных силах – это конституционная обязанность, и добровольный, по сути, выбор профессионала в тексте присяги никак не фиксируется: она едина и для курсанта военного училища, и для солдата срочной службы. Объясняется это тем, что становление военного института в России связано с мобилизационной армией, другой наша страна не знала. Поэтому в государственной идеологии военная служба репрезентируется как исполнение гражданского долга, что находит свое отражение в тексте присяги: «Клянусь *достойно выполнять воинский долг*». Так присяга дает представление о статусе гражданина и об отношении государства к этому статусу.

В присяге изначально заложен сакральный смысл: в ней обозначается то «священное социальное», с которым вступает в отношения присягающий. Конкретная историческая эпоха дает нам пример того, как объективируется это «священное социальное». На Руси клялись служить «верою-правдою великому князю» (предводителю дружины), «своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю императору», «царю и Отечеству», «своему трудовому народу», «своей социалистической Родине». На Западе воин клялся в верности своему вождю, рыцарь – своему сеньору, впоследствии присягали на верность королю – Помазаннику Божьему.

В то же время на национальный ритуальный текст на всем пути его развития оказывали влияние устои и нравственные ценности народа (а воинский коллектив – это часть народа), формировавшиеся на протяжении веков. Российская присяга отражает исторически обусловленный и характерный для русской военной традиции **топос беззаветного и преданного служения родной стране**. Идею родной страны в русском языке передают лексемы «*родина*», «*отечество*» и «*отчизна*», составляющие так называемую «патриотическую триаду». Аппеляция к ним в тексте очевидна: «*торжественно присягаю своей Родине*», «*клянусь защищать народ и Отечество*». Этих слов нет в американском тексте, его язык сух, как может быть сух и строг язык

юридического документа, речь идет, прежде всего, о защите конституции страны от ее внешних и внутренних врагов: *«I will support and defend the Constitution of the United States against enemies, foreign and domestic»*. В этой связи нельзя не согласиться с С.Г. Воркачевым, который пишет: «В сознании русского народа, отстоявшего свою страну в двух отечественных войнах, ...«отчизнолюбие», от века занимало место, значимость которого не менялась, называлась ли Россия петровским «Отечеством» или сталинской «Родиной». По его мнению, лингвоконцепт «Родина» следует рассматривать как идеологическую сущность, в которой отражается общая иерархия ценностей и предпочтений русского человека (Воркачев 2006, с. 26).

Топос вручения себя во власть высшей силы (Бога). На всем протяжении своего развития ритуал посвящения, частью которого является приведение к присяге, был религиозным действием, как по форме, так и по смыслу. Воинские инициации относятся к религиозно-магическим обрядам, восходящим к частным дохристианским традициям славян, германцев, кельтов и других индоевропейских народов. С принятием христианства приведение новобранцев к присяге стало осуществляться священнослужителем, и текст присяги повторяли вслед за духовным лицом как молитву. Исполнение воинского долга приобрело смысл исполнения религиозного долга. Так, в листовке для русских солдат с текстом присяги, выпущенной в 1895 году, сообщалось: «кто верен Святой присяге, тому от Бога Царство Небесное». После революции 1917 года, повлекшей за собой отделение церкви от государства, идея вручения себя Богу в русской присяге более не декларировалась. Что касается американского текста, он заканчивается словами *«So help me God»* - «Да поможет мне Бог!». Это говорит о сохранившейся традиции верить себя во власть Всевышнего. Да и сама форма приведения к присяге в США, также, (хоть и весьма отдаленно), напоминает обряд, некогда проводимый служителем церкви.

В условиях современной России Вооружённые силы и религиозные общины сотрудничают в научной, культурной, духовно-нравственной и благотворительной областях. Религия оказывает существенное воздействие на идеологию и практику военной службы на всех уровнях: личность – социальная организация – социальный институт – общество, и поэтому сегодня приведение к присяге, равно как и другие военные торжества, не обходятся без участия представителей религиозных объединений.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Российский и американский тексты воинской присяги объединяет наличие *топоса принадлежности государству* и *топоса принятия ответственности*. *Топос служения* в российском менталитете связан с идеей защиты Отечества, тогда как в американском сознании на первый план выходит идея защиты Конституции страны. Исторически общий *топос вручения себя во власть Бога* сохранился только в американском тексте присяги.

Интерпретация национальных текстов воинской присяги и военного ритуала как коммуникативного события, позволяет не только определить круг ценностей, связанных с выполнением функций вооруженной защиты страны и ее граждан, но и понять ценностные доминанты культуры народов.

Литература

1. Ассуирова Л.В. Термин «общие места» в риторике // Профессиональная риторика: Проблемы и перспективы. – Воронеж, 2001. – С. 5-12.

2. Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2006. – Вып. 4. – С. 26-36
3. Зеленецкий К.П. Топики // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 34-40.
4. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи: В 3 т. – Т. 3. – Таллинн, 1993. – С. 345-355.
5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986 – Вып. XVII. – С. 22-131.
6. Элиаде М. «Обряды и символы инициации» // Мифы и магия индоевропейцев: альманах. – М, 2002. – Вып.10. – С. 138-145.

Т.П. Филичкина

Русская и английская языковая личность в деонтической картине мира

Носителем языкового сознания является национальная языковая личность, которая представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых особенностей, сходных систем знаний, представлений, концептов, эмоциональных состояний, определенного спектра ценностей. В понимании В. И. Карасика, языковая личность (далее ЯЛ) - это «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» (Карасик 2004, с. 7).

Социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке.

Носителем индивидуального сознания является личность как член общества, способная к коммуникации и осуществляющая таковую. Личность же формируется в обществе в процессе социализации, в котором происходит трансляция культуры. Это и представляет собой, по мнению В.В. Красных (Красных 2001), «содержание» процесса социализации. Чтобы «социализироваться», стать членом того или иного сообщества, т.е. личностью, индивиду необходимо усвоить опыт, накопленный членами данного общества, достижения духовной и материальной культуры, научиться пользоваться материальными предметами, созданными в процессе развития человечества. Именно в процессе социализации приобретается некая система координат, система ценностей своего этноса.

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова (Караулов 1987) включает три уровня: 1) вербально-семантический, характеризующий личность с точки зрения ее языковой компетенции, т.е. владения языком; 2) когнитивный, представляющий систему знаний, представлений, концептов, и формирующий концептуальную картину мира, в которую входит ценностная картина мира, содержащая разного вида оценки и нормы, которые могут отражаться в языке; 3) прагматический уровень, включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности, связанные с эмоциональными и интеллектуальными состояниями человека. Эти уровни ЯЛ находятся в состоянии взаимодополнительности, их границы расплывчаты.

Необходимо отметить, что наиболее ярко ЯЛ во всех своих трех ипостасях проявляется во фразеологических единицах (далее ФЕ). ФЕ – это, во-первых, языковой знак, называющий фрагмент реального мира, в семантике которого (знака) содержится оценка этого фрагмента; во-вторых, это концепт, который отражает фрагмент действительности в сознании языковой личности; в-третьих, это микротекст, который включает в себя цели, мотивы и намерения языковой личности.

Культурно-национальная специфика ФЕ соотносится с кодами культуры, которые известны всем образованным носителям языка. Культурный код представляет собой «сетку», которую культура набрасывает на окружающий мир, категоризует, структурирует и оценивает его (Красных 2002). Среди культурных кодов особое место занимает духовный код, который включает нравственные ценности и эталоны, пронизывает наше бытие, обуславливает наше поведение, предопределяет оценки, даваемые человеком себе и окружающему миру. Таким образом, коды культуры образуют систему координат, т.е. систему ценностей, которая содержит и задает эталоны культуры. Эти эталоны участвуют в структурировании и оценке материального мира, содержат нормы и правила поведения, принятые в данном социуме, определяют особенности языковой личности этноса.

Коды культуры во многом определяются религиозными ценностями. В протестантской культуре всегда подчеркивалась ценность личности, ее автономность по отношению к государственной власти. В России личностное начало не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. На Руси господствующей ценностью была соборность, предполагавшая отказ личности от своего полновластия и ее сознательное подчинение религиозной общине. Ценности протестантизма и православия находят свое воплощение в картинах мира ЯЛ – концептуальной, ценностной, деонтической, языковой и фразеологической.

Картина мира понимается многими современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом духовной активности человека. Картина мира любого языка имеет свои национально-специфические особенности, поскольку каждый народ воспринимает и отражает мир через призму своей национальной культуры.

Двум способам представления картины мира (вербальному – языковая картина мира и невербальному – концептуальная картина мира) соответствуют три уровня структуры языковой личности. Ценностная картина мира является частью концептуальной картины мира, связана с языковой картиной мира, поскольку определение ценности объекта из мира «Действительное» происходит в сознании человека, а затем уже фиксируется в языке. Ценности представляют собой совокупность убеждений личности и принципов поведения. Фразеологическая картина мира как часть языковой картины мира также соотносится с ценностной картиной мира, поскольку фиксирует ценности, присущие определенному социуму, следовательно, и с концептуальной картиной мира. Деонтическая картина мира, которая «присутствует в сознании носителя языка и состоит из иерархии норм поведения, представляющих собой изначально онтологически отображенный опыт» (Латина 1991, с. 153), является

частью концептуальной картины мира, связана с ее ценностной частью и частично находит свое воплощение в языке.

Фразеологизмы, являясь экспрессивными знаками языка, содержат в своей семантике объективную и субъективную модальность. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. К объективной модальности относятся алетические модальности (модальные операторы «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно»), временные (модальные операторы «прошлое», «настоящее», «будущее») и пространственные (модальные операторы «здесь», «там», «нигде»).

Субъективная модальность, то есть выражение отношения говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания. К субъективным модальностям относятся эпистемические («знание», «полагание», «незнание»), аксиологические («хорошо», «нейтрально», «плохо»), деонтические («должно» или «нужно», «разрешено», «запрещено», «безразлично»).

Подсистемы модальных значений частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение входит в разные ряды. Например, деонтическая модальность предполагает алетическую, поскольку действия, которые нельзя совершить в силу объективных причин, не могут рассматриваться как позволительные, обязательные или разрешительные.

Полюсы алетической и деонтической модальности, а также аксиологической и эмотивной модальности далеко не всегда совпадают. То, что возможно (алетическая модальность), может быть запрещено деонтическими нормами. А также то, что возможно и разрешено, не всегда имеет положительную аксиологическую и эмотивную оценку. Так, например, в поговорке *Дома щи без круп, а в гостях шапка в рубль* налицо отрицательная рациональная и неодобрительная эмоциональная оценка состояния, когда внешний вид человека не соответствует его материальному положению и финансовому состоянию. Это противоречит нормам, принятым в обществе, но это возможно с точки зрения потенций реального мира и встречается в жизни.

О.В. Латина выделяет в семантике ФЕ зону объективно-субъективной модальности, которая состоит из трех типов модальности: рационально-оценочной, деонтической и эмотивной. Обязательным компонентом семантики ФЕ исследователь считает рационально-оценочную модальность, которая основывается на понятии «норма» для оцениваемого лица, предмета, явления. Деонтическая модальность – важный компонент семантической структуры фразеологических единиц, дескриптивный компонент которых связан с обозначением социального поведения людей (Латина 1991, с.154).

Деонтические нормы включают в себя правовые, морально-этические нормы, а также разного рода социальные правила и нормативы. Деонтические нормы непосредственно связаны с оценкой поведения или состояния, т.е. с рациональной и эмоциональной оценкой. Нормы поведения, накладываемые обществом, являются социально-положительными, вызывают одобрение поступков индивидов, и, наоборот, нарушение норм и несоблюдение запретов вызывает отрицательную оценку окружающих.

Во фразеологизмах в меньшей степени отражаются правовые нормы, а в большей степени – морально-этические, так как сначала нормы поведения были

приняты на обыденно-бытовом уровне, а позднее – закреплены в правовых нормах. Однако следует отметить, что некоторые из норм так и остались только на уровне житейских представлений, распространенных в сознании той или иной лингвокультурной общности.

Национальная специфика языка и языкового сознания традиционно выявляется на каком-либо ограниченном фрагменте языкового пространства. Мы попытаемся фрагментарно представить русскую и английскую языковые личности с точки зрения их ценностных доминант и деонтических норм, проявляющихся в семантике русских и английских ФЕ с наименованием головных уборов (*cap* и *шапка*) как наиболее культурно детерминированных языковых единиц.

Головные уборы являются наиболее национально специфическими предметами одежды, концепты которых включают множество ассоциативных связей с восприятием мира, с ценностями и нормами этноса. Указанные наименования головных уборов в русском и в английском языках не являются эквивалентами, поскольку репрезентируют разные концепты. В русском языке *шапка* – это головной убор, преимущественно мягкий и теплый. В России холодная зима и без шапки обойтись нельзя. *Шапка* на Руси была не только предметом одежды, но и символом независимости и добропорядочности, остаться без шапки считалось позором, с провинившегося или с врага публично снимали шапку. В средневековой Москве, например, на Красной площади несостоятельные должники наказывались тем, что с мужчин публично снималась шапка, а с женщин платок. Это означало, что их лишают всяческого доверия. Подобное публичное наказание считалось большим позором (ср. *опростоволоситься* – «осрамиться», «опозориться», *опростоволосить кого-либо*, т.е. сорвать шапку или платок с головы (на сходке, на торге) – «опозорить», «объявить мошенником») (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, с.635). Необходимость и значимость этого головного убора видна в следующих ФЕ: *без жены, как без шапки; получить по шапке; снять шапку с кого-либо; вор с мошенника шапку снял; с недруга хоть шапку долой*.

В английской культуре в связи с другими климатическими условиями *cap* – это не обязательно теплый головной убор, это мягкий головной убор с козырьком, т.е. кепка, часто элемент униформы (*college cap*).

Сравнительный анализ семантики ФЕ, которые содержат наименования головных уборов *шапка* и *cap* в двух языках дает основания для вывода о разной степени актуальности одной и той же реалии в сознании разных народов, что детерминировано национальным восприятием окружающего мира, его оценкой, идеологией и понятием о культурных ценностях и нормах.

Английская языковая личность представляет собой совокупность следующих норм: не принято публично демонстрировать свои эмоции и чувства (*your cap is all on one side*), женщина не должна навязываться мужчине (*to set one's cap at sb.*), в обществе считается нормой здоровая конкуренция и соревнование (*to throw one's cap into the ring*), принято гордиться своими заслугами и достижениями (*to be to win a feather in one's cap*), осуждается шутовское поведение, паясничанье (*to wear cap and bells*).

Среди норм, характерных для русской языковой личности, можно выделить наиболее типичные: осуждение бедности, поскольку такое состояние субъекта связано как с неумением, так и с нежеланием работать (*без рубля, как без*

шапки; всей одежды шапка да онучи); принято, чтобы внешний вид человека соответствовал его материальному достатку и социальному положению (*шапка в рубль, а щи без круп; каков Пахом, такова и шапка на нем*); нужно ценить человека по его уму, а не по внешнему виду (*в голове нет и в шапку не накидаешь, не для шапки голова на плечах*); осуждается мошенничество (*одной шапкой двоих накрыл*); неразумность поступков (*шапку выиграл, а кафтан проиграл*); осуждается нарушение норм гостеприимства (*садись, кум, обедать - вот твои рукавицы и шапка*); человеку следует адекватно оценивать свои силы, средства, знания, возможности (*не по Сеньке шапка*); не следует опаздывать, но не принято и раньше уходить (*прийти к шапкам; я не отпел, а ты и шапку надел*); у каждого человека должна быть семья (*без жены, как без шапки*).

Следует отметить, что ряд деонтических норм являются общими для двух культур. Это следующие нормы: принято приветствовать, снимая головной убор или прикасаясь к нему (*снимать /ломать шапку; to touch one's cap to sb., to gain the cap*); выражать восторг и ликование, подбрасывая вверх шапки (*бросать в воздух шапки, to throw up caps /to throw one's cap in the air*); человек не должен унижаться, терять свое достоинство (*to come/to go with cap in hand; шапку ломать*); принято собирать средства сообща на благое дело, чтобы помочь кому-либо (*to send/to pass the cap round; с шапкой по кругу идти; шапку по кругу пустить*); снимать шапку в знак особого уважения к кому-либо (*to take off one's cap to sb.; шапку снять перед кем-либо*).

Некоторые нормы, являясь общими, отличаются нюансами. В двух культурах предусматривают запрет и осуждение такого социально вредного действия как пьянство (*to wear the barley cap; to fuddle one's cap; на пьяном шапку не направляешься; тот не пьян еще, коли шапка на голове*). Отличие состоит в том, что в русской культуре пьяного человека не бросают одного, а ведут домой, поправляют его шапку, т.е. помогают ему. Подобные различия в нюансах объясняются тем, что в основе ФЕ лежат разные стереотипные ситуации.

Говоря о языковой личности и деонтической картине мира, в формировании которых участвуют ФЕ, мы имеем в виду, что ФЕ отражают духовный мир людей, наполненный эмоциями, оценками, спецификой взаимоотношений в обществе, гаммой чувств. Во фразеологизмах представлены эталоны внешних и внутренних качеств человека, а также нормы поведения, принятые в социуме.

Сравнивая деонтические нормы, принятые в английском и русском лингвокультурных сообществах, выявленные при анализе семантики рассмотренных ФЕ, можно описать тип английской и русской языковой личности, определить, что является общим для англичан и для русских, а в чем мы отличаемся друг от друга. Но, безусловно, для всестороннего описания русской и английской языковых личностей как носителей ценностей и норм необходимо исследовать больший массив фразеологических единиц.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
4. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. – М., 2001.
5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.

6. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 136-156.

Т.Г. Ренц

Коммуникативная эмоциональность в межличностном общении (на примере русской и американской лингвокультур)

Современная парадигма научных исследований включает сферу межличностного общения, которая представляет собой одну из актуальных проблем коммуникативной лингвистики и смежных с ней дисциплин. Изучение коммуникативного поведения в диаде получает все большую популярность среди ученых. Наш интерес лежит в области коммуникации влюбленных. Психологи утверждают, что такое общение построено на взаимной симпатии, взаимном предпочтении и предполагает достижение взаимопонимания между партнерами. Будучи физически и психологически направленными друг на друга, находясь в пределах доступности друг друга, влюбленные устанавливают контакт, который имеет глубоко личный характер.

Одним из важных аспектов исследования коммуникативного поведения влюбленных является лингвокультурологический, поскольку «культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивида» (Карасик, Слышкин 2007, с 102). Исследование поведения коммуникантов будет неполным без учета эмоционального аспекта. Сегодня бесспорны утверждения о том, что «в языке все движимо эмоциями», что «все высказывания эмоциональны». Отсюда естественный интерес к рассмотрению вопроса о реализации эмоций в высказываниях партнеров по романтической коммуникации.

Аксиоматически принимая тезис о том, что любое общение эмоционально, мы утверждаем, что и общение влюбленных будет иметь эмоциональную окраску. Ранее нами указывалось, что процесс общения целесообразно рассматривать через категориальные эмоциональные ситуации (Ренц 2008, с. 53). Категориальные эмоциональные ситуации в представлении В.И. Шаховского – это «типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов...» (Шаховский 2008, с. 130). Предметом анализа избрана коммуникативная ситуация признания в любви, в которой, на наш взгляд, наиболее ярко проявляются эмоции коммуникантов. Приведенные в качестве примера две ситуации признания в любви (по одной из каждой лингвокультуры), не претендуют на полноту описания коммуникативной эмоциональности в целом, однако анализ этих ситуаций позволяет автору подтвердить выводы ранее проведенного исследования межличностных отношений влюбленных (Ренц 2007, с. 113-119).

Материалом для настоящей статьи послужили роман «The Greatest of These» американской писательницы Джудит Бронте и рассказ Натальи Давыдовой «Любовь инженера Изотова». Рассмотрим для начала ситуацию признания в любви из романа «The Greatest of These». Молодая девушка Чарли влюблена в Адама, который на несколько лет старше ее. Однажды в порыве своих чувств она призналась ему в любви, однако Адам был не готов к такому повороту событий. Прошло время, и он понял, что испытывает самые нежные чувства к Чарли. Его признание в любви происходит на летном поле перед самым отлетом

Чарли и ее бабушки в путешествие. Ср.: <...> *"Thank you for the lovely time," said Vera, shaking Adam's hand, and climbing inside.*

"Yes," echoed Charlie, "I had a wonderful time."

Charlie turned to go, but Adam suddenly called her back. Just then, the jet's engines began to whir loudly, so that she could barely hear his voice.

"What?" she yelled. "I can't hear you!"

"I said, 'I LOVE YOU!!'" shouted Adam, over the roar of the engines.

Charlie gazed at him, stunned. A flood of emotion suddenly swept her, and she looked as though she were about to pass out. Seeing this, Adam quickly picked her up in his arms and carried her aboard the plane, where the noise of the engines was not so loud.

"I think she was about to faint!" he exclaimed, rubbing Charlie's hands between his.

Vera searched his face for an explanation.

"I told her I loved her," Adam explained, answering Vera's unspoken question.

Now Vera looked pale. <...>

Прежде всего, обратим внимание на персональность адресации в представленном выше эмоциональном эпизоде. Следует подчеркнуть, что в лингвистике высказывались различные мнения об обязательности / факультативности слушающего в ситуации выражения эмоций (Труфанова 2000, с. 208). Однако ситуация признания в любви предполагает обязательное присутствие собеседника, независимо от конечного результата коммуникативного действия адресанта. Признание в любви – это не обычный коммуникативный акт, а эмоциональное воздействие на собеседника. Здесь мы солидарны с В.Н. Телия и Р.О. Якобсоном, которые считают, что говорящий выражает эмоции с обязательной целью воздействовать на слушающего, каузировать его испытать по аналогичному поводу аналогичные эмоции (Телия 1991, с. 57; Якобсон 1975, с. 198). Высказывание Адама обращено непосредственно к Чарли; форма и эмоциональное содержание его речи, ее смысл принимаются и анализируются собеседницей, оказывая на нее глубокое эмоциональное воздействие. Между влюбленными создается определенное эмоциональное поле (термин В.И. Шаховского), квантами которого являются эмоциональные высказывания и действия влюбленных. Обратим внимание, что фраза *I love you* сопровождается контактом глаз, что является одной из характерных черт общения влюбленных. По мнению ученых, контакт глаз, в первую очередь степень его интенсивности, является наиболее тонким показателем складывающихся отношений. Признание потрясло Чарли, поскольку она уже не надеялась услышать эти слова от Адама. Ее полуобморочное состояние свидетельствует о переживании сильных эмоций. В этой связи можно считать спорным утверждение К.А. Долинина, по мнению которого, «... эмоция, вызванная прямым словом, есть эмоция осознанная, а не непосредственно переживаемая ...» (Долинин 1978, с. 234). Представленный выше пример доказывает не только факт осознания эмоционального воздействия слушающим (Чарли), но и непосредственное переживание ею этой эмоции, о чем свидетельствует эмоциональное состояние собеседницы.

В следующем эпизоде выясняются позиции обеих сторон, их планы на будущее: <...> *Charlie reached forward to hug Adam, but he stopped her.*

"I must tell you," said Adam, seriously, "I'm not ready to get married. I want to wait at least until next summer, when this tour will be over with. I don't want to act rashly, and absolutely refuse to rush you into a decision that will dramatically affect the rest of your life."

"I'll wait as long as you want," replied Charlie, "but I'll still love you! In fact, by then, I'll love you even more!"

Adam gently touched the side of her face with his hand, and then drew it back.

"Call me," he smiled, tenderly.

It was the first time Charlie had ever seen that expression on his face. It told her what she had longed to hear for so long – "I love you," "I love you."<...>

Пример показывает, что вербальное признание Адама вызвало невербальную реакцию Чарли – *Charlie reached forward to hug Adam*. Их дальнейшее общение разворачивается в эмоциональном диалоге, в котором реплики обоих собеседников имеют эмоциональную окраску. Причем, вербальные высказывания сопровождаются невербальными действиями – *Adam gently touched the side of her face with his hand, It was the first time Charlie had ever seen that expression on his face*.

Анализ ситуации демонстрирует взаимосвязь вербальных и невербальных средств при реализации эмоций влюбленных, подтверждая высказанную Г.В. Колшанским мысль о том, что «исследование коммуникативного поведения может идти только в плане рассмотрения вербального поведения во взаимодействии с самыми разнообразными неязыковыми средствами (паралингвистика) при условии, что язык как единственно глобальная манифестация всей разумной познавательной деятельности человека является доминирующим средством в системе коммуникации, подчиняющим себе все паралингвистические средства» (Колшанский 2005, с. 32).

Описанная ситуация признания в любви в романе Джудит Бронте позволила нам проследить реализацию коммуникативных эмоций в поведении влюбленных в американской лингвокультуре. Коммуникативная эмоциональность партнеров реализуется в коммуникативном акте эмоционального самовыражения и эмоционального воздействия Адама и эмоциональном восприятии Чарли.

Перейдем к рассмотрению рассказа Натальи Давыдовой «Любовь инженера Изотова». Обратимся к эмоциональному эпизоду, в котором Алексей признается в любви Тасе. Ср.: <...> *Она размышляла, думала о нем и его делах, одобряла, понимала. Он протянул ей руку.*

– Пойдемте, становится холодно.

Алексей помог ей надеть жакет и плащ. Когда он застегивал пуговицы плаща, ее нежное лицо оказалось так близко, что он не удержался и поцеловал ее.

– Я люблю тебя, – сказал Алексей.

Тася молчала и смотрела в землю.

– Пойдем.

Они вышли из леса, пошли поселком.

У Таси было растерянное лицо. Она молчала.

Алексей остановился.

– Тася, я ничего не сделаю такого, чего вы не хотите, – проговорил он медленно. – Вы не хотите, чтобы я говорил вам, что я люблю вас?

- Не знаю, – тихо сказала Тася.
- Пусть вы не знаете сейчас, – ответил Алексей, – я знаю.
- Вы не можете знать за меня.
- Могу. До завтра... <...>

Из контекста видно, что возникновение эмоций у Алексея неконтролируемо: намерение признаться в любви пришло внезапно. Алексей не продумывал свои действия заранее, о чем свидетельствует начало эмоциональной ситуации: *Когда он застегивал пуговицы плаща, ее нежное лицо оказалось так близко, что он не удержался и поцеловал ее.* Отметим, что в коммуникации влюбленных вторжение в интимную зону партнера не воспринимается как покушение на неприкосновенность, напротив, близкое расстояние способствует более тесному контакту, свидетельствует об определенном типе отношений. Вербальному признанию Алексея предшествует поцелуй (ср. с эпизодом в общении Чарли и Адама), который представляет собой один из невербальных знаков, сопровождающих речевые высказывания влюбленных. Его признание прозвучало неожиданно для Таси, поэтому их диалог не получил должного продолжения. Однако ее дискурс нельзя считать неэмоциональным; слова Алексея вызвали у нее своеобразные эмоции, что проявилось, прежде всего, в ее невербальном поведении: *Тася молчала и смотрела в землю. ... Она молчала.* Как показывает пример, цель высказывания Алексея – каузировать собеседницу пережить определенные эмоции – была достигнута. Молчание Таси в этом эпизоде представляет собой «динамичное интерпретационное поле, в котором важно почувствовать адресанта ...» (Корнилова 2006, с. 183). Оно эмоционально значимо: мы расцениваем его не как отсутствие реакции на реплику партнера, а как молчаливую внутреннюю борьбу. И.В. Морозов совершенно справедливо указывает, что «тишиной – размеренной и непредсказуемой, дозированной и случайной, краткой и долгой, желанной и нестерпимой человек может порой сказать больше, чем самыми изысканными артикуляциями» (Морозов 2001, с. 161). Будучи особым семиотическим знаком, молчание является необходимым содержательным компонентом общения в данной ситуации, реакцией на неожиданно прозвучавшее объяснение в любви. Исследование показывает, что коммуникативное поведение русскоязычных влюбленных характеризуется использованием аналогичных невербальных средств, которые сопровождают вербальные высказывания представителей американской лингвокультуры: контакт глаз, молчание, прикосновения, поцелуй.

Наблюдения над коммуникативным поведением влюбленных позволяют сделать вывод о том, что в процессе реализации коммуникативной эмоциональности в категориальной эмоциональной ситуации признания в любви национальная специфика практически не обнаруживается. Воздействие на эмоциональное состояние партнера и в первом, и во втором случаях происходит с опорой на эмоциональную сферу собеседника. Доминирующим маркером ситуации признания в любви в обоих лингвокультурах является эмоциональное высказывание партнера *I love you / Я тебя люблю.* Исследование продемонстрировало, что в ситуации признания в любви и у американцев, и у русских проявляется универсальный характер реализации эмоции, что отражается в использовании практически одинаковых вербальных и невербальных средств.

Литература

1. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л., 1978.
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Постулаты коммуникативной лингвистики // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения: материалы Международной научной конференции, 15 – 16 октября 2007 г. – Астрахань, 2007. – С. 101-105.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М., 2005.
4. Корнилова Н.Б. Молчание влюбленных (Краткий анализ смысловых лакун) // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 182-186.
5. Морозов И.В. Основы культурологи. Архетипы культуры. – Мн., 2001.
6. Ренц Т.Г. Вербальное и невербальное в любовном дискурсе в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2007. – Воронеж, 2007. – С. 113-119.
7. Ренц Т.Г. Модели общения влюбленных. Язык и межкультурная коммуникация // Материалы II Международной научной конференции (28 марта 2008г., г. Астрахань)– Астрахань, 2008. – С. 51-54.
8. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 36-66.
9. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М.: Прометей, 2000. – 569 с.
10. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008.
11. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193-230.

В.В. Сидорова

Функционирование наименований вымышленных существ из произведений Дж. Р. Р. Толкина в русской и американской лингвокультурах

Развитие антропоцентрической парадигмы научных исследований стимулировало интерес отечественных и зарубежных лингвистов к изучению прецедентных феноменов. Опираясь на дефиниции Д.Б. Гудкова (Гудков 2003, с. 104) и В.В. Красных (Красных 2003, с.170), а также уточнения Е.А. Нахимовой (Нахимова, 2004, с. 169), прецедентные феномены можно определить как: 1) известные значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества. Названные выше исследователи выделяют вербальные прецедентные феномены (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые прецедентные феномены, к которым относятся прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Г.Г. Слышкин указывает на существование более сложных элементов прецедентной концептосферы, а именно, прецедентных миров, основываясь на системной взаимосвязи единичных прецедентных феноменов (Слышкин 2004, с. 154). Прецедентный мир – это совокупность единичных прецедентных феноменов (имен, высказываний, ситуаций), отвечающих следующим условиям: 1) восходящих к единому источнику; 2) осознаваемых носителями языка как взаимосвязанные; 3) регулярно актуализируемых в дискурсе в различных

комбинациях друг с другом. Апелляции к прецедентным мирам делают возможной для коммуникантов передачу более сложных культурных смыслов, чем апелляции к единичным прецедентным феноменам. В зависимости от источника формирования, можно выделить два типа прецедентных миров: 1) реконструируемые прецедентные миры, складывающиеся в сознании носителя языка в процессе усвоения фактов исторического прошлого; 2) воображаемые (авторские) прецедентные миры, возникающие при знакомстве с художественными текстами. В последнем случае прецедентный мир формирует метаконцепт прецедентного текста.

Целью данной работы является исследование родовых фиктонимов, т.е. наименований видов вымышленных живых существ, в художественных произведениях Дж. Р. Р. Толкина («Властелин колец», «Хоббит, или туда и обратно», «Сильмариллион») как феноменов, конституирующих авторский прецедентный мир. Описание персонажного ряда произведений великого английского писателя изначально сопряжено с трудностями терминологического характера. Удобная для практических целей исследования классификация прецедентных имен по характеру источникового онима (антропонимы, топонимы, зоонимы и т.п.) не вполне применима к ономастикону Дж. Р. Р. Толкина. Исследователь его творчества Рут Ноэл насчитала только в романе «Властелин Колец» 35 наименований видов живых существ (Noel 1977, с. 177-191). Из 151 персонажа, включенного в раздел «Биографии» энциклопедии Д. Дзя «Миры Толкиена» (Дэй 2003), антропонимы, т.е. имена людей, составляют лишь 15,9 %. Другими действующими лицами книг английского автора являются божественные айнуры (19,2 %), эльфы (19,9 %), гномы (17,9 %), хоббиты (3,3%), орки (5,3 %), онты (4 %), назгулы (1,3 %).

Поскольку в задачи данного исследования входит анализ функционирования наименований действующих лиц из произведений Дж. Р. Р. Толкина в качестве прецедентных имен, можно признать подробную классификацию персонажных онимов нерелевантной, так как все они в равной степени могут использоваться для характеристики людей, то есть выполнять функции прецедентных антропонимов.

Прецедентные имена обладают высоким прагматическим потенциалом. К их основным функциям относятся следующие: экспрессивно-декоративная, парольно-идентифицирующая, людическая, персуазивная, эвфемистическая и функция экономии речевых средств (Слышкин 2008, с. 28).

Отметим, что данные функции в той или иной степени характерны и для индивидуальных, и для родовых наименований персонажей Дж. Р. Р. Толкина. Функциональный потенциал рассматриваемых прецедентных имен различен и определяется различными факторами: известностью источника, характеристиками литературных героев, лингвистическими свойствами номинирующих их лексем, сферой их использования, особенностями коммуникантов и т.д.

Исследование современных американских и русских лексикографических источников не выявило упоминаний имен персонажей из произведений Дж. Р. Р. Толкина, что объясняется относительно коротким периодом известности его книг в обеих культурах. Электронный словарь Вэбстера (Webster's New Millennium™ Dictionary of English) фиксирует лишь лексему *hobbit*, указывая на ее этимологическую связь с литературным источником и давая ей следующую

дефиницию: *'a member of a fictitious peaceful and genial race of small humanlike creatures that dwell underground'*. Аналогичные, но менее полные определения, содержатся в других источниках:

1) *Hobbit - an imaginary being similar to a person but smaller and with hairy feet; invented by J.R.R. Tolkien* (WordNet 2.0 by Princeton University);

2) *Hobbit – one of an imaginary race of half-size people living in holes* (Collins English Dictionary, 2006).

Эти дефиниции дают лишь самое общее представление о внешнем облике, месте проживания и чертах характера рассматриваемых персонажей. Подробная информация о значимых действующих лицах произведений Дж. Р. Р. Толкина представлена в англоязычной и русскоязычной версиях энциклопедии «Википедия» (www.wikipedia.org). Электронная энциклопедия “Who2” (www.who2.com), содержащая сведения о наиболее известных реальных личностях и вымышленных персонажах, предлагает статьи о 6 толкиновских героях (*Aragorn, Arwen, Galadriel, Gandalf, Legolas, Frodo Baggins*), ограничиваясь краткой характеристикой их места в сюжетной линии «Властелина колец» и упоминанием об актерах, сыгравших их роли в экранизации Питера Джексона.

Тем не менее, стоит отметить факт, свидетельствующий, на наш взгляд, о том, что имена литературных героев Дж. Р. Р. Толкина известны широкому кругу англоязычных коммуникантов. Так, популярный электронный толковый словарь “YourDictionary” (www.yourdictionary.com) часто использует эти имена в предложениях, иллюстрирующих значение и употребление других лексем. В качестве примера ниже приводится фрагмент словарной статьи существительного *wizard*, в которой упоминаются толкиновские фиктонимы:

wizard usage examples –

Meanwhile, evil wizard Saruman marshals his fearsome army of Uruk Hai, in preparation for an attack on the kingdom of Rohan.

As the cranky wizard Gandalf tells Frodo, to stay in the Shire would put everyone else there in danger.

Маловероятно, что составители словаря обращались бы к литературному источнику, с которым аудитория недостаточно знакома.

Изучение словарей американского сленга показало, что в разговорной речи в метафорических значениях употребляются не только личные имена персонажей Дж. Р. Р. Толкина, но и созданные автором нарицательные существительные, обозначающие живых существ. Электронные словари “Urban Dictionary” и “Pseudo Dictionary” содержат дефиниции 19 подобных лексем; при этом, 8 из них, или 42,11 %, имеют переносные значения, которые могут употребляться для характеристики человека или реальной жизненной ситуации. Рассмотрим данные дефиниции подробнее.

1. **Balrog** – у Дж. Р. Р. Толкина так назывались огромные и зловещие человекообразные демоны, главным оружием которых был многохвостый огненный бич. Негативная коннотация, сопутствующая данной лексеме, способствовала развитию у нее нового значения, актуализирующего такие черты *балрогов*, как нескладный внешний облик и злобный характер:

Balrog – an exceptionally awkward and unpleasant manager, that delights in making life as difficult as possible for his/her underlings, by creative interpretation of rules/regulations. From "The Lord of the Rings".

*e.g., Oh, God, the **Balrog**'s going off on one again - there goes our early finish.* (“Urban Dictionary”).

2. **Ent** – защитник леса, получеловек-полудерево. *Онты* обладали огромной физической силой, в ярости они смогли разрушить даже стены Изенгарда, но вместе с тем отличительными чертами этих созданий были мудрость и кротость. “Urban Dictionary” зафиксировал следующее значение лексемы данной лексемы – ‘a patient creature’, т.е. ‘терпеливое создание’, которое проиллюстрировано следующим примером:

*You need the patience of an **ent** to put up with this degree course.*

3. **Entwife** – жена онта. *Онтицы* предпочитали заботиться о фруктовых деревьях и цветах. Когда их сады были погублены, исчезли и жены онтов, и об их дальнейшей судьбе ничего не известно. Лексема *entwife* может иметь значение ‘неуловимый, вечно ускользающий человек’:

*I've not seen him in three days – he's as elusive as an **entwife**.* (“Urban Dictionary”).

4. **Hobbit** – представитель одного из народов, населявших Средиземье. *Хоббиты* отличались характерной внешностью: малым ростом, упитанностью, покрытыми шерстью ногами, - а также простым и добрым нравом. Они жили в норах, любили плотно поесть и курили трубочный табак. Словарь американского сленга “Urban Dictionary” фиксирует следующие переносные значения слова *hobbit*: ‘невысокий человек’, ‘тот, у кого неестественно большой размер стопы’, ‘человек с волосатыми ногами’, ‘малознакомый человек, злоупотребляющий гостеприимством хозяев’ (*e.g. ... the **hobbit** is sleeping in my bed and knows I have to sleep on the coach*), ‘один из компании наркоманов, кому обычно поручают выполнение трудного или неприятного задания’ (*e.g. Why do you, guys, always have to make me the **hobbit**?*), ‘гомосексуалист невысокого роста’.

Помимо указанных выше значений, в том же словаре приводится пример употребления десемантизированного глагола *to hobbit*:

***hobbit, hobbiting** – anything you want it to,
e.g., Stop your **hobbiting** around!*

По-видимому, в данном случае обращение к прецедентному феномену служит выполнению ludic, т.е. игровой функции.

Лексема *hobbit* отличается более высокой, по сравнению с другими словами рассматриваемой группы, продуктивностью. Она входит в состав ряда производных выражений и слов:

- а) ***hobbit's leaf*** – ‘гашиш, марихуана’ (“Urban Dictionary”);
- б) ***hobbit pony*** – ‘толстая собака’ (“Urban Dictionary”);
- в) ***hobbit-head*** – ‘почитатель Дж. Р. Р. Толкина’ (“Pseudo Dictionary”);
- г) ***spazhobbit*** – ‘человек, совершивший нелепый поступок’ (от англ. *spaz*, т.е. ‘глупый, нелепый’ + *hobbit*) (“Pseudo Dictionary”);
- д) ***moho*** – ‘невысокий волосатый человек’ (от англ. *monkey*, т.е. ‘обезьяна’ + *hobbit*) (“Pseudo Dictionary”).

5. **Nazgul** – Призрак Кольца, некогда бывший человеком, но ставший прислужником Саурана. В качестве нарицательного существительного лексема приобретает значение ‘призрак, бестелесное существо’ – *e.g. Uh, I think you are becoming a **nazgul**...* (“Urban Dictionary”) или ‘Верховного суд США’ – *e.g., Did you read the **nazgul**'s latest decision? You won't believe it.* (“Pseudo Dictionary”).

Как свидетельствует пример, развитию последнего значения данной лексемы способствовали периферийные компоненты основного значения: количество назгулов в произведении Дж. Р. Р. Толкина совпадает с числом судей в высшей судебной инстанции Соединенных Штатов, а судейские мантии внешне напоминают черные плащи Призраков Кольца.

6. **Orc** – представитель выведенной Мелькором расы рабов-гоблинов. Внешне орки выглядели отвратительно, единственной радостью для них было причинение зла другим, вследствие чего слово *orc* стало символом глупого и жестокого человека (e.g., *Tom Buchanan is such an Orc*). При апелляции к внешней характеристике орка та же лексема получает значение ‘уродливый, дурно пахнущий человек’ – e.g., *That girl is so ugly, she's an Orc!* (“Urban Dictionary”).

7. **Uruk-hai** – новая порода орков, отличавшаяся большей силой и выносливостью. Так как орки и урукхай у Дж. Р. Р. Толкина были свирепыми созданиями, обделенными интеллектуальным развитием, слово *uruk-hai* может употребляться как прилагательное, означающее ‘лишившийся дара речи от ярости или огорчения’: e.g., *OK now... no matter what the boss says in the meeting, stay cool, don't be getting all uruk-hai*. (“Urban Dictionary”).

8. **Warg** – один из злобных волков, вступивших в союз с орками. Во время сражений орки часто скакали верхом на *warg* как на конях. У слова *warg* появились значения ‘закоренелый преступник; изгой; человек вне закона’, ‘маньяк-убийца, удушающий свои жертвы’, ‘волк-людоед’, ‘оборотень’. Словарь “Urban Dictionary” иллюстрирует данные значения следующими примерами из повседневной речи: *My mom doesn't like to discuss my uncle. I think he's a warg; Be careful. I hear a warg escaped from the nearby prison last night; I don't like going into the woods at night. I always feel as if wargs are following me; Don't hang around with that guy on a full moon. I hear he's a warg*.

Данная группа нарицательных существительных, обозначающих живых существ в произведениях Дж. Р. Р. Толкина, выступает в американской лингвокультуре как фрагмент соответствующего вымышленного прецедентного мира. Следует отметить превалирование в рассматриваемой группе существительных с отрицательной коннотацией – 5 из 8, или 62,5 %, а также развитие негативно окрашенных значений у лексем, называющих положительных персонажей (см. *hobbit*).

Поиск аналогичного материала в словарях русского сленга не дал значительных результатов. Имена собственные персонажей Дж. Р. Р. Толкина на русском языке зафиксированы только в электронных лексикографических источниках. Так, электронный «Словарь молодежного сленга» Татьяны Колесниковой под редакцией Михаила Кордонского (<http://teenslang.su>) содержит 21 лексему с указанием на этимологическую связь с миром произведений английского автора, 16 из них повторяются в «Словаре ролевика» (<http://orc-creeos.narod.ru>), что свидетельствует об ограниченности их применения сферой соответствующей субкультуры. Названные словари приводят дефиниции 3 лексем, обозначающих у Дж. Р. Р. Толкина различные виды вымышленных существ: *хоббит*, *дивный*, *нольдор*:

Хоббит, -а, м. — невысокий парень. || Я не буду с ним знакомиться, с этим хоббитом. («Словарь молодежного сленга»).

Дивный, м. (ролевики) — 1. Эльф — персонаж мира книг Толкиена; 2. Человек, переставший отличать моделируемый мир от реального. («Словарь молодежного сленга»).

Нольдор — то же, что ДИВНЫЙ. || Ну, ты полный ~ !. <Из произведений Дж. Толкиена, "нольдор" - одно из племен эльфов.> («Словарь ролевика»).

В то же время, данные словари фиксируют существительные, производные от лексем, называющих виды вымышленных существ: *хоббитятник, гномятник, орчатник* (лагеря для «ролевиков», играющих соответствующих персонажей). Словосочетание *хоббитские игрища*, аббревиатура *ХИ* и слово *хишка* означают серию ролевых игр, проходящих в Красноярске, Екатеринбурге, Уфе и Москве по сюжетам книг Дж. Р. Р. Толкина. Участники «хоббитских игрищ» получили название *хишники*.

Однако способность некоторых из рассматриваемых лексем к словообразованию не позволяет делать выводы о значительной характерологической актуальности прецедентного мира Дж. Р. Р. Толкина в современной русской лингвокультуре. Коннотативное употребление наименований живых существ из произведений английского автора для американского повседневного дискурса характерно в большей степени, чем для русского. Наибольшую способность к интенциональному функционированию в обеих лингвокультурах проявляет лексема *hobbit* / хоббит. Прецедентность исследуемого прецедентного мира и составляющих его феноменов ограничена определенной частью представителей американского и русского лингвокультурных сообществ, т.е. данные феномены можно считать социумно-прецедентными. Превалирующими функциями рассматриваемых прецедентных имен в процессе коммуникации являются парольно-идентифицирующая, людическая и экспрессивно-декоративная.

Литература

1. Noel R.S. The Mythology of Middle-earth. – London, 1977.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.
3. Дэй Д. Миры Толкиена: Большая иллюстрированная энциклопедия. – М., 2003.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
5. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 166–174.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград, 2004.
7. Слышкин Г.Г. Функционирование концептов прецедентных феноменов в коммуникации // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. – Волгоград, 2008. – Т. 2. – С. 28 – 32.

А.А. Пичугина

Символика красного цвета в мифологии кельтов Ирландии и Уэльса

Истоки мифологии Британских Островов берут свое начало с вторжения кельтских племен, которое началось около 600 года до н.э. и носило отнюдь не единовременный, а протяженный характер. Вторгшиеся в Британию кельты говорили на варианте пракеельтского языка, от которого берут свое начало языки валлийский, корнуэльский и бретонский, равно как и гэльский язык Шотландии

и Ирландии и язык острова Мэн. Вместе с языком кельты принесли в Британию свою религию – друидизм, сохранив при этом многие черты докельтского мифорелигиозного устройства страны (Мифология Британских островов 2007, с. 33). Необходимо отметить, что кельтские мифы, как и прочие сакральные знания в эпоху друидов существовали исключительно в устной традиции – и ирландские, и валлийские предания были записаны уже после христианизации обеих земель (там же, с. 41). Эти тексты дошли до нас в пергаментных манускриптах, на протяжении многих веков хранившихся в монастырских библиотеках Ирландии, Шотландии и Уэльса и лишь в XIX веке представших перед широкой публикой и ставших объектом изучения историков, литературоведов, лингвистов, культурологов.

В данной статье мы попытаемся проследить символику красного цвета в мифологии кельтов Ирландии и Уэльса. Материалом для исследования послужили переводы на английский язык эпической саги «Похищение быка из Куальгне» (ирландский эпос) и староваллийские сказания «Мабиногион».

Цветобозначение (ЦО) «red» является уникальным по сравнению с другими цветобозначениями. Во-первых, это единственное ЦО у которого этимологи обнаружили общий индоевропейский корень. Древнеанглийское *read* происходит от прагерманского *rauthaz* (древненоввежский *raudr*, датский. *rød*, древнефризский *rad*, средневековый голландский *root*, немецкий *rot*, готский *raups*), от праиндоевропейской основы *reudh-* (классический латинский *ruber*, а также *rufus* «светло-красный» (о цвете волос), греческий *erythros*; санскрит *rudhira-*; древнецерковнословянский *rudru*, польский *rumiany*, русский *rumjanyj* «горящий, красный» (о цвете лица); литовский *raudas*; древнеирландский *ruad*, валлийский *rhudd* (etymonline).

Во вторых, в ЦО «red» ярче, чем в других ЦО (например, white или black) проявляется такое свойство символа как амбивалентность, так как значение красного цвета однозначной трактовке не поддается и сочетает в себе все свойства человеческой натуры, такие как жизнь и смерть, агрессия и радость, любовь и ненависть, война и праздничность и т.д.

Longman Dictionary of Contemporary English описывает красный как цвет крови и огня. В валлийских сказаниях мы встречаем и прямое указание на красный цвет как цвет крови: «He had in his hand a blue-shafted lance, but from the haft to the point it was stained crimson-red with the blood of the Ravens and their plumage (The Mabinogion, с. 310), и символическое значение: «And he saw but one hue upon the men and the horses of this troop, for they were all as red as blood (там же, с. 304), которое в данном контексте символизирует смертельную опасность. Таким образом, в контексте валлийских сказаний можно выделить следующую символическую закономерность: красный как кровь – кровь как смертельная опасность. В ирландском сказании «BRICRIU'S FEAST, AND THE WAR OF WORDS OF THE WOMEN OF ULSTER» Эмер говорит о Кухулине: ...he is like the clear red blood (Мифология Британских островов 2007, с. 58). В данном контексте «the clear red blood» используется как символ благородного происхождения.

Тресиддер в своем «Словаре символов» указывает на то, что в кельтской традиции смерть выглядит как красный всадник (Тресиддер1999, с.168). Подтверждение этому мы находим в ирландской мифологии. В сказании «THE HIGH KING OF IRELAND» Немглан накладывает гейсы на Конайре и один из

гейсов таков: Do not let three Reds go before you to the House of Red (Cuchulain of Muirthemne, с. 85). А когда Конайре все же встречает их, они описываются следующим образом: «Red cloaks they had, and red shields, and red spears in their hands, and they riding on the red horses (там же, с. 91). В валлийском сказании «PEREDUR THE SON OF EVRAWC» мы также встречаем всадника на красном коне и в красных доспехах: And he looked back, and saw a man upon a red horse, with red armour upon him (The Mabinogion, с. 110], но никакой смертельной опасности от него не исходит, напротив он оказывается вполне дружелюбным и преданным рыцарем.

Красный цвет в военном обмундировании может символизировать физическую силу, мужественность, отвагу, доблесть. В валлийских сказаниях мы встречаем следующие подтверждения этому: So she gave him a horse and arms, and a bright scarlet robe of honour over his armour (The Mabinogion, с. 120). В сказании «THE DREAM OF RHONABWY» описывается «the belt of new red deer-skin», в том же сказании мы встречаем:... and at the top helmet was the image of a flame-coloured leopard with two ruby-red stones in its head (там же, с. 310). В мифологии ирландцев мы обнаруживаем сходство символичности красного цвета как цвета мужественности, отваги и доблести. В сказаниях о Кухулине повсеместно встречаются heroes of Conchubar's Red Branch и House of the Red Branch, где хранились головы и оружие побежденных врагов. А один из подвигов Кухулина был «the red-whirling feat» (Cuchulain of Muirthemne, с. 60). Нередко в данных сказаниях королям и доблестным воинам давалось прозвище. В составе прозвища можно наблюдать и ЦО red, например, Lugaid of the Red Stripes, Aed the Red, one of the three kings of Ireland, mighty Laegaire of the Red Hand, Rough-Red Buinne. Красный цвет в ирландских сказаниях может символизировать силу. Так, Федел Чистое Сердце, жена Лойгайре говорила о нем в сказании «BRICRIU'S FEAST, AND THE WAR OF WORDS OF THE WOMEN OF ULSTER»: Look at Laegaire, my husband, and what his red hand does for Ulster (там же, с. 56). Эмер, жена Кухулина так говорила о нем: But the flame of his eyes is turned westward; he is the strong protector; his chariot is red, its cushions are red (там же, с. 57).

Красный цвет в одежде, домашней утвари может символизировать богатство, роскошь, знатность, праздничность. В валлийском сказании «KILHWCH AND OLWEN» мы встречаем девушку, одетую в огненно-красную мантию из шелка с воротником из красного золота, украшенного драгоценными изумрудами и сапфирами: The maiden was clothed in a robe of flame-coloured silk, and about her neck was a collar of ruddy gold, on which were precious emeralds and rubies. (The Mabinogion, с. 233). В сказании «THE LADY OF THE FOUNTAIN» описывается король Артур, сидящий на огненно-красном покрывале из атласа с лежащей рядом подушкой из красного атласа: In the centre of the chamber King Arthur sat upon a seat of green rushes, over which was spread a covering of flame-coloured satin, and a cushion of red satin was under his elbow (там же, с. 3). Многие предметы дома или детали одежды сделаны именно из красного золота – «red gold». В сказаниях валлийцев мы встречаем claps of red gold, a chair of ruddy gold, the figure of two eagles of ruddy gold, frontlet of red gold upon her head, a girdle of ruddy gold. В мифологии ирландских кельтов красный цвет используется для описания для убранства дома. Неслучайно комнаты в Королевском доме Конхобара были сделаны из красного тиса. – In the Royal

House there were three times fifty rooms, and the walls were made of red yew, with copper rivets (Cuchulain of Muirthemne c. 43).

Довольно часто красный цвет встречается в описании внешности. Например, в валлийских сказаниях встречаются персонажи, описанные как «red – headed man». Однако, Longman Dictionary of Contemporary English, говорит о том, что red hair указывает на оранжево-коричневый окрас. Обычно люди с «красными волосами» в «Мабиногион» описывались так, как, например в сказании «THE DREAM OF RHONABWY»: And they heard a call made for Eirynwych Amheibyn, Arthur's servant, a red, rough, ill-favoured man, having red whiskers with bristly hairs. (The Mabinogion, c. 306).

Красными в «Мабиногион» могут быть щеки, цвет лица. В ряде случаев они описываются просто «ruddy» или «ruddy youth», а иногда – с помощью прототипического сравнения. Так, в сказании «PEREDUR THE SON OF EVRAWC» мы видим следующее сравнение: ...and on her cheeks were two red spots, redder than whatever is reddest. Или в том же сказании: and that the two red spots upon her cheeks were like the two drops of blood. В сказании «KILHWCH AND OLWEN» другое сравнение: her cheek was redder than the reddest roses. В ирландских сказаниях красный цвет также выступает в качестве прототипического сравнения в описании цвета губ и щек. В сказании «THE HIGH KING OF IRELAND» мы встречаем следующее: Her lips as red as the berries of the rowen tree. Иногда в мифе не дается четкого указания на цвет, но мы понимаем, что в данном случае речь идет именно о красном цвете: «their cheeks like the blood of the speckled red calf. Таким образом, в данном контексте красный цвет символизирует молодость, жизненную силу, здоровье.

На красный цвет щек может нам указать также глагол blush (краснеть, заливаться румянцем). Так, в сказании «KILHWCH AND OLWEN» мы находим: And the youth blushed, and the love of the maiden diffused itself through all his frame, although he had never seen her (The Mabinogion, c.219). Здесь, глагол blush указывает на то, что цвет лица меняется под влиянием эмоций, в этом случае он несет в себе символический оттенок любви, страсти. В ирландских сказаниях эмоции, связанные с красным цветом несут в себе оттенок смущения: ...whatever colour she was before that, she would blush crimson red (Cuchulain of Muirthemne, c. 111). And with the confusion that was on her, a blaze of red fire came upon her, and her colour came and went as quickly as the aspen by the stream (там же, c. 112).

В мифологии ирландских кельтов красный может символизировать красоту. Эммер сказала Кухулину: But all the same, everything red is beautiful... (Cuchulain of Muirthemne, c. 290). Или же описание Лабрайта:... the beauty of redness is on the cheek of Labraid (там же, c. 283).

Проведенный сравнительный анализ цветообозначения «red» в валлийской и ирландской мифологии кельтов показал наличие одинаковых символических характеристик: красный как символ богатства, роскоши, знатности, мужества, отваги, доблести, молодости, жизненной силы, здоровья.

Вместе с тем мы наблюдаем и различия. Так, символическими оттенками красного цвета, характерными только для валлийских кельтов, являются смертельная опасность, любовь, страсть, только для ирландских кельтов: сила, смерть, благородное происхождение, смущение, красота.

Существование единой символики, характерной для ирландской и валлийской мифологии кельтов можно объяснить тем, что Ирландия и Уэльс находятся на территории Британии, имеют «кельтское прошлое», с которого и берет свое начало мифология Британских островов. Но при этом, как и у Ирландии, так и Уэльса было свое прошлое, своя история, свои традиции. И то, как записывались, а впоследствии и переписывались эти мифы жителями Ирландии и Уэльса, которые, несомненно, в процессе переписки вносили свои коррективы с учетом своих культурных особенностей, оказало влияние на содержание самих мифов. Р. Бастид в своей статье «О чем говорят цвета. Мифы и символы» отмечает, что значение красок вытекает из содержания мифа, и в другом мифе они будут иметь совершенно другое значение, т. е миф создает символы (Бастид 1958, с. 283). Этим и можно объяснить различия в символике цветообозначения кельтов Ирландии и Уэльса.

Литература

1. Cuchulain of Muirthemne: the story of the man of the red branch of Ulster; Translated by Lady Charlotte Guest with a preface by W.B.Yeats. London John Murrey, Assamble street, 1902.
2. etymonline – <http://www.etymonline.com>
3. The Mabinogion from the Welsh of the llyfr Coch o Herget (the red book of Herget). Translated, with notes by Lady Charlotte Guest. London Bernard Quaritch, 15 Picadilly, 1877.
4. Бастид Р. О чем говорят цвета. Мифы и символы // Курьер ЮНЕСКО. Июнь. – 1958. – С.24 – 33.
5. Мифология Британских островов: энциклопедия. – М., СПб., 2007.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько.- М., 1999.

О.А. Дормидонтова

Лексема ХЛЕБ как национально-культурный компонент фразеологического и паремиологического фонда русского и французского языков

Еда составляет неотъемлемую часть национальной жизни. Эта тесная связь вошла во французскую поговорку «Dis-moi ce que tu manges et je te dirai qui tu es» – «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Естественно, что любой народ, а также его восприятие окружающего мира и действительности рассматривается, в частности, через призму его национальной кухни.

В этой связи изучение «гастрономической» лексики представляется особенно интересным, так как именно наименования продуктов питания, блюд, а также предметов кухонной утвари и столовых приборов позволяют исследователям выявить ассоциации, которые возникают у представителей того или иного лингвокультурного сообщества, и проследить, каким образом они влияют на их мировоззрение, на своеобразное языковое «видение» мира. Данные исследования проводятся в рамках лингвокультурологического подхода. Именно лингвокультурология – дисциплина синтезирующего типа, которая характеризуется целостным и системным изучением взаимосвязи культуры и языка и ориентируется на современную систему норм и общечеловеческих

ценностей, позволяет наиболее глубоко и детально рассмотреть проблему взаимосвязи и взаимозависимости языка и культуры.

Исследуя «гастрономическую» лексику и выявляя ее национально-культурный характер, способный влиять на мировоззрение человека, некоторые авторы обращаются к рассмотрению наименований мучных блюд и кондитерских изделий, для которых вводится специальный термин – *кулинаронимы* (Леонова 2003, Степанова 2004).

В данной статье проводится сопоставление русских и французских фразеологизмов, пословиц и поговорок, в состав которых входит один из наиболее распространенных кулинаронимов – лексема ХЛЕБ и которые отражают значение хлеба для представителей соответствующих лингвокультурных сообществ.

Хлеб во многих, если не сказать, что во всех культурах, является одним из наиболее важных концептов языковой картины мира. В русском языке предметное значение слова *хлеб* многогранно: это и угощение, и доброе пожелание, и забота, попечение. Данная лексема (особенно в словосочетании *хлеб-соль*) входит в состав многочисленных пословиц и поговорок, связанных с праздниками, разными событиями, религиозными обрядами. Так, например, в христианстве обряд причащения совершается хлебом и вином. Принимая во внимание отличительную черту русского национального характера – гостеприимство, нельзя не обратить внимания на частое использование лексемы ХЛЕБ в паремиях соответствующей тематики. Ср.: *Просим к нашему хлебу и соли; Хлеб-соль со стола не сходит; У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко* и др. Можно сказать, что *хлеб да соль* являются традиционным символом гостеприимства и радушия у восточных славян. А производными от этого выражения словами – *хлебосол* или *хлебосольный* человек – называют сердечного, гостеприимного, обильно угощающего гостей хозяина. Старинный русский обряд подносить при торжественной встрече каравай хлеба и соль на красочно расшитом полотенце тому, кого принимают с почестями, существует и по сей день на церемониях официальных встреч, на свадьбах (*Хлеб-соль принимаем, а вас под образа сажаем*). Словосочетание *хлеб да соль* используется также как пожелание, прежде всего, приятного аппетита или как приглашение отведать хлеба, приобщиться к трапезе, к столу. Кроме того, в крестьянской среде это словосочетание употребляется как приветствие и пожелание тому, кого застали за столом во время еды. В более широком смысле – это пожелание мира, радости, достатка.

Лексема ХЛЕБ также входит в состав многочисленных фразеологизмов, которые представляют хлеб как основной продукт питания, отсутствие которого может привести к бедственному существованию, нищете. Например: *Перебиваться с хлеба на воду* (прост., экспрес.) – жить очень бедно, терпеть нужду, лишения; *сидеть на черном хлебе* (прост., экспрес.) – жить впроголодь и др.. Хлеб также расценивается как средство выживания, заработка, который может быть добыт или отнят у кого-либо. Ср.: *Добывать (зарабатывать) (свой) хлеб* (разг.) – зарабатывать необходимые средства на существование; *есть хлеб недаром* (прост.) – много, усердно работать; *кусок хлеба* (разг.) – необходимое пропитание; средство существования; *отнять (отнимать, отбивать) хлеб у*

кого-либо (разг.) – отнимать заработок или возможность заработать, берясь за ту же работу, дело, занятие, на которое рассчитывал другой и др.

Таким образом, в русском языке рассматриваемая лексема входит в состав словосочетаний, фразеологизмов, паремий, отражающих такие значения хлеба, как: 1) основное угощение на разного рода праздниках, торжественных церемониях, обрядах; 2) проявление национальной черты характера – гостеприимства; 3) основной продукт питания; 4) средство существования, заработка.

Несравненно шире и разнообразнее использование соответствующей лексемы во фразеологических единицах и паремиях во французском языке.

Для французской культуры красное вино («vin rouge») и (белый) хлеб («pain blanc») – это те два продукта, которые приобрели символическое значение и стали своеобразными визитными карточками Франции в мире. Неудивительно, что во французском языке лексема PAIN находит свое отражение в многочисленных устойчивых словосочетаниях, фразеологических единицах и паремиях, подчеркивающих значимость данного продукта питания для французов, а также способствующих лучшему пониманию специфически французского видения мира и человека в мире, поскольку рассматриваемые номинации во многом антропоцентричны в отличие от русского языка.

Так же как и в русском, во французском языке изучаемая лексема входит в состав пословиц, поговорок, словосочетаний и фразем, подчеркивающих значение хлеба как основного продукта питания: *Qui a du pain nargue le chagrin* – кто хлеб имеет, того печаль не одолеет; *a bonne faim il n'y a pas de mauvais pain* – для голодного всякий хлеб хорош; *tout pain est sain à qui a faim* – голод – лучший повар и др.); как средства существования, заработка: *le pain quotidien* – 1) хлеб насущный; 2) повседневная пища; 3) заработок: *gagner son pain (à la sueur de son front)* – зарабатывать свой хлеб (в поте лица); *c'est du pain bien dur* – это нелегкий заработок (букв.: это очень твердый хлеб); *il y a là un (bon) pain à manger* – здесь можно хорошо заработать (букв.: здесь можно поесть вкусный хлеб) и др.; как символа гостеприимства: *rompre le pain avec qn* – по-братски разделить трапезу с кем-либо. Наличие хлеба свидетельствует также о душевном покое, счастье: *Liberté et pain cuit* – чтобы быть счастливым, достаточно свободы и хлеба; *avoir le pain et le couteau* – располагать всем необходимым (букв.: иметь хлеб и нож); *avoir son pain cuit* – быть уверенным в завтрашнем куске хлеба (букв.: иметь свой испеченный хлеб). Напротив, отсутствие или лишение хлеба необратимо приводит к потере самого необходимого, всякого рода лишениям, нужде и даже к гибели: *Enlever (retirer, ôter) le pain de la bouche à qn* – лишать кого-то средств к существованию, отнять последний кусок хлеба, вырвать кусок хлеба изо рта; *vivre au pain et à l'eau* – сидеть на хлебе и воде, голодать; *avoir plus de la moitié de son pain de cuit* – 1) разориться; 2) быть на краю могилы; *perdre le goût du pain* – умереть (букв.: потерять вкус хлеба).

Важно отметить, что лексема PAIN часто используется во французских выражениях и словосочетаниях, основанных на метафорическом переносе тех или иных свойств и качеств хлеба как основного продукта питания и призванных отобразить то или иное качество личности, внешность, образ жизни, моральные нормы представителей французского лингвокультурного сообщества.

Так, при описании очень высокого человека скажут «*il est long (grand) comme un jour sans pain*» – высоченный (верста коломенская) (букв.: длинный (высокий)

как день без хлеба). Говоря о человеке скупом или не очень щедром, французы используют следующие выражения: *donner plus de pain que de beurre* (букв.: давать больше хлеба, чем масла); *pleurer le pain qu'on mange* (букв.: оплакивать хлеб, который ешь); *manger son pain dans sa poche* (букв.: есть свой хлеб в своем кармане). О человеке мягком, добром, радушном скажут *il est tendre comme du pain frais* (букв.: он мягкий как хлеб) или *il est bon comme du pain blanc* (букв.: он добрый как белый хлеб). Если человек нерасчетлив, не способен продумывать ситуацию на несколько шагов вперед, значит *il mange son pain blanc le premier* (букв.: он съедает свой белый хлеб в первую очередь), и наоборот, если он находчив и сообразителен – *il sait son pain manger* (букв.: он умеет есть свой хлеб). Если человек любит разнообразие, перемены в жизни, имеет богатый жизненный опыт, значит *il a mangé de plus d'un pain* (букв.: он вкусил от нескольких хлебов). А тот, кто способен не дать себя в обиду, умеет «защищать свой хлеб» (*défendre son pain*).

Интеллектуальные способности человека также могут быть описаны с использованием метафоры со словом PAIN. Так, например, о посредственных умственных способностях кого-либо скажут: *il n'a pas inventé le pain à cacheter* – он звезд с неба не хватает (букв.: не он хлеб придумал).

Лексема PAIN входит в состав фразеологических единиц и словосочетаний, которые описывают разного рода состояния человека в той или иной ситуации. Ср.: *s'amuser comme une croûte de pain derriere une malle* – умирать со скуки (букв.: веселиться как хлебная корка за сундуком); *triste comme le jour sans pain* – печальный как постный день (букв.: грустный как день без хлеба); *le petit pain des noces dure encore* – они влюблены друг в друга как в день свадьбы (букв.: они все еще едят свадебный пирог); *ivre comme une tranche de pain mouillée de vin* – пьяный как свинья (букв.: пьяный как кусок хлеба, смоченный вином); *tremper son pain de larmes* – быть в отчаянии, находясь в трудной ситуации (букв.: поливать свой хлеб слезами) и др..

Проведенный анализ французских устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок, содержащих лексему PAIN, свидетельствует о том, что лексема PAIN значительно активнее соответствующей русской лексемы участвует в формировании многочисленных устойчивых единиц метафорического характера, имеющих ярко выраженную антропоцентрическую направленность.

В заключение отметим, что и в русском, и во французском лингвокультурных сообществах компонент «хлеб» с помощью перцептивно-функционального сознания идентифицируется как сигнал информации о национальном, типичном, наиболее распространенном продукте питания. В обоих сопоставляемых языках рассматриваемая лексема является важным смыслообразующим культурно маркированным элементом, входящим в состав разнообразных словосочетаний, фразеологизмов и паремий. Они отражают как универсальные фундаментальные культурные ценности (особое значение хлеба как основного продукта питания, средства к существованию), так и национальные особенности представителей двух лингвокультурных сообществ. При этом национально-культурные ассоциации, связанные с концептом ХЛЕБ, оказываются значительно более разнообразными во французской языковой картине мира.

Литература

1. Леонова А.И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: Дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2003.
2. Степанова И.И. Номинация мучных изделий в современном французском языке: Лингвокультурологический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2004.

Раздел 8.

Сопоставительные исследования и перевод

Н.Н. Орехова, З.М. Цунанова

Иосиф Бродский в английских и немецких переводах: текст, интертекст, метатекст

Переводчики, эти "почтовые лошади просвещения" (А.С. Пушкин), не только знакомят читателей с авторами и текстами, они выступают медиаторами в диалоге культур, переводческий текст призван максимально сохранить не только этнокультурный фон произведения, но и эстетические ориентиры автора, интертекстуальные связи, не говоря уже о значимых реалиях и личностях. В творчестве И. Бродского культурно-эстетическими доминантами являются античность, концепция преемственности культурного и литературного опыта. В Нобелевской лекции поэт декларирует свое творческое кредо как "воссоздание эффекта непрерывности культуры ..., наполнения ее форм нашим собственным, новым, или казавшимся таковым, современным содержанием" (Бродский 1996, с.7). Переводчику поэзии Бродского (и его прозы) необходимо воспроизвести культурные реалии, все аллюзии, литературные параллели, прототипы и топосы, составляющие глубинный пласт поэтики. Этому служат "малые" метатекстовые жанры примечания и комментария - своеобразный "знак качества", добротности перевода. Обратимся к переводам стихотворения "Письма римскому другу" – признанному шедевр, своего рода визитной карточке поэта, которое в России разошлось на цитаты.

Несколько замечаний об исходном тексте. Это значительное по объему стихотворение (18 катренов, соединенных попарно в октавы) представляет эпистолярный диалог добровольно удалившегося из Рима литератора с другом юности Постумом, видным сановником империи (Бродский 2001 с. 42-44). Подзаголовок "Из Марциала" аллюзивен к эпиграмматисту Марку Валерию Марциалу (40-104 гг. н.э.), создавшему яркие зарисовки быта и нравов жителей Рима (Марциал 1994). Точная дата написания, март 1972, накануне вынужденной эмиграции Бродского, помогает выстроить параллель с другим римским литератором - прославленным поэтом Овидием, отправленным по приказу императора в бессрочную ссылку в "провинцию у моря", где он создал "Письма с Понта" и ряд других произведений (Назон 1982). В "Письмах" Бродский размышляет о смысле человеческого существования, что в тексте и подтексте выливается в два доминантных мотива. Первый эксплицирован: это отсутствие гармонии в окружающем рассказчика мире. Добровольный изгнанник совершенно одинок и смирился с этим ("ни подруги, ни прислуги, ни знакомых"), он размышляет о скорой смерти ("скоро, Постум, друг твой,

любящий сложенье, /Долг свой давний вычитанию заплатит"), о бессмысленности жизненного пути ("мы, оглядываясь, видим лишь руины"). Государственное устройство, социальные институты несправедливы: в столице - интриги, обжорство; в провинции - молодая аристократка свободных нравов становится жрицей (уж не девой ли весталкой?). Даже среди наместников приходится выбирать между "ворюгой" и "кровопийцей". Рассказчик повествует о парадоксальности человеческих судеб (купец и легионер), о продажной любви (разговор с гетерой). В последней октаве уже из уст автора вновь звучит тема бренности бытия ("пыльное оконце/стул покинутый, оставленное ложе"). Для Бродского, ожидавшего вынужденной эмиграции по политическим мотивам, тема несправедливости, дисгармонии была в этот период его жизни особенно актуальной. Контрастом этой дисгармонии (как композиционный прием контраст пронизывает все стихотворение) выступают сцены описания природы – "сколь же радостней прекрасное вне тела", "трогательная смена" летних и осенних красок, "согласное гуденье насекомых", цветы, принесенные с гор, "чистое небо", "созвездья", "зелень лавра, доходящая до дрожи", "дрозд щебечет в шевелюре кипариса".

Второй доминантный мотив – роль и место литературы в человеческой цивилизации – составляет глубинный содержательный пласт и раскрывается посредством скрытых цитат и аллюзий, последовательно проходящих через все стихотворение. Уже само название вызывает в памяти судьбу Овидия ("Письма римскому другу" – "Письма с Понта"). Русский пласт создается за счет паремий "курица не птица", "мягко стелют, да жестко спать", "куриные мозги", "хватить горя", аллюзией к грибоедовскому "от господ подалее", а также через упоминание вьюги, обычной в России зимой. Последняя становится метафорой ледящего, жестокого советского режима, который то и дело затевает войны (октава 6 "Как там в Ливии, мой Постум, или где там" /Неужели до сих пор еще воюем?). Две империи, Римская и советская, в сознании поэта сближаются (несправедливость социально-политического устройства, произвол сильных мира сего, экспансия). Строка "Вот и прожили мы больше половины" (октава 6) является скрытой цитатой из Данте ("Земную жизнь пройдя до половины") и напоминает еще об одном античном поэте – Горации, герой которого Эней, как и рассказчик в "Божественной комедии" великого итальянца, спускался в преисподнюю. В заключительной октаве упоминается Плиний Старший, книга (точнее свиток) которого остается лежать на скамейке. Тема "книги" является кольцевой: вторая октава "Посылаю тебе, Постум, эти книги" и заключительные строки "на разохшейся скамейке Старший Плиний". Таким образом в поэтическом (и личностном) мире Бродского литература – это то единственное, что не умирает и не превращается в руины, сохраняя культурную память человечества и сохраняясь в ней. Не прерывается связь времен, повторяются судьбы поэтов и остается неизменным их предназначение – вносить гармонию в мир людей. Невольно приходит на память Пролог в театре из "Фауста" И.В. Гете, где Поэт говорит: Кто вносит в шум разрозненности жалкой /Аккорда благозвучье и красу?/ Что это? - Человеческая мощь, / В поэте выступившая открыто/(Гете 1998, с.34). Иосиф Бродский ставит себя в один ряд великих поэтов - Овидия, Данте, Гете и ощущает себя продолжателем литературных традиций.

Завершая краткий обзор исходного текста, отметим, что "Письма" – одно из самых совершенных и гармоничных в фонетическом отношении стихотворений Бродского. Приведем некоторые примеры из первых двух катренов: уже первая строка демонстрирует тесное сочетание фонетической и лексической семантики: *Нынче ветрено и волны с перехлестом*. Гласные, расположенные в четкой последовательности [ы-eee-oo-и-ы-ee-oo], передают ритмичное движение моря, множественный повтор сонорных **нлн** и конечное сочетание **хст** – звук бегущей и разбивающейся о берег волны. Особую гармонию стихотворению придают звуковые повторы: *...чем наряда перемена у подруги* (е ааа еееа у ауи), *...ни объятье невозможно, ни измена...*, *посылаю тебе, Постум, эти ...* и т.д. В оригинале используется шестистопный хорей с отдельными пропусками, заданная строфика ни разу не нарушается. При этом энергичность хореической строфы не позволяет стиху упасть в меланхолическую тональность. Рифмы Бродского (предмет законной гордости поэта) неизменно точны и достаточно разнообразны (точные, мужские, чаще открытые, корневые). Модель рифмовки перекрестная - abab.

Перевод стихотворения на английский язык принадлежит профессору филологии Пенсильванского университета Джорджу Л. Клайну, ранее переводившему поэзию Б. Пастернака (см. Brodsky 2001). В Интернете помещен также анонимный перевод, текстуально совпадающий с вариантом Дж. Клайна (Joseph Brodsky. htm. LETTERS). Немецкий переводческий текст выполнен Сергеем Страховым (Страхов 2000). Налицо два типа перевода, по большей части академический и "массовый". Текстуально английский переводческий текст строго следует оригиналу, в немецком наличествует 6 искажений (напр.: письма/letters - der Brief; горит/ is erlöscht; трусить /to be fearful - streiten). Вместе с тем филигранная поэтическая техника русского Мастера мотивировала поиск в плане воссоздания строфики, рифмовки, звукописи. В пределах фономорфологических возможностей языков перевода с этой задачей переводчики Дж. Клайн и С. Страхов справились: в обоих вариантах сохраняется хореический размер, наличествует разнообразие рифм, от точных до графических (напр.: empire-dear). Используются аллитерация и ассонанс, как и в исходном тексте (повторы сонантов, лабиодентальных [V] [W] [p+f]. Используемые лексика, фразеология, синтаксис позволяют сохранить непринужденность дружеского письма, разговорную интонацию. В целом с точки зрения техники перевода и специфики языков перевода английский и немецкий тексты вполне адекватны. Что касается воспроизведения глубинных смыслов, пафоса "Писем", то здесь возникают вопросы.

В обоих переводческих текстах купирован подзаголовок "К Марциалу", что сужает аллюзивный пласт. Бродский устами рассказчика следует традициям античной эпиграммы, сохраняя ее основные структурные элементы (обращение, описание, побуждение) (см. об эпиграмме – Гаспаров 1997, с.291-316). В исходном тексте обращение к адресату (Постум) звучит в 7 октавах из 9; в немецком переводе адресат упоминается всего 3 раза, что ослабляет каноны эпистолярного жанра (в английском тексте обращение Postum/ my dear повторяется 10 раз в 6 октавах).

В обоих переводах не воспроизводится глубинная параллель между Римской империей и Советским Союзом, которая создается у Бродского посредством русских паремий и скрытых цитат. При отсутствии в обоих языках приемлемых

эквивалентов в этом случае целесообразны затекстовые примечания. Отсутствует эквивалент лексемы "вьюга" - метафоры "холода" в советской империи. Одновременно в немецком тексте усилен "римский" ряд - нейтральные в этнографическом отношении слова "столица", "обжорство", "чистое небо" переводятся как "Rom", "Bacchanale", "sub Jovi", т. е. переводной текст является более прямолинейным, чем исходный. В немецком переводном тексте утеряна также столь важная для понимания глубинного смысла стихотворения скрытая цитата из Данте - *Вот и прожили мы больше половины...*, которая продолжает ряд великих поэтов, дополняя его именами Вергилия и Данте. В обоих переводах не представлен топоним Понт. В английском тексте Черное /Понтийское/Эвксинское море низведено до залива (gulf), в немецком предлагается абстрактное das Meer. В оригинале же Понт является структурообразующим элементом хронотопа и локусом рассказчика. Побережье Понта было местом ссылки Овидия, который многократно описывал замерзавшие в ту эпоху заливы. Имя Плиния Старшего требует отдельного комментария, который отсутствует. В английском тексте содержится неточность, оборачивающаяся курьезом. Фраза "Поезжай на вороной своей кобыле в дом гетер" (октава 8, катрен 2) передается "On your skewbald take a ride to the heraeas". Вроде бы такая незначительная деталь, как масть лошади, но в переводческом варианте лексема skewbald (лошадь пегой масти) вызывает недоумение: трудно представить римского патриция, восседающего на "простонародной" пегой кобыле. Конечно, последнее – забавный ляпсус, но потеря аллюзий, скрытых цитат и глубинных смыслов ведет к упрощению содержания "Писем" и позиции Бродского, который ставит себя в один ряд с Вергилием, Овидием, Данте, Гете в процессах сбережения культуры, преемственности литературной традиции. По-видимому, осуществляя переводы подобных многослойных, многосмысленных поэтических текстов, непременно нужно давать затекстовые комментарии и/или примечания. В ряде изданных переводов Бродского это соблюдается (напр., сборник "To Urania" – Brodsky, 1998).

Попытаемся подвести некоторые итоги. Без сомнения, нужно приветствовать стремление переводчиков ознакомить любителей поэзии с творчеством русского гения. В этом смысле задачу можно считать выполненной. Вместе с тем авторы переводов (в особенности немецкого) избрали наикратчайший путь: воспроизвести лишь текст, сохранить строфику, рифму, лексику, по возможности фоносемантику. Поверхностный текстовый слой в целом эквивалентен. Но истинный мастер всегда многогранен, глубок и стоит на плечах гигантов. Проникнуть в миры поэта, осмыслить и передать его связь с предшественниками, зафиксировать смыслообразующие топосы и реалии - задача сложная и трудоемкая. Но тем весомее прозвучит перевод, тем ближе окажется мир поэта для всех тех, кто разделяет европейские культурные ценности.

Литература

1. Бродский И. Письма римскому другу: Стихотворения. – СПб., 2001.
2. Бродский И. Речь в Шведской Королевской академии при получении Нобелевской премии./ Новое литературное обозрение. – 1996. – №3. – С. 3-10.
3. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. – СПб., 1994.
4. Назон Публий Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. – М., 1982.

5. Гете И.В. Фауст. Трагедия. Пер. Б. Пастернака. – М., 1998.
6. Brodsky Joseph. Collected Poems in English. – NY, 2001.
7. Страхов Сергей – [http:// www.geocities. com/sergey kieher/Lit/Brodskij.html](http://www.geocities.com/sergey_kieher/Lit/Brodskij.html).
8. Гаспаров М. Л. Избранные труды. – Том I. – М., 1997.
9. Brodsky Joseph. To Urania. - NY, 1988.

Т.В. Дробышева

К вопросу об изменении коммуникативно-прагматического содержания художественного образа в текстах перевода по сравнению с текстом оригинала

Неотъемлемой частью анализа содержательной структуры художественного произведения является художественный образ, а именно его **коммуникативно-прагматическое содержание**, которое представляет собой особого рода *корреляцию между семантической структурой художественных образов, языковыми средствами ее воплощения и прагматическими установками авторов текстов* (то есть установками на создание того или иного коммуникативного эффекта при восприятии текстов). Сопоставление образов персонажей оригинала (первичного текста) с образами в переводных (вторичных) текстах позволяет наиболее наглядно продемонстрировать различия их коммуникативно-прагматического содержания и выявить средства актуализации прагматического потенциала художественного произведения.

Образы персонажей могут характеризоваться с разных сторон, например, по внешнему облику, манере держаться, речи, происхождению и прошлому героев, мнению о них других людей и т.д. В данной работе к анализу привлечены лексические единицы, характеризующие речь главного героя романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» Джея Гэтсби в оригинале и двух вариантах перевода романа на русский язык: **А** – в переводе Е.Калашниковой, **Б** – в переводе Н.Лаврова. В центре анализа находились оценочные, эмотивные и экспрессивные коннотации используемых автором и переводчиками лексем в качестве средств создания прагматического эффекта.

➤ Ф.С.Фицджеральд особый акцент при создании образа главного героя делает на своеобразии речи Гэтсби. Он характеризует речь посредством атрибутивного словосочетания *elaborate formality*, денотативное значение которого – ‘carefully produced, full of details; correct and serious, rather than relaxed and friendly, used in official situations’ (словарь Longman), ‘тщательный, доскональный; правильный, корректный, серьезный, скорее, чем расслабленный и дружеский, используемый в официальных ситуациях’. В переводе **А** применяется изоморфное словосочетание *изысканные обороты*, в значении которого, однако, отсутствует компонент официальности, серьезности, и на первый план выходит значение утонченности, изящества способа словесного выражения. Здесь переводчик **А** конкретизирует значение исходного существительного, ср.: *formality*→*обороты*. Переводчик **Б** при интерпретации этой фразы прибегает к развернутому описанию – *сложные лексические периоды и по-светски изысканные обороты речи*, которое можно рассматривать как перераспределение семантического значения исходной единицы в разных лексических единицах переводного текста. Денотативное значение второго определительного словосочетания эквивалентно оригинальному словосочетанию

elaborate formality→*no-светски изысканные обороты речи* (изящный способ словесного выражения, свойственный избранному кругу лиц, принадлежащих к привилегированным классам, - словарь С.А.Кузнецова). Что касается первого определительного словосочетания *сложные лексические периоды*, то оно является синонимическим повтором, **усиливающим экспрессивность** фразы. Кроме того, используя **стилистически окрашенные термины лексические периоды**, автор ярче передает ироничное отношение к ситуации.

➤ Предикативное прилагательное оригинала *absurd* ‘ridiculous because it is totally different from what you would normally expect’ (словарь Collins Cobuild) также характеризует манеру главного героя изъясняться. Предметно-логическое значение данного прилагательного включает яркую **эмотивность** и **оценку** по шкале норма/не норма. Переводчик **А** в данном случае эксплицирует **эмотивную негативную оценку** посредством определения *смехотворный* – ‘достойный насмешки, осмеяния’. Тогда как в переводе **Б** данное значение передается посредством определения *неуместный*, то есть ‘сказанный, сделанный не вовремя, некстати; не соответствующий обстановке’ (словарь С.А.Кузнецова), что эксплицирует только **нормативную оценочность** и не обладает эмотивной семантикой. Несмотря на различный прагматический потенциал оба перевода являются узуальными вариантами значения прилагательного в оригинале.

➤ Речь Гэтсби также характеризуется Фицджеральдом при помощи парных синонимов *worn and threadbare*, денотативное значение которых – ‘поношенный, старый, обветшалый’. Для создания **экспрессивности** образа автор использует в данном случае метафору, основанием которой служит сравнение речи со старыми, изношенными вещами, и характерные для английского языка парные синонимы, **интенсифицирующие** данную характеристику. Кроме того, прилагательные *worn and threadbare* эксплицируют **негативную оценку**. В переводе **А** метафора сохраняется, и автор использует семантически и прагматически эквивалентный метафорический эпитет *обветшалый*, однако из-за отсутствия повтора, доля экспрессивности утрачивается. Автор текста **Б** применяет прием синонимического повтора, **увеличивающий экспрессию** и метафорические эпитеты, ср.: *пропахшая нафталином лексика, замишлые фразы*, которые отражают субъективность авторского восприятия этой ситуации и являются контекстуальными вариантами оригинальных эпитетов с элементом конкретизации семантики метафоры.

➤ При помощи глагола *pick* и косвенного дополнения образа действия *with care* Фицджеральд эксплицирует значение ‘тщательно подбирать слова’, что семантически эквивалентно передается в переводе **А**. Ср.: *тщательно подбирать слова*. Автор перевода **Б** в данной ситуации прибегает к использованию образного средства – сравнения *словно плел из жемчужин слов сложное ожерелье*, имеющего **образную, экспрессивную и положительно-оценочную** семантику.

➤ Глагол *lifted up* (букв.: поднял) с прямым дополнением *the words* (слова) также является метафорой, характеризующей речь Гэтсби и являющейся **экспрессивным** средством создания образности. В данном случае посредством глагола ‘поднимать’ осуществляется сравнение слов героя с неким тактильно осязаемым объектом, что усиливает впечатление осторожного, внимательного отношения Гэтсби к своей речи. Переводчик **А** использует прием сравнения, где основание метафорического переноса сохраняется. Ср.: *как бы поддержал эти*

слова на ладони. В этом случае переводчик применяет конкретизацию посредством обстоятельства на ладони. В варианте **Б** переводчик также прибегает к сравнению, однако основание метафорического переноса он изменяет и посредством предиката словно попробовал на вкус эти слова сохраняет прагматический эффект фразы.

➤ Фицджеральд характеризует речь Гэтсби при помощи прилагательного *solemn*, имеющего эмотивную коннотацию, и которое, согласно словарю Collins Cobuild, обозначает: *very serious, in a very formal, committed way*; что семантически эквивалентно передается посредством наречия *торжественно-скорбно* в переводе **А**. Переводчик **Б** при интерпретации этого прилагательного прибегает к развернутому описанию *с такой напыщенностью и безграничной скорбью в голосе*. Оно не только привносит **экспрессию** (местоименное прилагательное *такой* и определение *безграничный* выполняют функцию интенсификации признака), но и включает в себе дополнительную **негативно-оценочную коннотацию** (*напыщенность*, то есть чрезмерная торжественность, высокомерность). Это существительное в сочетании с местоимением-интенсификатором усиливает значение оригинального прилагательного и одновременно привносит значение высокомерия, отсутствующее в подлиннике.

➤ При переводе глагола оригинала с нейтральной коннотацией *interrupted* (прервал, вмешался) переводчик **А** передает его эквивалентно – *прервал*. Тогда как автор перевода **Б** привносит дополнительное значение посредством наречия образа действия *властно* с **негативно-оценочной коннотацией** и посредством **разговорного глагола** *оборвать*, изменяя таким способом восприятие образа Гэтсби. То есть в этой ситуации персонаж предстает как авторитарная, грубая личность, что противоречит контексту произведения и, следовательно, несет иную прагматическую информацию.

Вышеприведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии определенных различий в использовании автором и переводчиками оценочных, эмотивных и экспрессивных коннотаций лексем, характеризующих образ главного героя романа – Гэтсби. На основе сопоставления используемых коннотаций становится очевидным различие в прагматическом эффекте при восприятии такого элемента образа персонажа, как речь, что позволяет заключить, что коннотации определяют прагматический потенциал текста и могут рассматриваться как отдельные прагматические характеристики.

Прагматическое содержание художественного образа вторичного (производного) текста по сравнению с первичным (исходным) текстом может быть объективно выражено через формальный параметр – **индекс прагматического соответствия первичного и вторичного текстов**. Данный индекс представляет собой *соотношение числа экспрессивных и эмоционально-оценочных коннотаций в первичном и вторичном текстах, выраженное в процентах, где прагматический потенциал оригинала принимается за 100%*.

Из результатов вышеприведенного анализа следует, что индекс прагматического соответствия для фрагментов, описывающих речь героя романа, для переводчика **А** составляет 88%, для переводчика **Б** – 175%. Представляется, что данный индекс будет более репрезентативен при анализе большего количества фрагментов текстов, однако даже на примере такого небольшого элемента содержания художественного образа, как речь персонажа,

можно судить об изменении коммуникативно-прагматического содержания художественного образа в текстах перевода по сравнению с текстом оригинала.

Литература

1. Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby*. – Penguin Books, 1994.
2. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби: Романы. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. / Пер. с англ. Н. Лаврова.
3. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби: Романы; Рассказы. – Москва, 2003. / Пер. с англ. Е. Калашниковой.

Л.В. Лукина

О принципах определения оптимального переводческого соответствия

Переводческие соответствия той или иной лексической единицы обычно подбираются переводчиком интуитивно, на основании собственного языкового опыта и поэтому зачастую оказываются достаточно субъективными, что отрицательно сказывается на качестве перевода. Существующие переводные словари, как правило, дают лишь перечень возможных соответствий, выбор же оптимального варианта остается за переводчиком.

Для исправления подобного положения дел нами была предложена идея создания контрастивного двуязычного словаря нового типа, словарные статьи которого представляют собой посемное описание значений слов исходного языка и их переводческих соответствий в другом языке с указанием оптимального варианта перевода.

Семное описание в таком словаре приводится в определенном порядке: сначала денотативные семы, число которых у разных лексем может быть различным, далее два типа коннотативных сем (оценочные и эмоциональные) и, наконец, пять видов функциональных сем, выявляющих стилистические, социальные, территориальные, темпоральные и частотные характеристики семантики слов. Выбор оптимального переводческого соответствия осуществляется на основе анализа набора формализованных параметров, представленных в виде индексов *денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем*, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем.

Оптимальными соответствиями признаются такие контрастивные пары, для которых при наличии нескольких соответствий в языке сопоставления зафиксированы наибольшие значения индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности при лидирующей роли индекса денотативной идентичности.

В качестве примера словарной статьи рассматриваемого контрастивного словаря приведем русскую лексему *афиша*, которой в английском языке соответствуют 4 лексемы – *notice, bill, poster, placard*. Отметим, что для удобства и наглядности семы приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского

слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак 0, что означает, что сема безэквивалентна.

Расчет отмеченных выше индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5.

Перейдем к рассмотрению отмеченной лексемы и чектырех ее соответствий в русском языке:

АФИША - notice

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное или рукописное
• в виде объявления о	• в виде объявления или
спектакле, концерте, лекции	предупреждения
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное в публичных местах
• с целью информирования	• с целью информирования
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 100%.

АФИША - bill

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное или рукописное
• в виде объявления о	• в виде объявления о
спектакле, концерте, лекции	спектакле, концерте
• О	• с перечнем исполнителей
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное или
	распространяемое в публичных местах
• с целью информирования	• с целью информирования
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 64%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 100%.

АФИША - poster

• сообщение • письменное • печатное • О • в виде объявления о спектакле, концерте, лекции • вывешенное в публичных местах • с целью информирования • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• сообщение • письменное • печатное • большого размера • в виде объявления, рисунка (фотографии) • вывешенное в публичных местах • с целью рекламирования или украшения • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 64%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

АФИША - placard

• сообщение • письменное • печатное • О • в виде объявления о спектакле, концерте, лекции • вывешенное в публичных местах • с целью информирования • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• сообщение • письменное • печатное или рукописное • большого размера • О • вывешенное в публичных местах или демонстрируемое людьми • с целью рекламирования или поддержки • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>малоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 43%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

Таким образом, семное изучение всех четырех английских соответствий (*notice, bill, poster, placard*) русской лексемы *афиша* показало, что ее оптимальным переводческим соответствием на основании значений введенных нами индексов может быть признана английская лексема *notice* как имеющая оптимальные значения индексов коннотативной и функциональной идентичности и наибольшее значение индекса денотативной идентичности лексем. Этот факт фиксируется в словарной статье контрастивного двуязычного словаря, где отмечается, какое из возможных переводческих соответствий является оптимальным.

Подобный русско-английский контрастивный словарь подготовлен нами для лексической группировки наименований речевых событий (Лукина 2008). Аналогично могут быть описаны и другие лексические группировки в разных языках. Как показал опыт, использование отмеченных нами формализованных параметров для определения оптимального переводческого соответствия оказался достаточно плодотворным.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

Л.Н. Вознесенская

К вопросу о переводе имен собственных

В номенклатуре лексических проблем перевода одно из важных мест занимает перевод имен собственных, что вызвано рядом факторов различного характера: проблемой передачи их формального облика – с одной стороны, и смысловой роли, которая, в свою очередь определяется текстовыми характеристиками и ситуацией в целом – с другой.

Рассматривая проблему перевода имен собственных с английского языка на русский отметим, что конвенциональный характер переводческой нормы применительно к данной группе лексических единиц стал причиной функционирования в русском языке двух, а иногда и более вариантов перевода одного и того же английского имени, выполненных с использованием различных способов (транскрипция, транслитерация, калькирование) или их комбинации: *Невтон* – *Ньютон*, *Клиберн* – *Клайберн*, *Хомский* – *Чомски*, *Берег Слоновой Кости* – *Кот-д'Ивуар*.

Согласно современным правилам, имена собственные передаются при помощи переводческой транскрипции (в отдельных случаях, с элементами транслитерации). Однако, «в некоторых именах запечатлелся старый способ передачи через латинскую транскрипцию или иные отклонения от фонематического облика» (Алексеева 2004, с. 186).

Так, перевод имен собственных с английского языка на русский затруднен в связи с тем обстоятельством, что в русском языке имеется историческая

традиция, не всегда соответствующая принятой норме перевода. Согласно таблице англо-русских поморфемных соответствий Р.А. Лидина (см. Алексеева 2004, с. 223-227), отклонение от нормы перевода следует признать у таких личных имен, как Caesar, Bradbery, Ewan, Schockley, Show и др. Перевод имен собственных осложняется и тем, что не всегда известен их фонетический облик, который, к тому же, является национально обусловленным. Особую сложность представляет перевод англоязычных текстов, содержащих имена собственные арабского, китайского, японского происхождения.

Распространенное мнение, что имена собственные не нуждаются в переводе, является причиной недостаточного внимания к данной проблеме, в результате чего лексикографических описаний данной группы единиц крайне мало (Ермолович 2000).

Не менее сложную проблему представляет понимание той смысловой роли, которую играют имена собственные в тексте. Известно, что на основе имен собственных образуются так называемые прецедентные имена, которые связаны с прецедентными текстами или событиями (Гудков 1999). Ассоциативная связь имени собственного с прецедентным событием настолько велика, что может существенно влиять на понимание и восприятие текста. Важная роль в этой связи принадлежит наличию фоновых знаний как коммуникантов, так и переводчика, выполняющего функцию посредника в акте двуязычной коммуникации

По отношению к фонду знаний коммуникантов рассматриваются: интродуктивная (имя не известно адресату), идентифицирующая (имя известно адресанту и адресату), неопределенная (имя не известно адресату и адресанту) референция. Термин «референция» определяется как «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» (Арутюнова 1976, с. 411).

В газетных статьях, материалах публицистики прослеживается своя специфика построения текста в зависимости от типа референции имени собственного (интродуктивная или идентифицирующая). Наряду с именами собственными широко представлены атрибутивные группы, характеризующие референтов, позволяющие соотнести лица и события более определенно и недвусмысленно. В ткань изложения вводятся названия должностей официальных лиц, добавляются названия государств, регионов, для мало известных географических названий эксплицируются их характерные особенности.

В лингвистических описаниях особо рассматриваются перифразы имен собственных и так называемые «определенные дискрипции» (термин Б. Рассела), понимание и перевод которых представляют особую проблему. Следует отметить, что в сопоставлении и дифференциации данных терминов, их структурных и семантических типов не хватает четкости. Вероятно, это связано с тем, что они относятся к разным сферам лингвистических описаний: перифразы рассматриваются как особый вид устойчивых (фразеологических) единиц, определенные дискрипции описываются в терминах референции.

Перифраза (перифраз) – это «стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном, обозначении предметов и явлений действительности» (Лингвистический энциклопедический словарь, с. 371). При этом отмечается, что

подобные описательные выражения обладают преимущественно эмоционально-экспрессивным оценочным характером, а их назначение – усиление выразительности текста, его воздействия на адресата (например, “Третий Рим” – Москва, “Big Apple” – New York City, Red Planet – Mars).

Основными функциональными сферами перифраз является художественная литература, публицистика, устная публичная и разговорная речь. Отмечается, что в последние годы наблюдается достаточно активное употребление перифраз в газетных материалах, что позволяет рассматривать перефразирование как неотъемлемую особенность газетного стиля (Новиков 2007). Выделяется два вида перифраз: воспроизводимые единицы – общепринятые выражения, понятные всем представителям определенной лингвокультуры, и ситуативные, авторские обороты, смысл которых обусловлен определенным контекстом. При популяризации литературных произведений, фильмов, песен, их проникновении в массовую культуру, такие выражения также могут закрепляться в языке на определенный срок, а иногда “обречены” и на более длительное существование.

Перифразы в широком понимании, – это субстантивированные единицы, вторично описывающие предмет или явление действительности; причем по своему характеру они во многом определяются стилем, в котором функционируют (Новиков 2007).

Под определенными дескрипциями понимаются такие выражения, как, например, “первый космонавт Земли” (Ю. Гагарин), “автор Уэверли” (В. Скотт), “нынешний король Англии” (Лебедев, Черняк 2001). По своей роли в языке они во многом аналогичны собственным именам, так как с их помощью можно исключить в определенных контекстах употребление того или иного собственного имени, сохранив, однако, его референцию.

Область функционирования определенных дескрипций описывается в терминах идентифицирующей референции, когда коммуниканты для идентификации референта используют описательные выражения, способные выделить его из класса: *убийца Кеннеди, королева Англии, автор “Дон Кихота”, глава правительства* (Арутюнова, 1990).

Указывается на два типа употребления определенных дескрипций: референтное и атрибутивное, причем при первом выполняется идентифицирующая функция, при втором – идентифицирующая и характеризующая.

В лингвистической теории референции используется термин «индексальные термины» для дескрипций, употребление которых зачастую позволяет обойтись без упоминания собственных имен при сохранении их референции (Лебедев, Черняк 2001). Единственность и определенность референта таких индексальных терминов зависит от обстоятельств употребления и определяется особыми правилами референции. Так, к примеру, речь может идти о президенте государства, но для верной идентификации персоналии необходима точная дата написания статьи.

Перифразы и определенные дескрипции, по всей видимости, – явления разного порядка. Перифразы, будучи устойчивыми единицами языка, входят в словарный фонд национально-культурных реалий. По-существу они являются вторичными номинациями, образованными путем выделения на первый план какого-либо качества референта, существенной в данном контексте характеристики объекта описываемой ситуации. Довольно часто при

образовании перифраз используется метафора, метонимия, они обладают целостностью значения, воспроизводимостью, раздельнооформленностью (как правило, они состоят из двух или нескольких слов).

Очевидно, что национально-этнический характер данной группы лексики оказывает на получателя сообщения (высказывания, текста) особое прагматическое воздействие, которое всецело зависит от общего фонда знаний произведений массовой культуры страны языка оригинала. Эмотивно-оценочный компонент значения перифразы воспринимается только в контексте культуры в определенный период существования иноязычного сообщества.

Перифразы, как и имена собственные могут становиться прецедентными именами, связанными с прецедентными ситуациями:

the Iron Lady – Margaret Thatcher; the Iron Chancellor – Otto Bismarck; Twin Towers – (the American) World Trade Center; Foggy Bottom – the American Department of State.

Из вышеизложенного следует несколько важных обстоятельств, которые должны быть учтены при переводе. Это, прежде всего, особый функциональный статус перифраз и определенных дескрипций, соотносимых с определенным референтом. Причем, имя (собственное) референта может быть эксплицировано в контексте (здесь решается проблема выявления внутритекстовых связей, “внутритекстовая референция”), а может быть представлено имплицитно (проблема, стоящая перед переводчиком, сложнее – выявление внетекстовых связей, обращение к ситуативному контексту). Кроме того, и перифразы, и определенные дескрипции включают в свою семантическую структуру национально-культурный компонент, что усложняет понимание и перевод исходного текста. Эмоционально-экспрессивный и оценочный компоненты, основанные на лингвокультурном опыте представителей сообщества языка оригинала, их фоновых знаниях представляет еще более сложную проблему передачи прагматического потенциала исходного текста.

При референтном употреблении определенных дескрипций адекватное понимание и перевод текста также не всегда достигаются, особенно в тех случаях, когда в тексте изложения имеется несколько имен собственных (например, персоналий), соотносимых с разными референтами. Помимо имени собственного, как правило, употребляются дескрипции, описывающие социальный статус, занимаемую должность и другие характеристики участников описываемых событий. Для правильного понимания и освещения последних на языке перевода требуется выяснение всех подобных деталей.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб., М., 2004.
2. Арутюнова Н.Д. Референция. / Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.411-412.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999.
4. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. – М., 2000.
5. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. – М., 2001.
6. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990.
7. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М., 2007.

К вопросу о переводе безэквивалентной лексики в английских экономических текстах

Термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов, которые, однако, трактуют его по-разному: как синоним «реалии», несколько шире – как слова, отсутствующие «в иной культуре, и в ином языке», несколько уже – как слова, характерные для нашей действительности, и, наконец, просто как неперебиваемые на другой язык слова. Более точная формулировка «безэквивалентной лексики» Е.М. Верещагина и В.Т. Костомарова звучит так: «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» (Верещагин, Костомаров 1973. с.5).

На настоящем этапе культурно-экономического развития расширяются экономические связи, и становится наиболее актуальной проблема перевода, в том числе и перевода текстов экономического характера. Видится необходимым особо подчеркнуть, что при работе с экономической терминологией нужны глубокие фоновые знания, потому что терминология (от позднелат. **terminus** – термин) охватывает термины различных областей экономики: банковского дела, бухучета и аудита, маркетинга и т.д. Развитие терминологии идет параллельно с развитием науки, техники, производства, т.к. каждое новое понятие неизбежно должно получить отражение в языке. Терминологическая система обязана соответствовать уровню современного развития данной отрасли науки и техники; она исторически изменчива, имеет разные источники при формировании. Поэтому терминология является объектом упорядочения и стандартизации, а также лексикографической работы.

Экономическая наука, как и всякая другая, имеет свою собственную лексику, представленную, в частности, и безэквивалентной. Рассмотрим подробнее, какое же место занимает безэквивалентная лексика в экономических текстах.

Имена собственные, являющиеся объектом ономастики, самостоятельной лингвистической науки, встречаются в экономических текстах достаточно часто. Представлены они чаще всего в виде имен-знаков, имен-меток, не обладающих собственным содержанием, а только называющих объект – к этой группе относятся имена и фамилии юридических и физических лиц.

В экономических текстах встречаются также имена собственные, которые обладают определенным содержанием, что обуславливают возможность их перевода. К ним относятся названия периодических изданий, органов печати и т.д. («Таймс», «Файнэншл джорнал»). Реквизиты сторон, указывающиеся в контрактах, содержат практически на 100% безэквивалентную лексику, которая в большинстве случаев передается транскрипцией или транслитерацией.

При деловой переписке в письмах указывается адрес отправителя и адрес получателя, включающие в себя имена собственные, географические названия, а если речь идет еще и о юридическом лице, то указывается название его фирмы или учреждения.

При оформлении коммерческих предложений на поставку, например, какого-либо товара, а также заказов на этот товар, в документах указывается место отгрузки, порт прибытия товара, что также связано с использованием имен собственных.

Все вышеперечисленные примеры безэквивалентной лексики, встречающиеся в экономических текстах, подтверждают важность ее использования в экономической сфере. Так, при расторжении контракта или возникновении каких-либо претензий все запросы дополнительной информации будут идти на юридический адрес сторон, указывающийся в конце документа. Именно фирма, указанная в контракте и несет ответственность за выполнение соглашения. Поэтому к использованию безэквивалентной лексики в экономических текстах и ее переводу не следует подходить как к делу несложному и неважному. Любая неточность при передаче безэквивалентной лексики может привести ко многим неразрешимым вопросам.

Вследствие вышеизложенного в последнее время наметилась тенденция полностью сохранять графику названия иностранной компании или фирмы, не переводя ее на русский язык во избежание разночтения.

Отметим также, что коммерческий документ является достаточно емким по своей сути, в нем часто бывает заложена информация, представляющая собой коммерческую тайну (Розенберг 1997, с. 55), при этом последняя может содержаться и в безэквивалентных единицах, что требует от переводчика особой тщательности при переводе.

В целом при переводе безэквивалентной лексики, содержащейся в английских экономических текстах, переводчик должен следовать принципу максимально возможного сохранения национального своеобразия последней.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1973.
2. Розенберг Д.М. Бизнес. Менеджмент / Терминологический словарь. – М., 1997.

Раздел 9. **Сопоставительные исследования** **в области грамматики**

В.Ю. Копров

Категория определенности/неопределенности семантического субъекта в русском и английском языках

В предыдущих выпусках «Сопоставительных исследований» (Сопоставительные исследования 2006; 2007; 2008) нами была дана характеристика синтаксиса русского и английского языков в ситуативно-структурном аспекте организации предложения. В данной статье простые предложения двух языков более подробно рассматриваются с точки зрения одной из категорий релятивно-структурного аспекта предложения – категории определенности/неопределенности (обобщенности) субъекта (агенса) как важнейшего актанта семантической структуры предложения.

При сопоставительном анализе устройства предложения в свете данной категории следует, прежде всего, отграничить грамматическую определенность семантического актанта от его лексической известности, а грамматическую неопределенность, соответственно, – от его неизвестности говорящему (см., например, предложение с лексически неизвестными актантами (субъектным и объектным): *Кто-то что-то шептал ей* (Д. Гранин)), поскольку в синтаксических работах эти ряды понятий часто смешиваются. Для типологии предложения большее значение имеет, естественно, грамматическая составляющая определенности/неопределенности. Кроме того, так как в центре нашего внимания находится номинативный аспект устройства предложения, сразу оговорим, что интересующую нас категорию мы отличаем и от определенности/неопределенности предмета как компонента актуализирующего аспекта высказывания (Теория функциональной грамматики 1992).

Грамматическая составляющая категории определенности/неопределенности актантов проявляется в давно подмеченной синтаксистами асимметрии количественного состава компонентов семантической и синтаксической структур предложения. По нашему мнению, сущность данной категории заключается в имеющейся у говорящего возможности эксплицитно или имплицитно представлять семантические актанты в синтаксической структуре предложения. Если тот или иной актант в процессе порождения предложения оказывается в коммуникативном фокусе у говорящего, то он эксплицируется, т. е. представляется в синтаксической структуре предложения определенной словоформой. Другие актанты при этом могут вытесняться в зону имплицитного обозначения. Неназванность актанта в синтаксической конструкции не означает его отсутствия в семантической структуре предложения: она лишь обуславливает мысленное заполнение позиции того актанта, который выполняет данную предметную функцию. Такое имплицитное обозначение актанта объясняется не только неактуальностью данного смысла для конкретного сообщения, но и тем, что говорящий может рассчитывать на восстановление этого смысла адресатом.

Семантический актант, **эксплицитно** представленный в синтаксической структуре предложения, наряду с его наименованием как известного или неизвестного говорящему, получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности: единственное/множественное число; мужской/женский/средний род; 1-е лицо (говорящий), 2-е лицо (собеседник), 3-е лицо (неучастник ситуации общения). Данные категориальные признаки актантов встречаются в предложениях в различных комбинациях и объемах, но во всех подобных случаях актант предстает как **грамматически определенный**.

Любой актант может быть представлен в предложении и **имплицитно** – синтаксическим нулем. Синтаксический ноль замещает в конструкции соответствующую синтаксическую позицию актанта как члена предложения, не выражая при этом никаких его категориально-грамматических признаков. Так, в русской неопределенно-личной конструкции – это субъектная позиция подлежащего, в других конструкциях это может быть позиция дополнения. При реализации актанта синтаксическим нулем его грамматические признаки числа, рода и персональности, естественно, остаются невыраженными, т.е. нейтрализуются. В этом явлении и заключается, на наш взгляд, **грамматическая неопределенность** актанта. Сам неопределенный актант при этом может быть

как известен, так и неизвестен говорящему (на лексическую известность/неизвестность актанта может указывать семантика глагола-сказуемого, сама типовая предметная ситуация, контекст и т.д.). Во взаимодействии с категориями предикативного аспекта (темпоральностью, аспектуальностью, модальностью) предложения различных конструктивных типов с имплицитными актантами могут также передавать значение их **обобщенности**.

1. Определенность/неопределенность субъекта (агенса) в активных конструкциях.

В соответствии с разделяемой нами концепцией в **личной активной** конструкции субъект (известный или неизвестный говорящему) выступает как грамматически **определенный**.

См. примеры предложений с известным агенсом: *Фрол ссыпал землю в ямку (В. Шukiин); Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки (К. Паустовский);* примеры предложений с неизвестным агенсом: *На ходу кто-то задевал кусты (В. Шukiин); Кто-то рвал дверь снаружи (Ю. Нагибин).*

В русском языке личной активной конструкции с грамматически определенным субъектом категориально противостоит **неопределенно-личная** конструкция, в которой субъект лексически не выражен. Что же обуславливает существование в синтаксической системе русского (и некоторых других) языков специальной синтаксической конструкции с имплицитным субъектом? Мы различаем несколько взаимодействующих разноуровневых факторов, которые определяют сферу функционирования неопределенно-личных предложений:

1) Нейтрализация лексической определенности/неопределенности, являющаяся следствием нелексикализованности актанта в предложении. Если в личном предложении актант может быть представлен словоформой как известный или неизвестный говорящему, то в неопределенно-личном предложении его лексическая известность/неизвестность оказывается нейтрализованной. Номинативная сущность субъекта может подсказываться самой предметной ситуацией, ситуацией общения, контекстом (в том числе содержанием признакового компонента, наличием в предложении локализаторов и т.д.). Многие исследователи видят основную специфику неопределенно-личных предложений именно в том, что они позволяют не упоминать в предложении субъектный актант (Лекант 1974; Химик 1990).

2) Грамматическая неопределенность субъекта, обусловленная тем, что синтаксический нуль передаёт только информацию о синтаксической позиции и субкатегориальной принадлежности актанта (агенса-антропоним), нейтрализуя его собственно грамматические признаки – число, род и персональность.

3) Коммуникативная неопределенность субъекта, связанная с его "устранением" из коммуникативной перспективы высказывания. Результатом этого является перераспределение коммуникативной нагрузки между другими компонентами предложения: внимание говорящего и слушающего сосредоточивается на самом действии.

С точки зрения синтаксической формы данная конструкция является бесподлежащей, поэтому согласования признакового компонента с субъектом не происходит, как это имеет место и в другой разновидности бесподлежащих предложений – безличных конструкциях. Отличительной чертой неопределенно-личной конструкции в русском языке является фиксированная форма 3-го лица

множественного числа глагола или связочно-именного комплекса. В английском языке в силу его тотальной подлежащности подобная конструкция отсутствует.

Таким образом, грамматической сущностью категории определенности/неопределенности субъекта как компонента релятивно-структурного аспекта устройства предложения мы считаем ее свойство определять/не определять субъект по линии грамматических категорий числа, рода и персональности.

2. Определенность/неопределенность субъекта в пассивных конструкциях.

В русской **трехчленной** пассивной конструкции субъект (известный или неизвестный) представлен словоформой в творительном падеже. Следовательно, он характеризуется грамматическими категориями числа, рода и персональности как **определенный**, например: *Сапожник Захар, сосед Ивана Федотыча по двору, каждый день будился от сна женою одинаковыми словами (А. Платонов); Вероятно, эта книга была кем-то отобрана до него (К. Федин).*

Как грамматически определенный субъект выступает в трехчленном пассиве и в английском языке: *Sweden was beaten by the Soviet Union* – *Швеция была побита Советским Союзом (о хоккее).*

Семантика субъекта, представленного в **двучленной** пассивной конструкции синтаксическим нулем, приближается к семантике неопределенно-личного предложения. Однако имеются признаки, по которым двучленный пассив и неопределенно-личная конструкция различаются:

а) в двучленном пассиве нулем может быть представлен субъект любого категориального и субкатегориального типа (антропоним, зооним, неодушевленный каузатор), в то время как в неопределенно-личной – только антропоним;

б) с точки зрения категории залога в двучленном пассиве субъект выступает как пассивный, а в неопределенно-личной конструкции – как активный (Копров 2000, с. 71-76). Ср.: *В киосках продавались альбомы с его работами, открытки с изображением его полотен (С. Крутилин) – В киосках продавали альбомы с его работами, открытки с изображением его полотен.*

На лексическую известность субъекта могут указывать те же факторы, которые действуют в сфере неопределенно-личной конструкции: "прозрачность" семантики признакового компонента, наличие в предложении локализатора, широкий контекст: *Мост построен недавно из монолитного железобетона (С. Крутилин); На Красной площади уже было выстроено квадратами несколько полков пехоты (К. Симонов); Осенним утром 1957 года был запущен первый в мире искусственный спутник Земли (А. Чаковский).* Выражаемая предложением ситуация может указывать и на лексическую неизвестность агенса: *А эта партия была сознательно испорчена (А. Чаковский).* Лексическая известность/неизвестность грамматически **неопределенного** субъекта в двучленном пассиве во многих случаях нейтрализуется: *Материал там уже сложен (В. Кожевников); Крылья были сделаны по указу великих государей (К. Паустовский).*

См. также высказывание, в котором неизвестный неопределенный субъект параллельно выражен двучленным пассивом и неопределенно-личными конструкциями: *Четыре дня назад недалеко от Каменки обстреляли воинскую автомашину, шофер и сопровождающий были убиты, из кузова растащили около сорока комплектов военного обмундирования (В. Богомолов).*

Неопределенный субъект в русской синтетической форме двучленного пассива с глаголом несовершенного вида с вневременным значением выступает как **обобщенный**: *Варится холодец из одних ног* (К. Федин).

В английском языке значение **неопределенности** субъекта выражается двучленным пассивом: *The place is occupied* (Место занято); *The award is being handed to the best pupil* (Награда вручается лучшему ученику); *He's been refused a visa* (Ему отказали в визе).

Лексическая известность/неизвестность субъекта в английском двучленном пассиве обуславливается теми же факторами, что и в русском двучленном пассиве и в неопределенно-личном предложении, например:

He was arrested (Он был арестован; Его арестовали); *He will not be elected president for the third time* (Он не будет избран президентом на третий срок; Его не изберут президентом на третий срок); *At school he was often intimidated* (В школе его часто унижали).

По признаку грамматической неопределенности субъекта английский двучленный пассив противостоит одновременно активной и трехчленной пассивной конструкциям, в которых субъект выступает как грамматически определенный. Кроме того, двучленный пассив по необходимости берет здесь на себя и роль выразителя коммуникативно-стилистических компонентов значения. Так, в силу тотальной подлежащности английского предложения в активной конструкции возможен эллипсис любого ее именного компонента, за исключением субъекта, занимающего позицию подлежащего. В структуре трехчленного пассива субъект перемещается в позицию дополнения, поэтому при коммуникативной необходимости он может быть опущен. Такой эллиптированный трехчленный пассив совпадает по форме с двучленным пассивом, что осложняет семантическую интерпретацию соответствующих высказываний без опоры на широкий контекст.

Отметим, что в эллиптированном английском пассиве субъект является грамматически определенным – его семантика в полном объеме восстанавливается из предшествующего текста, в то время как в двучленном пассиве субъект, будучи выражен синтаксическим нулем, в 90 % случаев выступает как неопределенный (Allen 1965, p. 290).

Субъект в английском двучленном пассиве также может выступать как **обобщенный**: *Obedience is expected of small children* (От маленьких детей ожидается послушание / От маленьких детей ожидают послушания).

Итак, соотношение грамматической неопределенности субъекта с его залоговой семантикой в предложениях сопоставляемых языков можно схематично представить таким образом.

Русский язык:

1) неопределенность + активность: неопределенно-личная конструкция: *Дело решают*;

2) неопределенность + пассивность:

а) двучленная вербальная конструкции: *Дело решается*;

б) двучленная партиципальная конструкция: *Дело решено*.

Английский язык:

1) неопределенность + активность: специальной формы нет;

2) неопределенность + пассивность: двучленная партиципальная конструкция: *The case is being solved*.

Существенные межъязыковые расхождения в релятивно-структурном аспекте организации предложения русского и английского языков требуют особого внимания к данной сфере при системном сопоставлении грамматики данных языков, в процессе обучения этим языкам как иностранным и в практике перевода.

Литература

1. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж, 2000.
2. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1974.
3. Сопоставительные исследования 2006; 2007; 2008. – Воронеж: Истоки, 2006; 2007; 2008.
4. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб., 1992.
5. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990.
6. Allen W. Living English Structure. – L., 1965.

А.Б. Зотова

Некоторые виды собственно восклицательных предложений в русском и английском языках

Как известно, восклицательное предложение – это синтаксическая единица, характеризующаяся эмоциональной окрашенностью и повышенной экспрессивностью, что передается специальной интонацией (Иванова 1981, с. 176; Блох 2000, с. 248).

Вслед за рядом ученых (Б.А. Ильиш, Ю.М. Малинович, П.Н. Паничева и др.) представляется целесообразным все восклицательные предложения разделить на несобственно восклицательные и собственно восклицательные.

К русским и английским несобственно восклицательным предложениям лингвисты (М.Я. Блох, Д.Э. Розенталь, П.А. Лекант, Н.С. Валгина, Е.И. Литневская и др.) обычно относят предложения трех коммуникативных типов – повествовательные, вопросительные и побудительные, если соответствующие значения выражаются в них с особой экспрессией, отражая эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому. Ср.: *You've come at last. – You've come at last!*; *Раздевайтесь, пожалуйста, раздевайтесь. – Раздевайтесь, пожалуйста, раздевайтесь!* (Распопов, Ломов 1984, с. 330; Блох 2000, с. 248).

Однако и в русском, и в английском языках есть и другие типы предложений, восклицательный характер которых получает не только интонационное, но и специализированное лексико-грамматическое выражение. Это предложения, в которых эмоциональный аспект выступает на первый план, и которые специально предназначены для ситуаций, когда говорящий находится в состоянии эмоционального возбуждения. Такие предложения относят обычно к собственно восклицательным (Б.А. Ильиш, Ю.М. Малинович, П.Н. Паничева и др.).

Наиболее полное определение собственно восклицательным предложениям дает П.Н. Паничева: «это специализированные средства выражения эмоциональной реакции и связанного с ней эмоционально-оценочного отношения говорящего как к отдельным фактам, событиям окружающей

действительности и ситуации в целом, так и к коммуникативному поведению собеседника и самого говорящего. Эти предложения обладают эмотивно-оценочным значением, характеризуются закрепленной за ними моделью, своеобразием лексических эмотивов, взаимодействующих с восклицательной интонацией» (Паничева 2004, с. 7).

Рассмотрим собственно восклицательные предложения, некоторые структурные типы которых являются специфичными для русского и английского языков.

В рамках материала исследования количество собственно восклицательных предложений по отношению к несобственно составляет 52% в английском и 47% в русском, при этом повествовательные в русском и английском – 30% и 27%, побудительные – 20% и 19%, вопросительные – 3% и 2% соответственно. Рассмотрим каждый из выделенных типов более подробно.

Английские и русские собственно восклицательные предложения можно разделить на следующие частные подвиды, представленные в порядке убывания частотности:

1) междометные предложения: *Jesus Christ!* (D. Brown), *Jesus!* (J. Updike), *Christ Almighty!* (F. Raphael), *Wow!*, *Holy shit!* (I. Caldwell); *О Господу!*, *Фуф!* (Р. Сенчин), *Ой, что вы!* (А. Яковлев) – 20% и 13% в английском и русском;

2) вокативные предложения-обращения, выражающие эмоциональную реакцию на поведение собеседника: *“Kelly!” she said* (S. Sheldon), *“Denis!” Adam said*, *“Son!” he shouted* (S. King); *Николай! Иди покури* (Б. Екимов), *Дядя Гамь!*, *«Николай Васильевич!» - завопила она* (А. Волос) – 14% и 10% в английском и русском;

3) предложения с местоименными словами *how* и *what* (в русском – *как*, *какой*, *что*) в начальной позиции. Количество таких предложений составляет 7% в русском и 5% в английском языках. По наличию или отсутствию всех необходимых членов, они делятся на полные и неполные. К неполным относятся такие структуры, как:

1) *How* (*Какой*, *как*) + прилагательное/наречие: *How big!* (S. King), *How awfully!* (C. Bukowski); *Как некрасиво!* (В. Маканин), *А какая талантливая!* (И. Стекол);

2) *What* (*Какой*) + существительное: *What masters!* (F. Raphael), *What luck!*, *What an accomplishment!* (A. Gopnik); *Какая наивность!* (И. Булкаты), *Но какие обе красотки!* (В. Маканин); *Ах, какие розы!* (И. Стекол), *Какие волосы!* (И. Полянская), *Какие сволочи!* – *шипит она* (Г. Щербакова).

Среди полных можно выделить следующие структуры:

а) *How* (*Как*) + прилагательное/наречие + простое двусоставное предложение: *How evil you want us to be!*, *How grown-up they all looked to Adam’s contemptuously admiring eyes!* (F. Raphael); *А как хорошо всё начиналось!*, *А как вы здорово этого Борткова из «Юности» вспомнили!* (М. Кураев).

б) *How* (*Как*, *какой*) + простое двусоставное предложение: *How I hate the Sunday papers!*, *How we laughed!* (C. Bukowski); *Как же она рискует!* (В. Маканин), *О, как хохотал Фима!* (А. Слаповский). Однако в русском языке, в отличие от английского, прослеживается тенденция к использованию похожего структурного типа, но с некоторыми вариациями: *Как* + глагол: *Как злословили!* (В. Маканин), *Как стремились туда!* (Б. Екимов). В английском языке в рамках исследуемого материала примеры восклицательных предложений с подобной структурой не были обнаружены.

в) *How* + наречие/прилагательное + простое двусоставное предложение + *and* + *how* + прилагательное/наречие + простое двусоставное предложение: ***How easily they spoke and how gradually they dealt with the ritual hecklers!*** В русском языке подобная структура образуется на основании соединения союзом **и** двух неполных предложений: ***Но какой запах у этих цветов и какое нынче утро!*** (Г. Калинин).

г) *What* (Какой) + прилагательное + существительное: ***What a great team!*** (S. Sheldon), ***What a marvelous surprise!*** (F. Raphael); ***Какие вкусные драники!*** (Б. Екимов), ***Какой неуравновешенный человек!*** (Н. Елисеев).

д) *What*(Какой) + существительное + простое двусоставное предложение: ***Oh what masters you are!; What a thing you say!*** (J. Varley), ***What a world we live in!; What a blessing that is!*** (S. King); ***С какой бы радостью ему об этом донесли!*** (М. Кундера), ***Какая сволочь смеет врываться к присяжному поверенному!*** (М. Беленький).

е) *What* + прилагательное + существительное + простое двусоставное предложение: ***What a nice way you have with words!*** (F. Raphael), ***Oh, what a lucky man he is!*** (M. Crichton); ***Боже, какая дурная сказка разыгралась в ней!, И какая полнокровная, интересная фигура предстанет перед автором-исследователем!*** (Н. Елисеев).

4) конструкции с междометиями и восклицательными частицами: ***О-о, ну и грузди!*** (Р. Сенчин), ***Нора! У тебя Ионеско, а не плач Ярославны, чёрт тебя дернул!***, ***Ой, что со мной было этим летом, я чуть не умерла от страха!*** (Ф. Искандер), ***It's not the same, dammit! I've already heard the story line!*** (J. Varley), ***My God, you have no system!*** (J. Varley) ***Such elegant variations on the theme of No!*** (F. Raphael) – 4,5% в русском и 3,5% в английском;

5) односоставные безглагольные предложения, в которых главный член – существительное: ***Беда, настоящая беда!*** (А. Азольский), ***А обувь-то! Туфли совсем расплзлись*** (Р. Сенчин), ***«Стыд!»*** - закричала Анна Сергеевна (Г. Щербакова), ***Фантастика!..*** (Н. Елисеев), ***«Ну и вагон!»*** - радовался продавец (Б. Екимов); ***“House!” Derek said.*** (F. Raphael), ***And that van! It's ridiculous!*** (J. Updike), ***And her hair! It was dirty; Buttons on shoes! It was outrageous*** (J. Varley) – 4% в русском и 2,5% в английском;

6) конструкции с особым инверсивным порядком слов: ***Обнаглела нерусь вконец!*** (В. Залотуха), ***Не гожусь я на эти ответственные должности!*** (В. Астафьев), ***Ужасное впечатление произвели они на меня!***; ***“Thousands of what?” “Of dollars Nelson stole!”, Printed on the side of the bag was las vegas – land of sun and fun!*** (M. Connelly), ***And here I am!*** (D. Brown) – 3,5% в русском и 2% в английском;

7) побудительные предложения, представленные инфинитивными и неполными двусоставными конструкциями: ***“Silence!” Becker switched to English*** (D. Brown), ***Out of the car. Fast!*** (S. Sheldon), ***Walk! Over there! That door!; «Огня!» Угожливо Стас подал ей зажигалку*** (С. Шаргунов), ***За мной!*** (А. Азольский), ***Стоять на месте!*** (А. Слаповский) – 2,3% в английском и 2% в русском;

8) косвенно-побудительные предложения – конструкции с формой изъявительного наклонения глагола 3-го лица и частицей *пусть* в сочетании с неличным существительным (в английском языке - *Let* + местоимение/существительное в косвенном падеже + инфинитив глагола): ***Let the camerlegno pass!*** (D. Brown), ***Let the light shine on them!*** (C. Bukowski); ***Пусть лучшие она берёт машину!*** (В. Маканин), ***Пусть только так улыбается***

– и просит у него что хочет! (И. Полянская) – 1,5% в английском и 1% в русском;

9) эмоционально-окрашенные инфинитивные предложения: *Не видеть дочь четыре года и приехать с пустыми руками!* (В. Токарева), «Как же вы не замерзли, в палатках?» «Смеешься? *Дубака резать под брезентом!*» (М. Бутов), *Лучше сидеть! И драные чулки да колготки штопанные носить!* (Б. Екимов); “We can hitchhike, and sleep on the beach” “*Hitchhike!*” (Maynard), “And - he's going to die.” “*Die!*” (Maynard) – по 0,5% в русском и английском;

10) конструкции, построенные по образцу придаточных условия, но имеющие автономное синтаксическое употребление, или так называемые предложения псевдопридаточной структуры: *Вот если бы все художники так рисовали!; Но если бы только белье!* (Г. Щербакова); *If only I were lucky!* (F. Raphael) – 0,5% в русском и 0,2% в английском.

В рамках материала исследования в русском языке, помимо указанных было выделено ещё три вида собственно восклицательных предложений, не имеющих соответствия в английском языке:

а) конструкции с частицей *чтоб (чтобы)* в начальной позиции и глаголом в форме сослагательного наклонения: *Чтоб вы провалились со своим идиотом!, Чтоб тебя этой бандурой придавило!, Чтоб через час её не было!* (Г. Щербакова), *Чтоб духу твоего здесь не было!* (В. Астафьев)

б) *Дался* + личное местоимение в дательном падеже + существительное: *Дался тебе это идиот!* (А. Титов)

в) *Не хватало* + начальная форма глагола: *Вот ещё! Не хватало ей возиться с его вонючим барахлом!* (М. Бутов).

В английском языке были выделены два вида собственно восклицательных предложения, не имеющих соответствия в русском языке:

а) субстантивное односоставное предложение + придаточное: *The jewels I lavished on that boy!* (F. Raphael), *The irony that she had married a pharmacist!* (C. Bukowski)

б) отрицательные общие вопросы, или так называемые вопросы «да-нет»: “At least close the door,” Brophy demanded. “*Don’t you see my dogs are frightened!*” (D. Brown), *But wouldn’t it be the bee’s knees!* (S. King), *Isn’t it funny!* (C. Bukowski).

Количество рассмотренных выше видов собственно восклицательных предложений в русском языке составляет 1%, а в английском – 0,5%.

Таким образом, русские и английские собственно восклицательные предложения имеют много сходных структурных особенностей, что может быть объяснено тем, что они служат для выражения эмоций, которые свойственны психическому складу человека европейской культуры. Отличия между данными синтаксическими единицами исследуемых языков минимальны и касаются частотности использования отдельных видов.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособ. – 3-изд., перераб. и доп. – М., 2000.
2. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004.

3. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики: Учеб. пособие. – Воронеж, 1984.
4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие. – М., 1981.

А.Л. Лебедева

Именные компоненты в семантической структуре предложения с глаголами касания в русском и немецком языках

В семантической структуре предложений с глаголами касания выделяются обязательные и факультативные именные актанты. Обязательные компоненты входят в состав варианта семантических структур (ВСС) всех предложений с глаголами касания, а факультативные – только в состав предложений с глаголами определённых групп внутри данного лексико-грамматического разряда (ЛГР) (Копров 1999).

Число обязательных компонентов предложений с глаголами касания определяется разновидностью выражаемого тем или иным из них типового значения (ТЗ) “отношения между субстанциями”: минимально они равны двум актантам (отношения между двумя предметами), максимально – четырём (отношения между четырьмя предметами). Тип двух обязательных актантов в составе ВСС определяется семантической валентностью глагола и обозначается семантической структурой: Субъект – Гкасания – Объект.

В связи с тем, что предметно-логическая сочетаемость глаголов касания и в русском, и в немецком языках широка, в качестве субъекта и объекта могут выступать различные субстанции.

Произведённый анализ конкретного материала позволяет считать, что в нашей работе достаточно выделить три формы наполнения субъекта, которые мы обозначим как:

1) субъект-антропоним

Даша прислонилась головой ему к плечу, он погладил, поцеловал её в волосы (А.Н. Толстой). *Лётчик облокотился о перила и смотрел, как разгорается рассвет* (Паустовский). *[Миномётчик] ласково трогал большими узловатыми пальцами ствол своего миномёта* (Э.Казакевич).

Herbert Kalick, blaß, blond, mit seinem fanatischen Gesicht, als eine Art Staatsanwalt fungierend, schlug dauernd mit den Knöcheln auf die Anrichte und forderte: «Härte, Härte, unnachgiebige Härte» (Н. Böll). *Герберт Калик, исполнявший роль прокурора, бледный, белобрысый, с лицом фанатика, беспрерывно стучал костяшками пальцев по буфету и требовал:*

- Твердость, твердость, непреклонная твердость (Перевод Л.Черной).

2) субъект-зооним

Мэри нагнулась к Жуку и лизнула его в морду (И.С. Шмелёв). *Паук всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал её* (М. Пришвин). *Маленькие полярные крачки смело бросаются на медведя: громко кричат, щиплют его за хвост и треплют за уши* (Н. Сладков).

Der Wolf aber leckte sich lachend das Maul, Krampf und Verlogenhheit fielen von ihm ab, sein Blick leuchtete, sein ganzer Leib wurde straff und blühte in wiedererlangter Wildheit auf (Н. Hesse). *А волк только облизывался, всякая вымученность и неестественность слетели с него, его взгляд светился, все его*

тело подтянулось и расцвело во вновь обретенной дикости (Перевод Соломона Апта).

3) неодушевлённый субъект

Горячие губы прижались к её губам... (Л.Н. Толстой). Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева (Л.Н. Толстой). Машина как-то странно коснулась земли, высоко подпрыгнула, снова коснулась, снова подпрыгнула (Б. Полевой).

Ein lauer Regen trommelte jetzt auf die Kastanienblätter (В. Nabokov). Тепловатый дождь забарабанил по листьям каштанов (Перевод В. Набокова).

При классификации существительных дифференцирующим признаком оказывается одушевлённость/неодушевлённость субстанции. В связи с этим мы выделяем:

а) объект одушевлённый

Она обняла княжну Марью и стала целовать её (Л.Н. Толстой). Матрёна нежно и сильно обняла Семёна за спину (А.Н. Толстой). Она поцеловала Тосю трижды (Г.Н. Троепольский).

Die goldnen Stämme der Palmbäume wurden zu Riesenschlangen, die ihre gräßlichen Häupter in schneidendem Metallklänge zusammenstießen und mit den geschuppten Leibern den Anselmus umwanden (Hoffman) Золотые стволы пальм превратились в исполинских змей, которые с резким металлическим звоном столкнулись своими отвратительными головами и обвили Ансельма своими чешуйчатыми туловищами (перевод В. С. Соловьева).

б) объект неодушевлённый (неодушевлённый предмет или часть тела живого существа).

На голову выше Овчинникова, он шагнул к нему, с точной силой ткнул дулом автомата в щеку (Ю. Бондарев). Телегин оцупал дверь (А.Н. Толстой). Я прислонил велосипед к дереву, а сам сел на бревно, мне захотелось собраться с мыслями (М. Пришвин).

Er klammerte sich an die Sessellehne und schüttelte heftig den Kopf (Н. Böll). Он вцепился в спинку кресла и резко мотнул головой (Перевод Л.Черной).

Состав и тип факультативных компонентов ВСС анализируемых предложений зависит от принадлежности их признакового компонента к той или иной подгруппе ЛГР глаголов касания. В предложениях с глаголами касания различных подгрупп наблюдаются следующие факультативные компоненты:

1. а) В предложениях с глаголами касания объекта без его перемещения, без изменения объекта в качестве факультативного компонента выступает чаще всего инструмент, под которым понимается предмет, вовлеченный в действие и способствующий его осуществлению. Иногда инструмент субкатегоризируют на неотчуждаемый (рука, палец и т.п.) и отчуждаемый (молоток, компьютер и т.п.). В роли субъекта выступает человек, поэтому в качестве отчуждаемого инструмента – части тела, чаще всего рука, но могут быть также губы, ноги, нос, лоб, щека и т.д.

Даша, облокотясь, подперла подбородок и мизинцем трогала губы (А.Н. Толстой). Утратившими осязание руками он всё же нащупал её железную рукоять, но чеку разогнуть не смог (В. Быков).

Er legte sich zwischen Hase und Lamm nieder, umarmte beide mit den Vorderpfoten und bildete mit ihnen eine rührende Familiengruppe (H.Hesse). Зверь

улегся между кроликом и ягненком и обнял их передними лапами, образуя с ними трогательную семейную группу (Перевод Соломона Апта).

ВСС: С - Гкасания – О – (Инстр.)

В предложениях с глаголами касания без его перемещения, без изменения объекта в качестве факультативного компонента также возможен локализатор – актант, указывающий на местоположение объекта.

Ствол автомата остро и грубо ткнул его в лопатку...(Ю. Бондарев). *Он схватил со стола трубку* (А.Н. Толстой).

Er klammerte sich an die Sessellehne und schüttelte heftig den Kopf (H. Böll). *Он обеими руками вцепился в спинку кресла и резко мотнул головой* (Перевод Л.Черной).

Ich lehne mich an die Wand und umklammere meinen Helm und mein Gewehr (E. M. Remarque). *Я прислоняюсь к стене и сжимаю в руках каску и винтовку* (Перевод И. Шрайбера).

ВСС: С - Гкасания – О – (Лок.)

б) в предложениях с глаголами касания объекта без его перемещения, с изменением объекта в качестве факультативного компонента чаще всего выступает инструмент:

А на следующий день мужа нашли мёртвым: он перерезал себе бритвой горло (Г.Н. Троепольский).

Auf Befehl sank der Mensch in die Knie nieder, spielte den Wolf, ließ die Zunge heraushängen, riß sich mit den plombierten Zähnen die Kleider vom Leibe (H.Hesse). *По приказанию человек опускался на колени, играл волка, высовывал язык, рвал на себе пломбированными зубами одежду* (Перевод Соломона Апта).

ВСС: С – Г касания – О – (Инстр.)

2. в предложениях с глаголами ЛГР касания объекта с его перемещением в качестве факультативного компонента чаще выступает локализатор.

Она прислонила автомат к брустверу, что-то сказала, удерживая дрожь в голосе (Ю. Бондарев). *Четыре человека медленно тащили тяжёлую лодку с берега в море* (Никандров).

Gehorsam machte ich die Augen zu, lehnte den Kopf an die Wand (H. Hesse). *Я послушно закрыл глаза, приклонил голову к стене* (Перевод Соломона Апта).

ВСС: С – Г касания – О - Лок – (Лок.)

3. в предложениях с глаголами ЛГР касания со звучанием в качестве факультативных компонентов выступают инструмент и локализатор.

Не желая показаться желторотым, Алексей чокнулся гранёным стаканом и выпил тёплую водку, стараясь не морщиться (В. Карпов).

Sie richtete ihre Zigarette auf die Kaminöffnung und tippte mit dem Zeigefinger darauf, wie ihre Mutter es zu tun pflegte, und dann, ebenso wie ihre Mutter, o mein Gott, kratzte sie mit dem Fingernagel ein Stückchen Zigarettenpapier von ihrer Unterlippe (B. Nabokov). *Она направила в сторону камина стрелу папиросы, быстро постукивая по ней указательным пальцем, совершенно как это делала её мать, и совершенно так же, Боже мой, ногтем соскребая частичку папиросы с нижней губы* (Перевод В. Набокова).

ВСС: С – Гкасания – О – (Инстр.)

Некрасов легко побарабанил пальцами по столу, глядя на задумавшегося Ваню, а затем отвернулся в сторону (Г.Н. Троепольский).

Aber er schlug mit der Hand auf den Tisch (H. Böll). Он стукнул рукой по столу (Перевод Л.Черной).

ВСС: С – Гкасания – О – (Инстр.) – (Лок.)

Таким образом, в ВСС русских и немецких предложений с глаголами касания, наряду с двумя обязательными компонентами – субъектом и объектом, входят компоненты, наличие которых определяется семантической валентностью того или иного глагола: инструмент, локализатор.

Литература

1. Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж, 1999.

Е.В. Дворникова

Второстепенное сказуемое в русском и французском языках

Язык покоится на стандартах и стереотипах, выявление и квалификация которых составляют главное содержание любого лингвистического исследования. И поскольку синтаксический строй того или иного языка не представляет исключения из общего правила, конечная цель типологического описания его единиц – предложений оказывается вполне очевидной. Она состоит в том, чтобы на основе анализа сходств и различий свести бесконечное множество высказываний, порождаемых носителями языка в процессе общения, к ограниченному набору иерархически организованных разрядов, в основании которых лежат типовые синтаксические модели.

Всестороннему осмыслению и изучению языка как цельного, многомерного, многоуровневого пространства способствует сложившаяся к настоящему моменту в лингвистике номинативно-прагматическая парадигма, ориентированная на изучение «внешних связей языка – с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит» (Ломов 1994, с. 13).

В рамках этой парадигмы целесообразно подчеркнуть двуаспектность содержательной структуры предложения как языкового (в широком смысле слова) феномена, который, с одной стороны, именуется тот или иной коммуникативно значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой – обеспечивает коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках (прагматический аспект).

При характеристике номинативных свойств предложения широко используется распространившееся в синтаксисе последних лет, заимствованное у логиков понятие пропозиции, которым в лингвистике обозначают константное номинативное ядро, являющееся независимым от всякого рода переменных, прежде всего актуализационных модификаций бытийного компонента сказуемого или главного члена односоставных предложений. Особую значимость это понятие обретает в связи с тем, что пропозиция, будучи номинативной базой предложения, в определенных условиях может трансформироваться в пропозицию небазисную, т.е. такую, которая используется в составе другой, базисной, пропозиции. Небазисные пропозиции являются побочными, дополнительными и могут быть связаны с базисными различными типами логических отношений.

Появившиеся в последние десятилетия тенденции семантизации синтаксиса с необходимостью привели к определённой ревизии отдельных теоретических представлений о природе и сущности таких базовых понятий синтаксиса, как предложение, сказуемое, члены предложения. Так, в соответствии с типологией русского предложения, предложенной А.М. Ломовым и основывающейся на семантико-функциональном подходе, можно выделить следующие основные типы сказуемого, соотносительные с типами предложений: предметные, признаковые и процессные сказуемые.

Дальнейшая последовательная реализация семантико-функционального подхода к сказуемому и второстепенным членам предложения способствует новому осмыслению и пониманию процесса образования, функционирования и систематизации сказуемых, в частности в предложениях типа: *Он вернулся стариком. Мать пришла усталая*, которые оставались дискуссионными на протяжении столетия. Формы *стариком, усталая* трактовались по-разному: и как предикативные второстепенные члены, и как именная часть сказуемого при глаголе, и как дуплексивы. Однако в рамках семантико-функционального подхода комплекс *вернулся стариком, пришла усталая* целесообразно квалифицировать как двойное сказуемое. Это особый вид сказуемого, который состоит из *первого* сказуемого, выражаемого глаголами действительного и страдательного залога, и *второго* сказуемого, пониженного в ранге по сравнению с первым и образующего с ним единый блок, который эксплицируется разнообразными формами: существительными, прилагательными, причастиями и деепричастиями. Оба сказуемых ориентированы на одно и то же подлежащее и один и тот же бытийный компонент, представленный в первом сказуемом.

Второе сказуемое входит в состав базисной пропозиции, образованной на основе первого сказуемого, и как бы «удваивает» её. Оно характеризуется двойной связью, т.е. соотнесённостью, во-первых, с подлежащим основного предложения (координационная связь), во-вторых, с первым сказуемым. Отношения первого и второго сказуемого в составе двойного определяются следующими положениями: первое сказуемое, в зависимости от его лексического наполнения, может разрешать или не разрешать употребление второго сказуемого; создаёт его модально-временную рамку в связи с тем, что второе сказуемое не имеет собственного бытийного компонента и ориентируется на бытийный компонент первого сказуемого.

Природа двойного сказуемого разнообразна и зависит от того, к какому исходному разряду предложений восходит второе сказуемое. Всесторонняя типология второго сказуемого на материале русского и французского языков была предложена в работах А.М. Ломова и Е.А. Алексеевой.

Однако возможности семантико-функционального подхода к характеристике сказуемого и влияние иерархической организации пропозиций на усложнение предикативной структуры предложения не исчерпываются только установлением типов второго сказуемого, а способствуют дальнейшей дифференциации понятия сказуемого. Это связано с тем, что в рамках одного высказывания пропозиции могут либо относиться к одному и тому же субъекту, либо каждая пропозиция может обладать своим собственным субъектом. Этот факт позволяет выявить явление принципиально иного порядка, нежели второе сказуемое – второстепенное сказуемое: Il *la* trouve *belle*. В отличие от второго,

оно не вступает в связь с подлежащим и не образует единого блока с первым сказуемым. Второстепенное сказуемое связывается с аналогом подлежащего (собственным субъектом), который формально является объектом предложения. Второстепенное сказуемое функционирует аналогично сказуемому придаточного предложения и формирует свёрнутую (небазисную) пропозицию, которая включается в базисную. Такое понимание предикативной структуры предложения целесообразно назвать универсальным, т.к. оно может быть применимо ко всем индоевропейским языкам. Задачей нашего исследования является сравнение типов второстепенного сказуемого в русском языке, предложенных в работах А.М. Ломова и его учеников, и во французском языке, выделенных Е.А. Алексеевой. Так, в русском языке разработаны следующие типы второстепенного сказуемого:

I. Второстепенные сказуемые, соотносительные с типами первого сказуемого

1. Второстепенное предметное сказуемое:

1. Второстепенное отождествительно-предметное сказуемое, называющее предмет, тождественный в том или ином отношении предмету-аналогу подлежащего: Когда кто-то назвал его «новым русским», он оскорбился (из газет)

2. Второстепенное реляционно-предметное сказуемое, которое вступает с аналогом подлежащего в отношения соположения, но реализует свои свойства не в полном объёме. Этот тип второстепенного сказуемого выполняет качественно-характеризующую функцию: Пока что я не видел её даже *в плаще* (Думбадзе)

3. Второстепенное измерительно-предметное сказуемое, предполагающее измерительную квалификацию предмета-аналога подлежащего: Огурцов на зиму засолили *семь банок* (из разг. речи)

2. **Второстепенное признаковое сказуемое**, которое предполагает призначную квалификацию предмета-аналога подлежащего путём указания на его те или иные коммуникативно значимые параметры: Примирюсь со всяким злом в жизни, если увижу людей *счастливыми* (Толстой)

3. Второстепенное процессное сказуемое

Этот тип сказуемого представлен в двух вариантах. В первом случае второстепенное процессное сказуемое выражено полным страдательным причастием: Вернувшись с реки, отец и сын нашли мать *заплаканной*, даже, как показалось отцу, *испуганной* (Линиченко, 2004).

Во втором случае второстепенное процессное сказуемое репрезентировано действительным причастием: В доме я увидел тебя *сидящим* за тем еловым столом (Линиченко, 2004)

4. Второстепенное деепричастное сказуемое

Второстепенное деепричастное сказуемое входит в инфинитивную пропозицию.

Небазисный деепричастный оборот, включённый в инфинитивную пропозицию

- небазисный деепричастный оборот, соотнесённый с инфинитивом – репрезентантом подлежащего: В связи с этим представляется целесообразным *дать* более детальный сопоставительный анализ, *выявив* черты сходства и различия (Красных)

- небазисный деепричастный оборот, соотнесённый с инфинитивом – репрезентантом вещественного компонента сказуемого: Оперировать раковину без подготовки – всё равно что вырезать самому себе аппендикс, добросовестно *выслушав* объяснения врача, как это делать (Овчинников)

- небазисный деепричастный оборот, соотнесённый с инфинитивом – репрезентантом второстепенных членов предложения: В своё время у меня была безумная мысль переписать главную роль в «Монолог», *сделав* героя героиней (Сухоцкая) (Белявцева, 1999).

II. Второстепенные сказуемые, не соотносительные с типами первого сказуемого

Второстепенное объектно-инфинитивное сказуемое

Объектный инфинитив выражает действие, производитель которого указан не в подлежащем предложения, а в дополнении в форме винительного или дательного падежа: Он просил мать не стоять под дождём (из разг. речи).

Что касается французского языка, в нём отмечены следующие типы второстепенного сказуемого:

1. Второстепенное предметное сказуемое в двух вариантах:

- второстепенное отождествительно-предметное сказуемое: On l' appelait *la mère-aux-chiens*, et les chiens, il y en avait! (Triolet)

- второстепенное реляционно-предметное сказуемое: Une autre, on l' aurait trouvée épuisée de faim, *en larmes* (Triolet)

2. Второстепенное признаковое сказуемое: En arrivant à la maison, il trouva sa mère seule (Troyat)

3. Второстепенное процессное сказуемое в четырёх вариантах:

- второстепенное деепричастное сказуемое : Le directeur général a proclamé le devoir de l'UNESCO d'encourager la construction de la paix *en favorisant* l'émergence d'une vraie culture de la paix (La langue française)

- второстепенное причастное сказуемое в трёх разновидностях:

a) второстепенное активное причастное сказуемое: J'ai aperçu Caroline *s'avançant* vers moi avec son plus large sourire (Robbe-Grillet);

b) второстепенное пассивное причастное сказуемое: Daniel sentait Martine *battue* par les objets (Triolet);

c) второстепенное результирующее причастное сказуемое: Les Miss ont retrouvé familles et amis, *venus* de partout (La langue française).

- второстепенное инфинитивное сказуемое в двух разновидностях:

a) второстепенное сказуемое при глаголах восприятия: Elle le regarda *sortir*, un peu étroit d'épaules, un peu trop vif (Sagan);

b) второстепенное объектно-инфинитивное сказуемое: Philippe lui dit *d'entrer* au bureau (Troyat).

- второстепенное процессно-именное сказуемое. Особенностью этого типа второстепенного сказуемого является то, что пропозитивное сочетание соотносится не с собственным аналогом подлежащего, а с субъектом основного предложения: «Toi, pendant ce temps-là, tu courais le monde à *notre recherche*» (Robbe-Grillet).

Проанализировав предложенные классификации второстепенного сказуемого в русском и французском языках, можно сказать, что они совпадают по многим параметрам. В обоих языках семантико-функциональные типы сказуемых выделяются с учётом грамматической семантики сказуемого и делятся на

предметные, признаковые и процессные. И в русском, и во французском языках второстепенное сказуемое вступает с предметом-аналогом подлежащего в отношения тождественности (отождествительно-предметное сказуемое), соположения (реляционно-предметное сказуемое), выражает признак предмета-аналога подлежащего (признаковое сказуемое), представляет признак в виде побочного действия, сопутствующего действию первого сказуемого (причастное и деепричастное сказуемые). Но есть и различия в выделенных подтипах второстепенного сказуемого. Так, принимая во внимание выполняемую функцию, русское второстепенное предметное сказуемое дополнительно подразделяется на три варианта: отождествительно-предметное, реляционно-предметное и измерительно-предметное, тогда как французское второстепенное предметное сказуемое представлено только двумя подтипами: отождествительно-предметным и реляционно-предметным сказуемыми. Как видно, во французском языке не зафиксирован подтип измерительно-предметного второстепенного сказуемого. Сам строй французского языка не разрешает употребление второстепенного измерительно-предметного сказуемого, поскольку в предложениях с таким типом сказуемого в русском языке аналог подлежащего выражен существительным в форме родительного падежа. Еще одно отличие касается того, что в русском языке нет второстепенного инфинитивного сказуемого при глаголах восприятия, так как конструкция «инфинитив при глаголах восприятия», унаследованная французским языком из латинского, не существует в русском языке.

Литература

1. Алексеева Е.А. Второе сказуемое, выраженное неличными формами глагола, во французском языке. – Воронеж, 2004.
2. Бегенева Е.И. Вторые и второстепенные сказуемые в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1999.
3. Белявцева И.В. Деепричастный оборот в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1999.
4. Линиченко В.А. Методический аспект изучения причастия в синтаксической системе русского языка // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова. – Воронеж, 2004. – С.126-128.
5. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж, 2004.
6. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж, 1994.

В.А. Шкунников

Количественный процесс в русском и английском языках в аспекте его перспективности

Принято считать, что идея количества преимущественно учитывается при анализе разного рода предметных явлений, которые естественным образом исчисляются в тех или иных единицах измерения. Однако количественность вполне приложима и к глагольным процессам, которые могут квалифицироваться с точки зрения собирательности, порядковости, интенсивности, многократности, совокупности и т.д.

Обыкновенно количественные характеристики глагольных процессов рассматриваются в составе способов действия, причём их список у разных исследователей оказывается неодинаковым, поскольку основания классификации могут то укрупняться, то, наоборот, минимизироваться. Но какой бы принцип не был положен в основу классификации глагольной количественности, нельзя не заметить, что среди способов действия с количественным значением, отчётливо выделяются две большие группы. Это, с одной стороны, глаголы с общей семой освоения наличного множества, к которым относятся дистрибутивные (*перецеловать все иконы, переженить всех сыновей, перекупать детей* и т.п.) и дезинтегративные лексические единицы (*разбросать листовки, раскупить весь товар, разнести почтовую корреспонденцию* и т.п.), а с другой – глаголы с общей семой созидания множества. Последние, являющиеся предметом настоящего исследования, фиксируют то существенно важное обстоятельство, что называемые ими действия приводят либо к накоплению определённого множества предметов, либо к умножению меры самого действия. Соответственно можно говорить о двух группах глаголов этого типа – кумулятивных и проспективных. Первые указывают на то, что в процессе своей реализации обозначаемые ими действия привели к накоплению определённой суммы объектов (или субъектов), тогда как вторые фиксируют, что соответствующие действия длились долго и повторялись много раз, пока не дали о себе знать определённые результаты, причём эти результаты так или иначе связаны с накоплением не суммы предметов, а меры самого действия. (Ср., с одной стороны, глаголы *насобирать (грибов), набрать (земляники), назвать (гостей)* и, с другой стороны, глаголы *набегаться, достукаться, напроказить, заработатьсь, изголодаться, упариться*).

Несмотря на различия проспективных глаголов в формальном отношении, они оказываются тождественными с точки зрения общих семантико-функциональных свойств и механизма реализации передаваемого ими количественного значения. Как подчёркивает Ю.С.Маслов, по сути своей они являются итоговыми глаголами: в них подводится результат некоторым длительным или многократным действиям, которые либо пришли в соответствие с определённой внутренней нормой, либо превысили её (Маслов 1959). С учётом этих и некоторых других особенностей глаголы этого вида подразделяются на несколько разрядов. Наиболее многочисленные из них сативные (в иной терминологии – сатуративные) глаголы, которые объединяют в своём составе лексемы типа: *наишаться, нацеловаться, наготовиться, накататься, навоеваться, надивиться, накушаться, наворчаться, надраться* и т.д. Определение их содержательной специфики обычно связывают с признанием факта вызываемых ими последствий. Так, авторы Академической грамматики русского языка указывают на то, что им свойственно «значение полного удовлетворения или пресыщенности действием» (Грамматика русского языка 1980, с. 604). Аналогичного мнения придерживаются А.В. Бондарко и Л.Л. Буланин, которые полагают, что глаголы данного типа «обозначают действия, интенсивность и длительность которых вызывает состояние удовлетворения и пресыщенности» (Бондарко, Буланин 1967, с.19).

Отвлекаясь от рассмотрения указанных свойств сативной семантики, следует отметить, что для анализируемого вида количественности (множественности) характерен признак нормы. Отношение к этому признаку позволяет выделить

два варианта сативности. Первый представлен глаголами, выражающими достижение соответствующими действиями этой нормы, как в случаях: *нагуляться, начитаться, наговориться, надышаться, насмотреться, напеться, навздохаться, наездиться* и т.д. Глаголы второго варианта констатируют, что соответствующая норма превышена и тем самым действие как бы выводится за пределы усреднённого стандарта: *набедоваться, намучиться, настрадаться, наплакаться, напереживаться, натосковаться, нагореваться* и т.п.

Очень часто оттеночный или, если так можно выразиться, субъективно-объективный характер сативной количественности задаётся не только префигированными глаголами с приставкой *на -*, но и контекстными средствами, а именно наречиями *вдоволь, достаточно, вполне, досыта, вволю...*, сочетаниями предлогов с именами существительными *до одурения, до смерти, до помутнения рассудка, до отвала, до изнеможения...*, а также предлогов с местоимениями *до того., до такого...* Например: Я *до того* нахлопотался и набегался, что даже заболел (А. Чехов); День потерял..., зато с тобой *вдоволь* набеседовался (В. Белинский); Насладившись угнетённым видом нахлебников и *досыта* наговорившись, Зотов вышел за ворота (М. Горький).

Анализируемая со стороны своих наиболее общих количественных проявлений, сативная количественность обнаруживает следующие важнейшие особенности. Она абсолютно безразлична к тому, является ли субъект единичным или множественным. Ср.: *ребёнок набегался – дети набегались, пассажир намучился – пассажиры намучились, хозяйка настряпалась – хозяйки настряпались*. Для неё важно, прежде всего, указание на количественно характеризованный объект, чаще всего представленный в виде некоторой наличной совокупности предметов или однородной массы вещества: *нахлебаться воды, набраться впечатлений, начитаться газет, надышаться морозного воздуха, нализаться сметаны, наклевать зерна, наглотаться таблеток* и т.д. Впрочем и это не является общим правилом, поскольку в целом ряде случаев такого рода объекты могут оказаться не названными. Более того, границы между двумя указанными вариантами сплошь и рядом оказываются нечёткими. Ср.: *налакаться спиртного – налакаться до помутнения рассудка*

Обыкновенно достижение или превышение количественной нормы осуществляется на основе последовательно развёртывающегося во времени глагольного действия: *намечтаться, натосковаться, навалиться, напоститься, нарадоваться, насмотреться, належаться* и т.д. Вместе с тем, в ряде случаев, количественный результат может складываться из серии однородных актов, как в глаголах: *нарубиться, назеваться, напрыгаться, накусаться, нацеловаться, наглотаться, наплеваться, настреляться, наклеваться* и т.д.

Перспективно-сативное значение реализуется в результате взаимодействия производящей основы и специализированного префикса *на-*. Специализированный префикс привносит в содержательную структуру производного глагола накопительное значение извне, тогда как базисная основа выступает в роли регулятора словообразовательного процесса, запрещая или, наоборот, разрешая его. В случае многозначности производящей основы для реализации соответствующей семантики из набора лексико-семантических вариантов (ЛСВ) избирается тот, который наиболее пригоден для этой цели. При этом, понятно, что префикс отвечает за общее значение накопления, тогда как указание на способ этого накопления (т.е. на периферийную сему)

осуществляется за счёт производящей основы. Так, если глагол *бегать* обозначает «быстро двигаться (преимущественно в разных направлениях), усиленно и ускоренно ходить», то соответствующий производный глагол имеет значение «вдоволь, много побегать».

Производящие основы, на базе которых образуются проспективно-сативные глаголы, с семантической точки зрения оказываются довольно пёстрыми. К ним относятся:

а) мультипликативные глаголы: *клевать, хватать, дёргать, рубить, стучать, кусать, глотать, клевать, махать, прыгать* и т.д.

б) эволютивные глаголы: *беседовать, гостить, воевать, гулять, готовить, обедать, играть, курить, командовать, петь, танцевать, торговать, ужинать, читать* и т.д.

в) глаголы ненаправленного (неоднаправленного) движения: *бегать, лазить, ездить, летать, плавать, таскать, носить* и т.д.

г) статальные глаголы: *скучать, мечтать, горевать, сидеть, голодать, стоять, мучиться, лежать, страдать, переживать, терпеть, ревновать* и т.д.

д) глаголы общерезультативного способа действия: *стирать, строить, есть, пить, говорить, целовать, брать* и т.д.

Наблюдение над языковым материалом показывает, что исходной лексической базой проспективно-сативной количественности являются, как правило, глаголы несовершенного вида, как невозвратные (*говорить, рыдать, свистеть, пить, тосковать, нюхать*), так и возвратные (*лакомиться, бороться, поститься, смеяться, бахвалиться, слоняться*). В первом случае постфикс *-ся*, обязательный для проспективно-сативной количественности, привносится в соответствующий глагол вместе с приставкой *на-* (*плавать – наплаваться, кричать – накричатся, ломать – наломаться, лизать – нализаться*), во втором он как бы наследуется от производящего глагола (*маяться – намаяться, смеяться – насмеяться, бороться – набороться, бахвалиться – набахвалиться*).

Наблюдение над материалом показывает, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные акциональные морфемы, ответственные за реализацию проспективной семантики в русском языке. В абсолютном большинстве случаев английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить значение накопления меры действия: реализация соответствующей семантики зачастую осуществляется здесь за счёт контекста. По этой причине английский глагол оказывается не только не способным выразить значение накопления, но и никак не реализует признак многоактности, представленный в семантической структуре многих русских глаголов с количественной семантикой.

Нередко в содержательной структуре проспективно-сативных глаголов, образованных с помощью приставки *на-*, содержится признак многоактности и равнозначный ему в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов обыкновенно передаётся признак разовости, тогда как признак многоактности, когда каждый акт действия откладывает свою часть результата в общее значение накопления, никак не репрезентируется и обыкновенно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *have had a lot of trouble – намаяться, sit for a long time – насидеться, have heard plenty, a lot – послушаться, have had a good laugh – насмеяться, have suffered much – натерпеться, cry much – наплакаться вдоволь, be (half) starved –*

наголодаться, have had as long a drive as one liked – накататься всласть, have shouted for a long time – накричатся и т.д. Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу количественной характеристики глагольного действия, когда значение многоактности и значение разовости разграничиваются лишь с помощью соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении проспективно-какопительной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутой степени действия, либо на его длительности и развитии во времени.

Литература

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967.
2. Грамматика русского языка. – Т.1. – М., 1980.
3. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959. – С. 157-312.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

- Стернина М.А., Стернин И.А.** (*Воронеж*) Параметрический метод в сопоставительных исследованиях с.3
- Колтакова С.В., Стернина М.А.** (*Воронеж*) К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок с.6
- Махонина А.А.** (*Воронеж*) Об уровнях и ступенях лакуарности с.11
- Петросян Ж.В.** (*Воронеж*) К вопросу о типологической классификации русско-английских адъективных лакун с.14

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики

- Суханова О.В.** (*Воронеж*) Тематическая классификация русско-английских глагольных лакун с.16
- Баранова Л.А.** (*Воронеж*) Национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках с.18
- Деркач С.И.** (*Воронеж*) Номинативная плотность лексем в смысловой сфере «Политика» в русском и английском языках. с.21
- Вострикова И.Ю.** (*Воронеж*) Сопоставительный анализ микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» в русском и английском языках с.24
- Чернова Н.И.** (*Воронеж*) Сопоставительный анализ наименований зданий и помещений для учреждений, связанных с соблюдением законности, в русском и английском языках с.26
- Шишкина Н.М.** (*Воронеж*) Глаголы имитационной речевой деятельности в русском и английском языках с.29
- Моисеева С.А., Великанова А.Л.** (*Белгород*) Национальная специфика ЛСГ *водное пространство* во французском и русском языках с.32
- Маник С.А.** (*Иваново*) Сопоставительный анализ общественно-политической терминологии русского и английского языков (на примере событий в Индии в декабре 2008 г.) с.35
- Костенко Н.В.** (*Воронеж*) Общие и национально-специфические особенности обозначения линейного перемещения (на материале русского и английского языков) с.37

Кондратьева З.И., Жеребцова М.Н. (Сыктывкар) Семантика цветообозначений в коми и немецком языке	с.41
Дмитриева С.В. , Тулина Л.Б. (Сыктывкар) О некоторых особенностях цветообозначений в английском и французском языках	с.43
Мягкова Е.Ю., Таныгина Е.А. (Курск) О некоторых особенностях употребления прилагательных <i>blue</i> и <i>синий</i> в английском и русском языках	с.47
Портнихина Н.А. (Воронеж) Сравнительный анализ семантического развития лексем <i>молния</i> и <i>lightning</i> в русском и английском языках	с.50
Книга А.В. (Воронеж) Национальная специфика лексемы <i>ураган</i> на фоне английских соответствий	с.53
Попова Л.Г. (Мичуринск) Семантика русских номинаций «сундук» и «шкаф» в сопоставлении с аналогичными наименованиями в европейских языках	с.55
Свистова А. К. (Воронеж) Русская лексема <i>тоска</i> и ее переводные немецкие соответствия	с.57

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области фразеологии

Сакаева Л.Р. (Набережные Челны) Спланхнонимический компонент во фразеологических единицах антропоцентрической направленности русского, английского, татарского и таджикского языков	с.60
Абакумова О.Б. (Орел) Сопоставительный анализ семантики и прагматики пословиц	с.63
Денисова Е.А. (Воронеж) Структурные и семантические особенности английских и русских компаративных фразеологических единиц	с.66
Князева Н.И. (Воронеж) Этимологическая мотивированность некоторых англоязычных и русских устойчивых сочетаний в сопоставительном аспекте	с.68
Селин С.В. (Воронеж) Сравнение фразеологического компонента семантических полей «madness» в английском языке и «сумасшествие» в русском языке	с.72
Черникова С.Н. (Воронеж) Фразеологизмы, включающие компонент <i>море</i> в русском и английском языках	с.74

Раздел 4.

Сопоставительные исследования концептосфер

- Бабушкин А.П.** (*Воронеж*) Контейнерная метафора «Человек» в контексте русских и английских лексем и фразеосочетаний, соотносимых с органами жизнедеятельности Homo Sapiens с.77
- Лаенко Л.В., Ширшикова Е.А.** (*Воронеж*) Когнитивные основания коннотаций репрезентантов признака «тяжелый» в английском, французском и русском языках с.82
- Шарданова М.А** (*Нальчик*) Репрезентация концепта «красота» в английской, русской и адыгской паремиологии с.88
- Воеводская О.М.** (*Воронеж*) Национальная специфика отражения концепта ПОБЕДА/ VICTORY в синонимических рядах ключевых лексем с.91
- Селищева Д.А.** (*Воронеж*) Взаимодействие лексики и фразеологии при объективации концепта «спокойствие» в русском и английском языках с.95
- Шестеркина Н.В.** (*Саранск*) Интерпретация концепта 'огонь/feuer' (на материале русских и немецких пословиц) с.97
- Быкова С.А.** (*Воронеж*) Одежда из меха в русском языковом сознании на фоне немецкого с.100

Раздел 5.

Сопоставительные исследования дискурса

- Гурьева З.И., Петрушова Е.В.** (*Краснодар*) Сходство и различия английских и русских бизнес-текстов с.102
- Лукьянова Е.Ю.** (*Тамбов*) Гибридный речевой акт типа «бехабитив + директив», реализуемый во французских и русских надписях, вывесках и указателях с.105
- Полякова Л.С.** (*Магнитогорск*) Гендерные стратегии в политической коммуникации: сопоставительный аспект с.109
- Пивоварчик Т.А.** (*Гродно, Беларусь*) Сопоставительные исследования в прагматике (к анализу стереотипов русского и белорусского речевого поведения) с.113
- Борисова Л.М.** (*Воронеж*) Способы оценки речевого поведения в художественном дискурсе (на примере новеллы Вернера Хайдучека «Прегрешение» и его русского перевода) с.117

Раздел 7.

Сопоставительная лингвокультурология

- Гольдберг В.Б., Исаева Л.М. (Тамбов)** Мифологемы в художественном сравнении как фактор актуализации национального самосознания (на материале английского и русского языков) с. 123
- Григорьева Э.К. (Якутск)** Проблема национально-специфического в англо-шотландских балладах с.127
- Новикова Т.Б. (Волгоград)** Языковые и лингвокультурные заимствования с.130
- Фахрутдинова Д.Р. (Казань)** Национально-культурная специфика текстов военной присяги с.132
- Филичкина Т.П. (Орел)** Русская и английская языковая личность в деонтической картине мира с.138
- Ренц Т.Г. (Волжский)** Коммуникативная эмоциональность в межличностном общении (на примере русской и американской лингвокультур) с.143
- Сидорова В.В. (Волжский)** Функционирование наименований вымышленных существ из произведений Дж. Р. Р. Толкина в русской и американской лингвокультурах с. 147
- Пичугина А.А. (Тольятти)** Символика красного цвета в мифологии кельтов Ирландии и Уэльса с.152
- Дормидонтова О.А. (Липецк)** Лексема ХЛЕБ как национально-культурный компонент фразеологического и паремиологического фонда русского и французского языков с.156

Раздел 8.

Сопоставительные исследования и перевод

- Орехова Н.Н., Цуанова З.М. (Глазов)** Иосиф Бродский в английских и немецких переводах: текст, интертекст, метатекст с.160
- Дробышева Т.В. (Воронеж)** К вопросу об изменении коммуникативно-прагматического содержания художественного образа в текстах перевода по сравнению с текстом оригинала с.164
- Лукина Л.В. (Воронеж)** О принципах определения оптимального переводческого соответствия с.167
- Вознесенская Л. Н. (Орел)** К вопросу о переводе имен собственных с.170
- Ремизова И.В., Егупова Г.Н. (Астрахань)** К вопросу о переводе безэквивалентной лексики в английских экономических текстах с.174

Раздел 9.

Сопоставительные исследования в области грамматики

Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Категория определенности/неопределенности семантического субъекта в русском и английском языках	с.175
Зотова А.Б. (<i>Воронеж</i>) Некоторые виды собственно восклицательных предложений в русском и английском языках	с.180
Лебедева А.Л. (<i>Воронеж</i>) Именные компоненты в семантической структуре предложения с глаголами касания в русском и немецком языках	с.184
Дворникова Е.В. (<i>Воронеж</i>) Второстепенное сказуемое в русском и французском языках	с.187
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Количественный процесс в русском и английском языках в аспекте его перспективности	с.191
Содержание	с.196